

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

Люциан Воляновский

ПОЧТА
В НИКОГДА=
НИКОГДА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Люциан Воляновский
☀
ПОЧТА
В НИКОГДА=НИКОГДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

LUCJAN WOLANOWSKI
POCZTA DO NIGDY-NIGDY
CZYTELNIK, WARSZAWA, 1970

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
А. Б. ДАВИДСОН, *Н. Б. ЗУБКОВ*,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, *Н. А. СИМОНИЯ*

Перевод с польского
Л. С. МАЛАХОВСКОЙ

Ответственный редактор
А. А. МУРАДЯН

Воляновский Л.

В 72 Почта в Никогда-Никогда. Пер. с польск., М.,
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1976.

261 с. с карт. («Путешествия по странам Востока»).

Польский писатель и журналист Люциан Воляновский описывает в этой книге свои путешествия по Австралии. Перед читателями раскрываются красочные картины австралийской природы, ее богатый животный мир. Автор знакомит нас с жизнью современного австралийского общества. Книга написана с большим юмором,

В $\frac{20901-015}{013(02)-76}$ 137-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976,

*Рассвет занимается над пустыней в самом сердце Австралии, заливая окрестности роскошными красками. Постепенно вся гамма — от красного до фиолетового — волной окатывает плоские равнины и холмы, мелкий кустарник и камни, русло иссякшей реки, едва обозначенное на песке. Тишину утра нарушают лишь пронзительные крики попугаев. Вдруг ему разбегаются в панике, кенгуру огромными прыжками мчатся не разбирая дороги, испуганные рокотом мотора крошечного самолета. Он летит совсем низко, отыскивая посадочную площадку. Теперь он — всегдашней этих мест, это летит ПОЧТА
В НИКОГДА-НИКОГДА.*

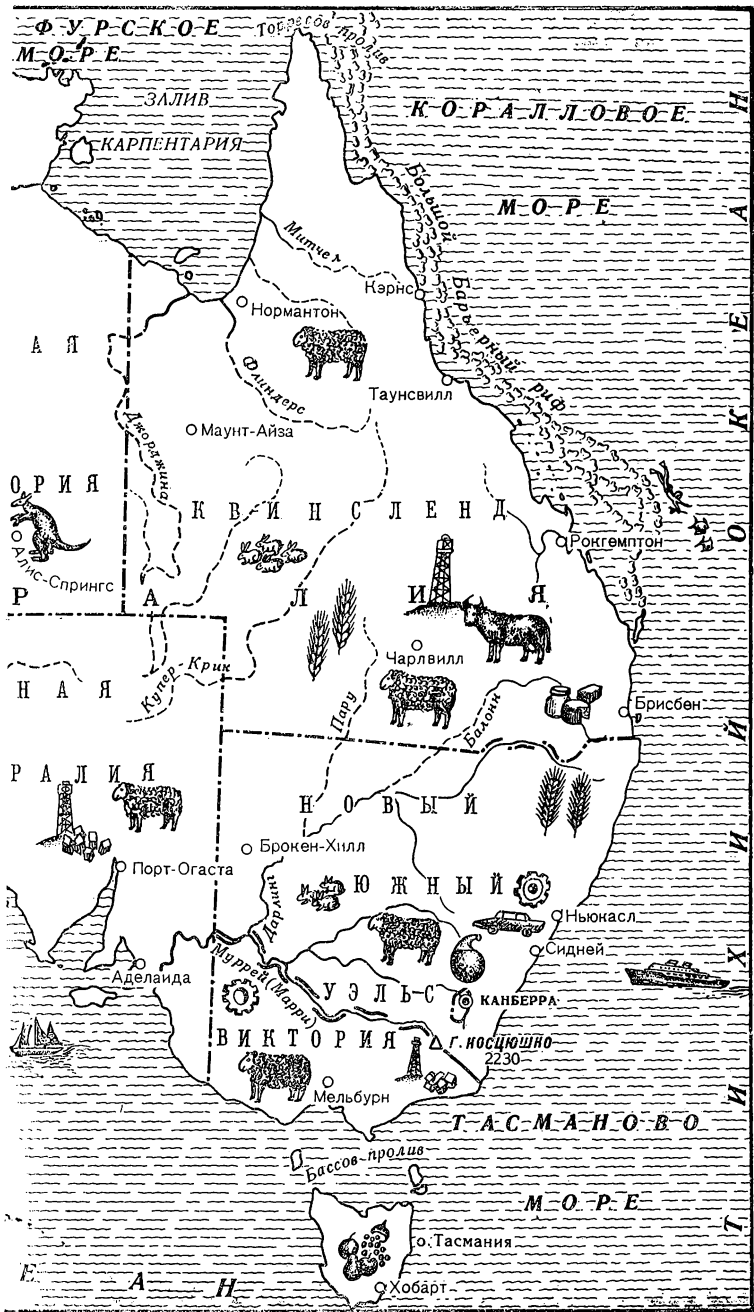
В АВСТРАЛИЮ Я ЕДУ, НЕ ПЛАЧЬТЕ ОБО МНЕ!

Этот раздел адресован моей дочке Анне, которую мы дома зовем Ворчуньей.

Мне бы хотелось, чтобы ты когда-нибудь увидела Австралию. Это очень интересная страна. Когда ты вырастешь, туда уже будут летать на сверхзвуковых самолетах. Полагают, что такое путешествие из Центральной Европы будет продолжаться около одиннадцати часов. В 1967 году британское телевидение уже показало программу под названием «За два часа до Сиднея». Правда, сразу после этого в эфир пошла другая передача и в ней высказывалось мнение, что создание такого скоростного самолета и соответственно специальных аэродромов стоило бы очень, очень дорого и что, пожалуй, надо было бы сначала установить, не лучше ли вложить эти капиталы в расширение пригородного сообщения. Ведь сейчас миллионы австралийцев ежедневно тратят много часов, чтобы добраться до работы.

Есть люди, утверждающие, что мир повсюду одинаков. Они говорят: люди носят одинаковую одежду, сидят за одинаковыми столами, слушают одни и те же мелодии, смотрят одни и те же фильмы и телевизионные

программы. Однако это так лишь на первый взгляд. И если тебя заинтересует то, что я рассказал об Австралии, то знай также, что в Японию меня научили такой мудрости: «Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать». Другими словами, ни одна книга не заменит того, что увидишь своими глазами.

Муравьи и муравьеды

Иногда меня спрашивают о моих приключениях во время полета. Я отвечаю, что приключений никаких не было, а если бы были, я, пожалуй, уже не мог бы о них рассказать. Но к этому маленькая поправка: в полете что ни возьми все — приключение, все удивительное... Уверю тебя: это интересный мир.

И сегодня можно без труда облететь нашу планету на обычных рейсовых самолетах за двое суток. Если лететь все время на восток — можно три раза увидеть восход солнца, а если на запад — то только раз.

Это, повторяю, удивительный мир. Послушай, что со мной случилось, когда я летел в Сидней самолетом, который потом следовал по графику в Нанди на острове Вити-Леву в архипелаге Фиджи. Моим соседом оказался какой-то пожилой господин, завсегдатай на этой трассе. Раз в месяц, а иногда и чаще он летит на Фиджи прямо из Лондона, чтобы наблюдать на месте за делами британской фирмы, поставляющей техническое оборудование для плантаций сахарного тростника, в которой он работает.

У него, разумеется, уже было забронировано место на обратный рейс.

— Когда я буду возвращаться с Фиджи, мой багаж подвергнут дезинфекции, — заметил он вскользь.

— Почему именно ваш?

— Из-за носорога.

«Только не раздражать его, только не спорить», — подумал я. Однако через минуту выяснилось, что речь идет о насекомом, которое обычно называют «кокосовым носорогом»; этот вредитель свирепствует на многих островах Южных морей, вот почему Австралия и Малайзия принимают все меры, чтобы не допустить его в свою страну.

Я не знаю, как будет выглядеть самолет, на котором ты полетишь. Когда я в твоём возрасте первый раз сел в самолет, мне позволили заглянуть в кабину пилота. В то время перед его глазами было тридцать два прибора, а сейчас — целых сто пятьдесят... В приключении, которое называется полетом, люди придумали множество способов решения постоянно возникающих проблем. Так, только по упаковке живых зверей, рыб и насекомых существует сто двадцать одна инструкция. Имеются правила и для перевозки горилл и золотых рыбок, гиппопотамов и гиен, муравьев и муравьедов...

На авиалиниях сотрудничают люди разных рас и национальностей, ведь воздушный океан соединяет все народы.

Я встретил стюардессу-польку в английском самолете; американец держал штурвал, когда я летел в Факфак на Новой Гвинее, а пан Стефан Рохович, ведущий свое происхождение от северных славян, представляет в Польше индийские авиалинии.

Однако попытаемся сохранить известную очередность событий. Правда, я прибыл в Австралию на борту устаревшего реактивного самолета, который «тащился» со скоростью меньше тысячи километров в час; все-таки это был самолет.

Некто Северин Кожелинский оставил нам «Описание путешествия в Австралию и пребывания там же с 1852 по 1856 год» (издано в Варшаве в 1954 году), из которого ты можешь узнать, как путешествовали в те времена. Кожелинский ездил на золотые прииски. Он видел там людей, которые приготовили крепкие сундучки, обитые жостью, для хранения золотого песка. Потом оказывалось, что весь их трехлетний заработок свободно может поместиться в кармане, сундучок же служил им лишь для хранения крупы или соли, или заменял столик...

21 июля 1852 года в Ливерпуле Кожелинский поднялся на борт «Великой Британии», с гордостью информируя нас о том, что это самое большое пассажирское судно, какое только бороздило волны в то время. Мы узнали, что этот четырехмачтовый пароход имел машину мощностью пятьсот лошадиных сил и вмещал до трех тысяч бочек груза.

Когда ты окажешься на аэродроме и услышишь монотонные сообщения на нескольких языках об отправлении твоего самолета, — перед лицом этого механизированного чуда, лишённого всякой романтики, — попробуй представить себе, как в старину прощались с родными берегами пароходы.

«В два часа пополудни матросы, — пишет Кожелинский, — поднимая якорь, затянули песню, которую они обычно поют, отправляясь в дальнейшее плавание. Внутри корабля в шести топках, как в аду, запылал огонь, из труб повалил дым, зашумел пар, начали подниматься огромные якоря, плавающая громадина задрожала, и винт заработал. Корабль мало-помалу начал продвигаться вперед, а следовавшие за ним четыре обычных парохода рядом с нашим чудовищем выглядели, как дети, окружившие мать. На всех судах гремела музыка: нарядные дамы и мужчины провожали родных, друзей или знакомых. Пароходы находились рядом с нами, пока мы не вышли в открытое море. На нашем корабле загрохотали пушки. Троекратным „ура“, поднятием и опусканием флага „Великая Британия“ прощалась с портом Ливерпуля. В одно мгновение все суда, стоящие в порту, покрылись флажками, загремели залпы береговых батарей, а воздух сотрясли приветственные возгласы многотысячной толпы, и тысячи платочков затрепетали по обеим сторонам канала.

В первый день на корабле живешь в настоящем хаосе — канаты, ящики, коробки и тюки еще разбросаны. Пассажиры несут в каюты все самое необходимое для путешествия, а багаж матросы опускают в трюм. Многие еще не знают, где их места, а есть и такие, которые хотя и знают, но никак не попадут туда, потому что, прощаясь с друзьями, слишком близко познакомились с бутылкой. Кто-то из пассажиров вздыхает, кто-то плачет, кричат дети, все слоняются, толкаются... Лучше всего сразу лечь спать, так как усталость дает себя знать, а утро вечера мудренее...»

Возможно, так же как и господин Кожелинский, ты будешь путешествовать в самом дешевом классе, но с голоду ты не умрешь: ведь современные авиакомпания, конкурируя между собой, стремятся выиграть борьбу, закар-

мливая привязанных к креслам пассажиров. На каждом аэродроме грузятся замороженные продукты, которые затем попадают на подносы и в желудки путешественников.

Кожелинский же сообщает, что на корабле в его третьем классе «едят ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы удержать душу в теле. Паровые суда имеют лишь то преимущество, что не надо самим готовить, тогда как, напротив, на парусных пассажиры из третьего класса и с мест, называемых *steerage*¹, получают питание сухим пайком и только по доброй воле поваров допускаются к плите».

Твой самолет, наверное, будет лететь так высоко, что землю можно будет увидеть — как уже и в мои времена — только на телевизионном экране. Разглядывание пассажиров — тоже развлечение и, как видно из описания Кожелинского, было развлечением и в его время.

«...Был еще сын богатого фабриканта из Йоркшира. Из-за сердечной привязанности к любого рода жидкости, которая давала ему основание подозревать, что в ней заключена хоть капля алкоголя, он был удален отцом в ссылку под присмотром надежного слуги. Этот достойный юноша не обходил своим вниманием ни одной посуды, украшенной этикеткой, однако самые нежные его чувства вызвала круглая плоская квартовая фляга, обшитая кожей. Когда она появлялась, весь окружающий мир исчезал для него. Он улыбался ей, разговаривал с ней, до тех пор пока оба, нежно обнявшись, не валялись на палубу. Четверо матросов относили их в каюту, где они до утра почивали. На следующий день „друзья“ вновь появлялись на палубе».

Ты увидишь всех своих спутников еще на аэродроме, перед началом полета, тогда как Северин Кожелинский даже в течение своего многомесячного путешествия смог разглядеть их «далеко не сразу».

«...Постепенно палуба начала заполняться народом. Из всех классов появились фигуры с заспанными лицами; повсюду раздавалось обычное английское приветствие: *Nice day*². Неважно, происходило это на суше или на море, в погожий или в ненастный день. И даже когда усталый от

¹ Палубные пассажирские места (англ.). — Прим. пер.

² Славный денек, прекрасный денек (англ.). — Прим. пер.

многokратного однообразного ответа „yes“³ удираешь вниз и встречаешь тех, кто встал позже, они пропускают тебя как сквозь строй, уверяя, что „день прекрасен“, хотя никто из них еще и не поднимался на палубу...

Женщин не было видно. Туалет их требует бóльшего времени, чтобы можно было показаться в обществе из представителей четырнадцати национальностей. Число пассажиров составляло шестьсот пятьдесят человек, а были еще офицеры, машинисты, матросы, повара, мясники, пекари и комнатная, вернее, каютная прислуга.

Общественное мнение обычно складывается по первому впечатлению и влияет на последующее суждение общества. Для путешествующих в Австралию корабль представляет собой весь мир, так как в течение трех месяцев, а может быть и дольше, связь с людьми и землей прервана просторами океана. Дамы — и особенно привычные к морским путешествиям англичанки — хорошо знают об этом. На корабль они часто садятся свободными, а причаливают к берегам Австралии с мужем, „подловленным“ по дороге. Во время нашего путешествия две пары связали себя узами Гименея на борту „Великой Британии“. И ничего удивительного! Путь дальний, а скука немилосердная. Многие, подолгу глядя на однообразные волны океана, обращают усталый взор на палубу, где, как куры на насесте, на лежащей вдоль борта запасной мачте сидят прелестницы. На одной из них взгляд останавливается, а потом задерживается надолго: ходить-то ведь далеко не надо. Избранный образ волнует сердце, вздох поднимает грудь... Присутствующий во взгляде магнетизм действует на избранницу. Несколько недель видишь парочку все время вместе.

Я так и не узнал, кто совершал обряд венчания при отсутствии священника. Спрашивать было неудобно. Я думаю, что эти обязанности берет на себя капитан, который обычно читает молитву, если случится хорóнить кого-нибудь в пути. Да и потом, если в Шотландии кузнец ударом молота по наковальне и записью имен двух персон соединяет их узами, почему бы и капитану не осуществить этот важный акт, тем более что узел не гордиев. Развязав его — а сделать это совсем не трудно.—

Да (англ.).— Прим. ред.

можно даже с выгодой продать свою жену на публичных торгах».

— Ну что это такое! — воскликнет читатель, — Неужели автору только потому, что он был в Австралии, позволено писать неслыханные вещи!

Я отвечаю на это выдержкой из английской газеты «Обзервер» (корреспонденция из Австралии за январь 1856 года). Заголовок: «Продажа жены мистера В. Маршала из Уэмблтона близ Кирби Мурсайд»: «Жена мистера В. Маршала была приведена к перекрестку и там продана за два шиллинга шесть пенсов мистеру Джону Уэбстеру, кавалеру ордена св. Криспина, июля 11 дня, года 1855...»

«...Так как женщины еще не появились, колокольчик приглашал мужчин в салоны к завтраку, после которого в отличном настроении все высыпали на палубу. Мужчины, по большей части с трубками или сигарами, с виду равнодушно наблюдали и оценивали представительниц прекрасного пола, многие из которых уже с первого дня стали изображать колонисток, появляясь в легких, непринужденных нарядах и в шляпах с широкими лентами, развевающимися на огромных полях. В первые часы смех, шутки, оживленные беседы занимали общество, однако вскоре кое-кто побледнел, глаза наполнились слезами, углы губ опустились и, наконец, многие из будущих колонисток, подперев прелестную головку рукой, забыли о роскошных шляпах, сейчас съехавших на плечи и приоткрывших изменившиеся лица. Это начала сказываться безжалостная морская болезнь. Мало кто не подвержен ей. Даже привычный к морю человек поддается ей, когда поднимается на корабль после долгого пребывания на суше. Говорят, что даже знаменитый Нельсон всякий раз при сильном ветре страдал морской болезнью. И якобы поэтому его знаменитые слова: „Англия ждет, что каждый сегодня выполнит свой долг“, прозвучавшие при Трафальгаре, прерывались какой-то странной икотой».

Морское путешествие полно событий: то похороны, то свадьба, а то еще какое-нибудь происшествие. «...Команда матросов вооружается, везде расставлены посты. Даже приготовлены пушки, а при них маленькие пирамидки из ядер». В то время в Кейптауне блились остатки отрядов кафров, вождя которых, закованного в канда-

лы, увидел Кожелинский и рассказал о нем в своей книге⁴. «...На борту корабля был карцер, куда сажали строптивых пассажиров. На острове Св. Елены судно стояло в порту целую неделю, так как, чтобы получить топливо, пришлось разобрать остов невольничьего корабля».

Так называемый бокс

Кожелинский рассказывает, что «иногда какое-нибудь случайное недоразумение вызывает неприязнь или ненависть у англичан. Тут же они начинают употреблять сильные выражения или же устраивают поединок на кулаках, так называемый бокс». Он приводит нам правила этого кулачного боя. А именно: «Оба противника выбирают друзей в свидетели или секунданты, в обязанность которых входит назначить место поединка, снять со своих клиентов верхнее платье, а иногда и совершенно обнажить их по пояс. Поставив противников лицом к лицу, секундант подает знак сходиться: „Go on!“⁵. Секунданты также должны следить, чтобы никто не наносил ударов открытой рукой. Сжатыми кулаками можно прохаживаться только от головы до пояса, но не ниже. Если один из участников, сваленный кулаком противника, падает, секундант поднимает его, становится на одно колено, сажает на другое, стирает со лба и лица пот или кровь и, брызгая на него водой, приводит в себя для того, чтобы он мог продолжить поединок. Процедура должна быть закончена в несколько минут. Секундант противоположной стороны следит за выполнением этого требования, иначе упавший считается побежденным. Приводить поверженного в чувство и продолжать борьбу можно до тех пор, пока один из участников не признает себя побежденным или, поваленный на землю, не сможет больше подняться. Бывают случаи, когда противники покидают поле боя, оставляя на нем кто глаз, кто зубы. Однако это не мешает им в полнейшем согласии опрокинуть по нескольку стаканчиков водки сразу же после боя. Иногда встреча кончается траге-

⁴ С. Кожелинский — участник венгерской революции 1848 г., эмигрировал в Австралию. Его сочувствие повстанцу-кафру вполне понятно. — *Прим. пер.*

⁵ Вперед (*англ.*). — *Прим. пер.*

дней — смертью одного из борцов. Но чаще все ограничивается синяком под глазом».

Я сомневаюсь, конечно, чтобы ты увидела бокс на борту самолета. Мне не случалось также присутствовать при хоровом пении пассажиров реактивного лайнера, тогда как из описания Кожелинского следует, что на его корабле пели часто и охотно. Особенно любили сентиментальную песню «I am going to Australia, do not cry for me»⁶.

Следуй за мной!

Итак, ты видишь, что путешествие господина Кожелинского было долгим и интересным. Я же летал из Европы в Австралию трижды и каждый раз новым путем. Последние впечатления лучше запоминаются. Поэтому я и хочу рассказать тебе о своем третьем путешествии. После приземления самолета перед ним появляется маленькая машина с надписью на борту: «Следуй за мной!» Она-то и проводит неуклюжий на земле воздушный лайнер по лабиринту незнакомого аэродрома, показывая ему место, где можно выключить двигатели и высадить пассажиров.

Следует иметь в виду еще и проблему... времени. Когда ты полетишь на самолете со сверхзвуковой скоростью, она станет еще сложнее, чем сейчас. Дело в том, что часы и реактивный самолет находятся в заговоре, в результате которого любой режим превращается в абсурд. Лучше всего это чувствуется во время полета в Европу. Для пассажиров из Австралии, летящих через Индию, время обеда наступает как раз тогда, когда пассажиры из Европы еще только облизываются при мысли о вкусном первом завтраке... Но проблема питания, так осложняющая обслуживание пассажиров, еще не самое главное.

Наш организм привык к режиму, определенному самой природой. Французский спелеолог, который два месяца жил в абсолютной темноте подземного грота, просыпался и засыпал в одно и то же время. Пока господин Кожелинский плыл на корабле несколько меся-

⁶ «В Австралию я еду, не плачьте обо мне...» (англ.). — Прим. пер.

цев, его организм постоянно приспосабливался к изменениям во времени. Сейчас же являешься в Сидней через какие-нибудь тридцать шесть часов после вылета из Варшавы. И когда здесь ложатся спать, ты не чувствуешь сонливости, твой организм настроен на бодрствование... Зато утром, когда все принимаются за работу, ты чувствуешь себя как человек, которого разбудили среди ночи...

Я лично советую всем, кто летит на скоростных самолетах в Австралию, положить первые двое суток на алтарь разницы во времени и ни с кем не назначать важных встреч. Есть люди, которые считают, что уже перед вылетом надо постепенно изменить время приема пищи и сна и таким образом приспособиться ко времени пункта назначения. Теоретически это звучит великолепно, но мой опыт показывает, что как раз эти последние дни перед поездкой — самые горячие, и на какую-либо специальную подготовку никогда не хватает времени. Зато я готов подписаться под теорией людей просвещенных, провозглашающих, что «политики, торговцы, спортсмены и беговые лошади должны воздержаться от всякой деятельности в день прибытия и даже на следующий день».

Возможно, что туристам это и безразлично. Не подлежит сомнению, однако, что человек, совершивший «прыжок через время» на пути восток — запад (этот фактор отсутствует, если ехать с севера на юг), садясь за стол переговоров в конференц-зале, не может быть равноценным партнером. Некоторая раздражительность или усталость здесь лишь вторичные явления, так как происходят более серьезные перемены в жизнедеятельности организма. Ученые установили, что требуется целых восемь дней, прежде чем гормональная деятельность надпочечников приспособится к новому ритму после дальнего путешествия. Это, разумеется, очень индивидуально и зависит от возраста, природной сопротивляемости и других черт субъекта, но я лично рекомендую вычеркнуть первые два дня из календаря пребывания на новом месте.

Если таковы проблемы пассажиров, то можно себе представить, как «век реактивных самолетов» ежедневно осложняет жизнь тех, кто... постоянно имеет дело с ними!

Мой самолет, вылетевший из Рима, делает посадку на аэродроме Санта-Крус в Бомбее. Сюда дважды в неделю воздушные лайнеры со всего мира подвозят пассажиров, следующих далее, в Австралию.

До вылета у меня остается несколько часов, и я пользуюсь случаем, чтобы поговорить с диспетчерами, людьми, которые ежедневно решают головоломки, вернее, уравнения со множеством неизвестных. Задача заключается в следующем: существуют шестнадцать экипажей в составе командира корабля, второго пилота, штурмана и бортмеханика, находящихся в Бомбее, Лондоне, Сингапуре, Перте, Гонконге и Москве. Их нагрузка должна составлять не менее шестидесяти пяти и не более восьмидесяти часов в месяц. Она не должна превышать за один вылет двенадцати часов, считая с момента объявления рейса (за семьдесят пять минут перед вылетом на международных линиях и за шестьдесят минут на внутренних). Необходимо проверить, в полном ли составе экипаж, так как всегда кто-нибудь может находиться в отпуску или же на диспансеризации, которую пилоты проходят каждые полгода, а штурманы и бортмеханики — каждый год. Еще надо учесть, что экипаж не может лететь в заданном направлении, если не имеет определенного числа пробных полетов по данной трассе. В некоторых случаях, как, например, в Гонконге, экипаж проходит тренировку отдельно в ночных и в дневных полетах.

Теперь надо решить следующую задачу: самолет из Лондона должен приземлиться в Бейруте, откуда другой экипаж, который сменит первый, поведет его до самого Бомбея. Но Бейрут может не разрешить посадку из-за плохой погоды. Аэродром закрыт, и реактивный лайнер летит на запасной аэродром в Каир. Лондонский экипаж уже превысил допустимую норму своего рабочего времени и не может вести самолет из Каира в Бейрут. Поэтому экипаж, ожидающий в Бейруте, первым попутным самолетом должен лететь в Каир, чтобы принять смену. Можно даже отложить полет, чтобы лондонский экипаж отдохнул, но кто в таком случае поведет из Бейрута в Лондон самолет, который с минуты на минуту прибудет из Австралии?

Составление графика работы обслуживающего персонала (стюардов и стюардесс) уже проще. У них нет ограничений трассы, пассажиров обслуживать все равно что на пути из Москвы в Бомбей, что из Сиднея в Нанди.

У меня создалось такое впечатление, что спаянность экипажей существует только в романах или в сентиментальных второсортных фильмах. В действительности же она существует только в полете — пока экипаж работает вместе. Как только меняется пункт назначения, экипаж, прошедший таможенный досмотр, расформируется и не встречается в том же составе целыми месяцами.

Работа стюардессы на дальних рейсах — нелегкий кусок хлеба. Индийцы предложили снабдить каждую стюардессу шагомером. Оказалось, что во время перелета через Атлантику она проходит днем в среднем девять километров, а ночью, когда пассажиры спят, несколько меньше. А ходить приходится с тяжелыми подносами, останавливаясь у каждого ряда кресел.

Мне хотелось увидеть знаменитый «черный ящик», то есть электронный прибор, который записывает данные о ходе полета. Он устроен таким образом, что даже в случае гибели машины содержащаяся в этом ящике информация помогает установить причину аварии.

Пожалуйста, не пугайтесь. На самом деле этот прибор вовсе не ящик и вовсе не черный. Это — шарик, покрашенный в желто-оранжевый цвет. Часовой механизм в течение двухсот часов приводит в действие пять контрольных приборов. Регулярно обследуя самолет, инженеры вскрывают шарик, чтобы по записям на узкой алюминиевой ленте определить состояние всех систем самолета.

Летчик или шофер?

Мне пришлось столкнуться с людьми, которые утверждают, что прошли те времена, когда пилоты были летчиками, что сейчас они просто высококвалифицированные шоферы.

Летчики, с которыми я разговаривал, не согласны с этим, причем отнюдь не из-за оскорбленного самолюбия, а ссылаясь на следующие факты.

Командир корабля «Боинг-707», например, несет ответственность за машину стоимостью около шести миллионов долларов, которая летит со скоростью, равной девяти десятым скорости звука. Он должен постоянно следить за показаниями двух искусственных горизонтов, таксометра и множества других приборов. Так ли это? Ведь казалось бы, у второго пилота тот же набор приборов, но в том-то и дело, что отвечает за все один командир. Кроме этого он обязан контролировать разделительную таблицу бортмеханика, проверять перед вылетом сорок три, а перед самым стартом — двадцать один прибор.

В воздухе толкучка. Представь себе, что ты кружишь в темноте над аэродромом вместе с полдюжиной других самолетов, ожидая разрешения на посадку. В Индонезии боевые самолеты совершенно независимы от контрольного пункта аэродрома Кемайоран. Воздушный коридор на линии из Сингапура к архипелагу Рио неслыханно узок, и надо быть чрезвычайно внимательным, чтобы не сбиться с курса. Все эти вещи требуют огромного напряжения внимания.

А ведь пилоты сделаны из того же теста, что и мы. На них тоже тяжело действует разница во времени. После ночного рейса пилот сажает самолет порядком усталый. Едет в отель — а тут сон бежит прочь, организм настроен на другое время.

Да и с пассажирами хлопотно. Есть такие, которые слишком много выпивают, забывая о том, что организм иначе реагирует на спиртное, когда в полете уменьшается количество кислорода. Стюард часто получает распоряжение подать (бесплатно) алкоголику только подкрашенную воду, ведь он все равно уже не отличает ее от крепкого напитка. Иногда приходится даже пригрозить высадкой из самолета в ближайшем аэропорту, но это уже крайняя мера.

Значительно труднее предусмотреть появление на борту пассажира с каким-либо психическим заболеванием. Об этом не говорят вслух, но в самолетах обычно есть наручники. Однажды безумец вырвал нож у стюарда, и понадобилось усилие пяти человек, чтобы его обезоружить и запереть в помещении, предназначенном для отдыха экипажа.

О тех неприятностях, которые иногда доставляют пассажиры в полете, можно прочитать в маленькой бро-

шюрке, откуда, кроме того, можно узнать, что индийцы обладают ценным качеством — умением подшучивать над собой; я никогда и не подозревал об этом.

Интересно отметить, что автором этой книжки под названием «Твой до гроба», которую раздают пассажирам в самолете, является сам господин С. К. Кук, то есть коммерческий директор компании «Эйр Индиа». Он обращается к пассажирам со следующими словами: «Просьба не давать спиртных напитков нашему персоналу — от директора и ниже. Дирекция непреклонна в этом отношении, и если кто попадается — тут же вылетает с места, отсюда страшная текучесть кадров. В особенности среди служащих. Они работают самое большее три месяца, то есть столько же, сколько и наши стюардессы. Это и понятно, если учесть, что, согласно инструкции профессиональных союзов, стюардесса обязана поделиться выпивкой с директором <...> Когда обезьяну спросили, откуда у нее блохи, она показала на другую обезьяну. Совершенно такого же мнения придерживаются правительства наших стран, когда речь заходит о санитарных правилах. Каждое государство убеждено, что чума, холера и желтая лихорадка — основные статьи экспорта других стран. Отсутствие справки о прививках может повлечь за собой девять дней пребывания в карантине. С нами такое уже случалось, и это вовсе не было забавно <...> Мы не хотим знаться с человеком, который бьет свою жену или шельмует в карты, но он наш лучший друг по сравнению с тем, кто в последнюю минуту отказывается от билета. Когда нам приходится иметь дело с такой личностью, шутки кончаются, и самые стойкие люди плачут при виде молний, сверкающих в наших глазах <...> Ни один муж не является героем в глазах собственной жены. То же отношение у нас к пилотам. Наши командиры — это что-то среднее между Гогеном и „любовником леди Четтерли“⁷. Полеты — их хобби, заработки в данном случае — второстепенный вопрос. Во время полета они обязаны несколько минут поболтать с пассажирами. Считается, что это хорошо, так как устанавливается контакт с публикой. Однако будьте бдительны. Когда вы увидите, что наш командир приближается

⁷ Название романа английского писателя Д. Лоуренса.—
Прим. пер.

к вам, переложите жену и бумажник на другую сторону <...> Арабская поговорка гласит, что трудно скрыть три вещи: любовь, дым и человека на верблюде. Мы присоединяем к этому еще и возраст ваших деток. Поэтому хорошенько подумайте, прежде чем сказать нам, что детина рядом с вами, у которого на груди больше волос, чем у нас на голове, ждет не дождется, когда ему исполнится двенадцать годочков... Мы не говорим, что за преступлением последует расплата, мы гипнотизируем вашего детку взглядом и сладеньким голоском спрашиваем: „О чем ты так замечтался, сынок?“ Когда же он отвечает басом: „О водке“, то глубокая тишина нарушается лишь шелестом банкнот. Это раскошелливается папа, чтобы оплатить полную стоимость билета <...> Перед посадкой на аэродроме Санта-Крус вы должны заполнить бланк, который даст вам наша стюардесса, чтобы установить, где вы провели последние девять ночей. Лгать грешно, тем более что речь здесь идет лишь о названии города, а вовсе не об адресе... <...> Расставаться всегда грустно. Наши мысли обращаются к Франции, где принято говорить, что уехать — значит „немного умереть“. Мы не совсем согласны с этим, ибо чувствуем себя великолепно, однако некоторые симптомы есть: в горле у нас пересохло, глаза увлажнились, а ваши денежки на билет уже лежат в нашем кармане. Мы бы с удовольствием сказали, что именно вы и есть самые прекрасные пассажиры, каких мы когда-либо возили, но тогда другим путешественникам было бы досадно. Поэтому низкий вам поклон и нежный привет»...

На душе делается веселее от того, что инструкции могут быть составлены без угроз и даже с юмором. Еще Оскар Уайльд утверждал, что если бы пещерные люди умели смеяться, то история развивалась бы иначе...

Но вот уже позади короткая стоянка в Мадрасе. И прошло несколько часов, как мы вылетели из Сингапура. Во тьме начинают вырисовываться очертания огромного материка. Чуть больше десяти минут, и мы приземляемся в Перте, столице штата Западная Австралия. Целая ночь полета над континентом — и мы делаем круг над Сиднеем, чтобы идти на посадку на международном аэродроме Кингсфорд Смит. Иммиграционный чиновник быстро перелистывает паспорт, находит визу и ставит штемпель: «На выход». Мы в Австралии.

УДИВИТЕЛЬНЕЙШИЕ ВЫДУМКИ

Однажды мистер Габриель Нач взял меня с собой в Сиднейский порт, где фирма, которую он представлял, производила погрузку металлических изделий с австралийских металлургических заводов. Заодно мы наблюдали приготовления к рейсу большого парома «Empress of Tasmania», курсирующего между Австралийским материком и портами Тасмании. Эта линия, которую обслуживает государственный арматор «Australian National Line», — самая протяженная в мире — нигде больше паром не проходит шестьсот двадцать миль.

Регулярное движение на Тасманию было открыто очень давно, еще в 1803 году. Первым в путь двинулся шестидесятитонный британский бриг «Леди Нельсон», имея на борту сорок человек, одну лошадь, десять голов крупного рогатого скота, тридцать две овцы, восемь коз, тридцать восемь свиней и немного птицы. А первым «туристским» кораблем, который появился у берегов Тасмании, было голландское судно «Хемскерк», которое зашло туда по пути с Явы. Руководил экспедицией знаменитый Абель Янзон Тасман⁸, а организатором ее была нидерландская Ост-Индская компания, находящаяся в Батавии. Это была блестящая экспедиция. Первоначально остров получил название Вандименова Земля⁹, чтобы исторической справедливости ради впоследствии назвать его Тасманией...

Это было давным-давно, дорогие читатели, и я сомневаюсь, чтобы пассажиры, которые сегодня плывут на

⁸ Автор допускает неточность: разработал план экспедиции и считался ее кормчим «один из наиболее сведущих моряков Ост-Индской компании — Франс Висхер...», а Тасман был командиром этой экспедиции (Я. М. Свет, История открытия и исследования Австралии и Океании, 1966, стр. 127). — *Прим. пер.*

⁹ Так назвал А. Тасман открытый им остров в честь тогдашнего генерал-губернатора Нидерландской Ост-Индии Автония Ван Димена. — *Прим. ред.*

Тасманию, забивали себе голову этими воспоминаниями. Участники ежегодных парусных регат Сидней — Хобарт могут засвидетельствовать, что океан на этом пути бывает спокоен, как колыбель, и бурен, как вагнеровская опера. Учитывая этот второй вариант, паромы снабжены стабилизаторами, смягчающими качку. Идут они к острову со скоростью семнадцать узлов. Пассажиры, чьи машины еще в порту отведены на отдых в гаражи парома, наблюдают красивый вид с моря на ночной Сидней. Затем кладут детей спать, а если эти ангелочки отказываются, они могут поиграть в зале, оформленном как капитанский мостик. Сами же пассажиры устремляются в бары или смотрят собственную программу телевидения, которая передается из студии парома.

По дорогам гневной истории

Итак, начнем наше путешествие по дорогам гневной истории. Раз за разом паром пересекает уже давно стертые океаном следы прежних мореплавателей. С замиранием сердца смотрел, наверное, Абель Тасман, имя которого носит остров, да и другие моряки — Дю Фрейсине, Фюрно, Кук, Блай и Энтрекасто, на незнакомые берега. Именно здесь, дорогие читатели, в заливе Блэкмана, корабельный плотник Форестье из экипажа Тасмана прыгнул в воду и вплавь достиг незнакомых берегов, где водрузил флаг и тем самым захватил остров для своего государства: таков был обычай у первооткрывателей. Это был смелый поступок, однако он остался без внимания. Много раз мореплаватели Голландии подходили к берегам Австралии и близлежащих островов: Хевик ван Хиллегом и Питер Дирксзон на борту «Зеволфа», Ленерт Якобзон и Вилем Янсзон на борту «Дейфкена», Питер Нейтс и Франс Тейссен на «Голден Зекард» и другие.

Они появлялись здесь в те времена, когда о существовании Австралии никто еще не знал. Опаленные солнцем, томимые голодом и жаждой, мореплаватели из голландских деревень торопились отплыть на север, к портам Явы, распространяя рассказы о негостеприимных берегах. В портовых тавернах ходили легенды о далеком материке, где бурное море швыряет корабли на опасные коралловые рифы, а у самых берегов топи чередуются

с дюнами. Черные волны угрожают там жизни смельчаков, которые отваживаются появиться в прибрежных водах.

Прологом к изучению истории Австралии является знакомство с... Голландией того времени. В Рейксмузеум в Амстердаме, в Маурицхёйс в Гааге или Призенхоф в Делфте со стен смотрят портреты достойных торговцев и их круглолицых рыжеволосых супругов.

«Золотой век» или «Век Золота»?

Мастера кисти оставили нам полные жизни образы людей семнадцатого века, этого «Золотого века» голландских открытий. Кто знает, может быть, название «Век Золота» — более подходящее для этой эпохи и даже больше понравилось бы почтенным купцам, если бы историки позволили им самим выбирать название.

Ведь было же время, когда за скромную сумму в шестьдесят гульденов голландцы купили у индейцев остров Манхаттан и основали там поселение Нью-Амстердам, которое зовется теперь Нью-Йорком... А Ян ван Риебек заложил фундамент голландской колонии на другом конце мира на Юге Африки — здесь начали строить город Кейптаун.

Капитан «Дейфкена» Вилем Янсзон был родом из рыбацкой деревни на голландском побережье. После обследования берегов Новой Гвинеи, или «Страны Золота», он добрался до самого залива Карпентария в нынешней Австралии. Чернокожие аборигены убили нескольких его матросов. Сам Янсзон заявил, что это страна, где да же голландец не найдет ничего, на чем можно было бы сделать деньги... 25 октября 1616 года члены экипажа корабля «Эндрахт» из Амстердама забили на острове Дерк-Хартог в заливе Шарк у берегов Западной Австралии заявочный столб с надписью, провозглашавшей, что страна имеет нового хозяина. После чего судно подняло паруса и отчалило. А об этом столбике никто так и не вспомнил. Это был всеми забытый континент...

Семнадцать директоров

Эти первооткрыватели находились на службе у «семнадцати директоров», руководивших нидерландской Ост-Индской компанией. Она быстро завладела порту-

гальскими конторами в Индии, а на Яве основала собственные поселения. Ее корабли доходили до Китая и Японии. После 1610 года дивиденды, выплачиваемые вкладчикам, достигали пятидесяти процентов, чего никак не удастся современным гигантам торговли или промышленности.

Великие рыцари торговли той эпохи, как равные, беседовали с королями, ссужали им деньги, снабжали их пушками и даже полностью снаряженными военными кораблями! Однако сами они не совали носа в войны. В сознании «семнадцати директоров» понятия «война» и «золото» не очень ассоциировались друг с другом. Гром орудий, которые они сами продавали, не ласкал их слуха, эти дельцы предпочитали звон монет.

В темных конторах Амстердама «семнадцать директоров» внимательно читали и анализировали написанные великолепным почерком отчеты, прибывающие из дальних стран. Вот Абель Тасман с грустью сообщает, что не нашел на «большом материке» тех кореньев, которые голландцы с огромной прибылью продавали в Европе. В 1645 году он даже предложил своим кормильцам решение проблемы: «Что делать с этим большим материком?» — «Оставить эти земли и впредь никому не известными, так как незачем указывать другим тот путь, который уже разоряет нашу Компанию».

Значит, судари мои, сказали тогда, наверное, себе в Амстердаме, давайте-ка лучше возьмемся всерьез за эксплуатацию богатств Явы и соседних островов. Тем более, что господин Хендрик Браувер¹⁰ открыл новый путь, который сокращает плавание из Амстердама с полутора лет до полугода! Однако мореплавателям приходилось быть очень внимательными, так как малейшие отклонения от намеченного курса уводили корабли слишком далеко на восток.

Гляди в оба!

Особенно внимательно они должны были следить за группой островов, находящихся всего в каких-нибудь тридцати восьми милях от материка. Ведь не случайно

¹⁰ Хендрик Браувер — голландский мореплаватель, открывший в 1611 г. Западно-Австралийское течение.— *Прим. пер.*

их название Абролхос происходит от португальской поговорки «abri vosos olhos», что означает «гляди в оба!»

Итак, мы потихоньку приближаемся к тем местам, где совсем недавно удалось отыскать следы странной истории. Нашли их...на дне моря. Подобно рыбаку, из года в год сидящему с удочкой над озером и мечтающему поймать сказочного сома, австралийские аквалангисты много лет пытались найти остов корабля «Батавия», бывшего некогда собственностью нидерландской Ост-Индской компании. С 1629 года покоился он где-то у побережья Западной Австралии. Из-за ошибки картографов еще в 1840 году корабль искали не там. Чтобы правильно определить местонахождение корабля, каждое слово из записей капитана «Батавии», сделанных им на голландском языке, было тщательнейшим образом переведено. Архивные данные сопоставлялись со старыми картами. Когда наконец определили местонахождение корабля, пришлось четыре года ждать удобного момента, чтобы раскрыть тайну истории Австралии, которая хранилась на морском дне. «Мы были полны забот и беспокойства, ни дать ни взять чайка, у которой в гнезде четырнадцать голодных птенцов», — вспоминает участник экспедиции Хью Эдвардс.

Наконец в 1963 году «Батавия» была обнаружена аквалангистами австралийского военного флота. Величественно покоились среди кораллов огромные бронзовые пушки, покрытые зеленоватой тиной. Морская вода даже не разъела наковальни из корабельной кузницы; на дне лежали якоря, пушечные ядра, толстые дубовые балки. Был выловлен кожаный пояс, который за триста лет не только не сгнил, но даже сохранил удивительную эластичность. Канаты и сети предохранила от гибели образовавшаяся из пороха и смолы смесь, которая после катастрофы облепила их, оберегая от доступа воды и воздуха.

Так выглядели доставленные из глубин свидетельства одной из самых больших морских трагедий.

Жизнь иногда сама создает такие сюжеты, которые, если бы их выдумал писатель, сошли бы за плод его болезненной фантазии. Ну какой сценарист мог бы создать эпопею о «Батавии»? Ведь все те усилия, которые попадались для ее обнаружения, выглядят весьма бледно на фоне истории этого корабля до его погружения в морскую пучину...

В зарослях кораллов один из водолазов нашел ступку корабельного аптекаря с высеченной сентенцией: «Amor vincit omnia» («Любовь все побеждает»). Но в рассказе о «Батавии» больше ненависти, чем любви. Молча смотрели участники экспедиции на найденный ими череп со сломанной челюстью и следами сабельного удара, пока врач составлял протокол о смерти человека, убитого триста тридцать четыре года назад...

Потерпевшие кораблекрушение и разбойники

«Батавия» имела на борту триста шестнадцать пассажиров. Гордый корабль Ост-Индской компании под командованием Франса Пелсарта вез на четверть миллиона гульденов золота¹¹, запакованного в десять ящиков, драгоценности из сокровищницы султана и другие товары. За два часа до рассвета 4 июня 1629 года «Батавия» разбилась о коралловый риф вблизи островов Абролхос¹².

Когда вода начала заливать трюмы, солдаты и матросы прорвались к бочкам с вином и пьяные шатались по накрепившейся палубе, даже не пытаясь спасти то, что еще можно было спасти. Пассажиров высадили на двух небольших островках, а на борту терпящего бедствие корабля оставили Иеремию Корнелиса и еще нескольких матросов, которые с подозрительной поспешностью согласились сопутствовать ему в этом опасном предприятии. Дело в том, что еще во время долгого плавания из Голландии они задумали поднять бунт и, завладев кораблем, заняться пиратским промыслом. И хотя время для этого еще не настало, они решили использовать подходящий случай.

Пелсарт искал на побережье пресную воду, но не нашел. С небольшой бочкой воды и несколькими людьми он отправился на маленькой шлюпке на Яву, чтобы привезти оттуда помощь и воду. Возможно, его товарищи гораздо больше заботились о спасении собственной жизни, чем о людях, оставленных на маленьких островках. У Пелсарта был один шанс из тысячи добраться до Явы.

¹¹ Другие источники упоминают о двухстах пятидесяти тысячах серебром.— *Прим. пер.*

¹² Я. М. Свет и В. Андреева называют это место скалами Хатмаца.— *Прим. пер.*

Если бы в тридцатичетырехдневном плавании в открытом океане он погиб, то для потерпевших крушение спасения уже не было бы. И Пелсарт отважно бросил вызов судьбе.

К счастью, волнами прилива выбросило с затонувшего корабля на берег бочки с водой и вином. Вслед за ними, уцепившись за сломанную мачту, до берега доплыли и Иеремия Корнелис. На острове он собрал тридцать шесть своих единомышленников. Совещались они недолго: здесь слишком много людей и слишком мало еды...

Драматические события все нарастали и вылились наконец в кровавые столкновения, когда один из заговорщиков в приступе пьяной откровенности начал бормотать о давно задуманном заговоре. Теперь уже у Корнелиса не было пути назад. Испуганные люди, которых судьба забросила на безлюдных островах вместе с разбойниками, с ужасом передавали друг другу известие, услышанное от пьяницы. Бунтовщики знали, что, если они попадут в руки правосудия, их ждет виселица. Пиратство было доходным занятием, и морские державы беспощадно боролись с этим бичом торговли. Палач должен был предостеречь тех, кто, измученный нечеловеческими условиями морских плаваний и железной дисциплиной на кораблях, лелеял мечты о легкой жизни и богатой добыче...

«Сатанинская гордость»

Корнелис и его люди высадились на одном из двух островов, где находилась большая часть потерпевших кораблекрушение. Раз уже нельзя было достать пищи, они решили уменьшить число людей, на нее претендующих. Они убили сто двадцать пять человек: мужчин, женщин и детей. Забавы ради разбойники выдумывали разные способы убийства. Некоторые жертвы были утоплены, другим перерезали горло, третьих порубили саблями или забили насмерть палками. Корабельному плотнику по фамилии Стуффельс Корнелис приказал вырвать сердце, так как считал, что мастер недостаточно прилежен в работе...

Он пригласил в свою палатку пастора Бастипаенса и его красавицу дочь Юдифь якобы для того, чтобы угостить их изысканным обедом. А во время этого пиршества живодееры убили жену пастора и шестерых братьев

и сестер прекрасной Юдифи. У нее даже не было времени, чтобы их оплакать, так как тут же, при дележе добычи, Корнелис подарил Юдифь одному из своих помощников. Себе же он выбрал самую красивую из всех пассажирок, благородную Лукрецию Янс. Старые голландские хроники с негодованием отмечали, что Иеремия Корнелис «так далеко зашел в своей сатанинской гордости, что не только без зазрения совести ежедневно менял одежду, но и наряжался в шелковые подвязки, шитые золотом...»

Репортеру, который спустя три с половиной столетия оказался на месте разыгравшейся трагедии, трудно себе вообразить эту оргию убийства и этот парад придворных одежд на маленьких островках, едва выступающих над уровнем моря. Разряженные в пурпур и кружево, разбойники с совершеннейшим хладнокровием убивали своих земляков. Но, как говорится, пути господни неисповедимы. Удар настиг пиратов с той стороны, с какой они меньше всего ожидали.

Первые колонисты

Корнелис оставил на необитаемом островке маленькую группу солдат, которые охраняли драгоценный груз, под командой Вебби Хейса. На всякий случай он хотел избавиться от них, но свои планы скрыл, а приказал им искать пресную воду, хотя великолепно знал, что этот островок предварительно был обследован и воды здесь нет. Корнелис рассчитывал, что, оставшись без лодки, солдаты погибнут от жажды.

Подвел случай, и этот простой расчет не оправдался. Солдаты нашли не только пресную воду, но и животных — маленьких кенгуру валлаби и яйца морских птиц. К ним позже переправились люди, которые уцелели от расправы, кто на украденной шлюпке, кто на небольшом плоту, а кто даже и вплавь. Они рассказали солдатам о том, что их ожидает. Вебби Хейс соорудил примитивное оружие из разного корабельного инструмента. Вместе с другими солдатами стоял он по колено в воде, отражая штурм корсаров. Битва шла не на жизнь, а на смерть, потому что людям Хейса нечего было терять, а пиратам было необходимо во что бы то ни стало избавиться от свидетелей своих преступлений. И вот выпал крупный выигрыш, тот самый один шанс из тысячи! Во время брато-

убийственной схватки между голландцами к берегам острова подошел «Сардам», корабль с Явы. Развитием дальнейших событий был бы удовлетворен самый взыскательный сценарист; дело закончилось гонкой шлюпок бунтовщиков и солдат. Последним удалось раньше достичь корабля и предупредить его экипаж о корсарах.

Итак, зло наказано и мы приближаемся к счастливому концу. Летописцы успокаивают голландского читателя, обладающего чувством бережливости и хозяйственности. Они сообщают, что энергичный Пелсарт в первую очередь стал собирать драгоценности, которые валялись кругом, разбросанные по песку пьяными бандитами. И пусть это вас не беспокоит: отыскалось все, кроме одной золотой цепочки. Пелсарт привез с Явы водолазов, которые быстро подняли ящики с золотом. «Семнадцать директоров» в Амстердаме имели основание гордиться такой заботой экипажа об их благе! У спасателей сердце разрывалось при виде разграбленных трюмов. Песок и морская вода испортили великолепное кружево и прекрасное сукно, служившее платьем корсарам в этом знойном, влажном климате...

Господин Пелсарт сразу же начал вершить правосудие. Оно касалось не только бунтовщиков, но и тех несчастных пассажиров, которые избежали расправы как пленницы пиратов... Попытки ускорили следствие, и бунтовщики проводили ночи в наскоро построенной тюрьме, вслушиваясь в стук топоров,— это поспешно ставили виселицы. В пространном обосновании приговора Пелсарт утверждает, что Корнелис не только приказал титуловать себя «генерал-капитаном», но и «перестал верить в существование ада и дьявола». За все «подвиги» ему был вынесен приговор: «отрубить обе руки, а затем повесить». Его главным помощникам перед казнью отрубили каждому одну руку, а остальных или повесили, или заковали в кандалы и отправили на Яву, где местные власти жестоко расправились с ними.

Но еще на месте казни, на маленьком островке, названном «Кладбищем Батавии», под виселицей был помилован корабельный юнга по фамилии Ган де Бей, который жалобно рыдал и умолял смилостивиться над ним. Ему и другому приговоренному, Вутеру Ловсу, сохранили жизнь, но оставили на вечное поселение на этих крошечных островках... Можно себе представить, как ме-

тались они по берегу «Кладбища Батавии», когда «Сардам» уходил все дальше и дальше, пока не превратился в крохотную точку на горизонте. Они знали, что уже никогда не увидят родных деревушек в далекой Голландии.

Неизвестно, какова была дальнейшая судьба этих робинзонов. Может быть, их нашли аборигены с материка, а может быть, они оба долго еще жили в одиночестве? Так или иначе, но именно они были первыми белыми поселенцами в Австралии, так же как первой европейской постройкой стала та тюрьма, где содержали корсаров.

Итак, отчалив 15 ноября 1629 года от островов Абролхос; капитан Пелсарт оставил на берегу двух живых людей и целый ряд почерневших на солнце трупов, болтающихся на виселице... Увез он с собой все найденное (кроме двух ящиков) золото, а также памерно неопределенные сведения о месте разыгравшейся драмы, три столетия ожидавшей мрачных вещественных доказательств, которые теперь можно было приобщить к делу.

Пират с сачком для бабочек

Забытое сейчас название Австралия было в употреблении уже в 1610 году, тогда как слово Австралия впервые встретилось в 1693 году в английском переводе голландского романа. Впрочем, британцы довольно поздно появились у берегов Австралии.

Некий пират по фамилии Уильям Дампир в 1697 году опубликовал свои дневники, которые сразу завоевали ему огромную популярность и навели на мысль отправить экспедицию к большому материку, называвшемуся Новой Голландией. Тема о корсарах широко распространена в современной литературе. И все-таки мы вернемся к пей, чтобы описать редкое явление — корсара, из-под пера которого вышел, как бы мы это сейчас определили, литературный бестселлер. Так вот, вследствие прекращения военных действий против Испании в пиратском ремесле образовался застой. Поэтому более осторожные корсары перебрались на Тихий океан, где еще как-то можно было свести концы с концами. Уильям Дампир был врожденным исследователем и только ради хлеба насущного подхалтуривал пиратским ре-

меслом. Истинной же его страстью были естественно-научные исследования.

В его дневниках нападение на Порт-Белло, которое автор совершил ловко и весьма искусно, было едва отмечено одной фразой. В то же время описанию дюгоня (морская корова) отведены целых две страницы. Я тоже уделил немного места этому животному в своей книге, хотя и не могу похвастаться пиратским нападением даже на какой-нибудь захудалый городишко...

Профессор Арнольд Вуд считает, что «корсаром не может быть человек, в принципе ничего не имеющий против десяти заповедей». Он называет Дампира «пиратом с сачком для бабочек» и замечает, что тот «размышлял о крокодилах и жуках, в то время как должен был думать об убийствах и грабежах. Поэтому нет ничего удивительного, что товарищи Дампира, доведенные до отчаяния, поговаривали о том, чтобы съесть его. Однако, если присмотреться к портрету пирата и представить его образ жизни, перестаешь удивляться тому, что его все-таки не съели...»

Во время кошмарного перехода через Тихий океан, который продолжался пятьдесят один день, тучный капитан Свап узнал, что из-за своей полноты он первый кандидат в котел. «А вот из тебя-то, Дампир, ей-богу, вышло бы слишком скверное блюдо!» — не без зависти заметил этот упитанный моряк...

Тощего Дампира, во всяком случае, страшно интересовало, что там живет и растет, в этой Новой Голландии. В 1699 году лорд Адмиралтейства благословил его в дальний путь, на другой конец света, вверив заботам Дампира корабль, настолько прогнивший, что плотник не мог вбить даже гвоздя в стену, опасаясь, как бы все судно не рассыпалось. Матросы были пропитаны водкой, а в минуты трезвости грезили о бунте. Поэтому исследователь спал с оружием под подушкой и обходил крупные порты, чтобы его экипаж не покинул корабль.

Дампир достиг негостеприимных берегов Северо-Западной Австралии на корабле, едва не рассыпавшемся во время пути. Он не нашел там ничего достойного внимания и чуть было не погиб от жажды. А после возвращения ему пришлось предстать еще и перед судом. От него потребовали объяснения по поводу взбунтовавшегося матроса, которого он оставил где-то в пути. Поэтому Дам-

пира трудно упрекнуть в том, что он перестал заниматься научными изысканиями, а вновь возвратился к пиратскому ремеслу.

Материк, который надо открыть

Отчет Дампира об этой экспедиции не вызвал желания последовать его примеру, и в последующие семьдесят лет Австралию оставили в покое; это был материк, который еще следовало открыть.

В 1639 году молодой пастор — преподобный Иеремия Хоррокс — очень торопился закончить мессу. Ему не терпелось как можно скорее оставить своих земных овечек, чтобы вернуться к примитивному телескопу и увидеть Венеру, которая в это время как раз заняла весьма редкое положение на небосводе. Казалось бы, это не имеет ничего общего с овечками на Австралийском материке. Однако король Георг III в 1768 году милостиво определил сумму в четыре тысячи фунтов для наблюдения за продвижением той же планеты Венеры, которую можно было лучше всего наблюдать в южных районах Тихого океана¹³. Было высказано пожелание, оказавшись в тех местах, заодно уж обратить взор с неба на землю: обозреть этот таинственный материк. Было бы даже неплохо на всякий случай прибрать его к рукам для британской короны. Может, когда и сгодится! Как знать?

Вопреки своему обычаю на этот раз Адмиралтейство снарядило в плавание не разваливающееся корыто, а первоклассное и хорошо оснащенное судно «Индевр». Капитаном стал Джеймс Кук, сын конюха, мореплаватель-самоучка, астроном, математик и картограф, прирожденный командир. Кук очень хорошо знал психологию людей. Это пригодилось, когда ему пришлось бороться с цингой, бичом тогдашних мореплавателей. Он заставлял экипаж употреблять в пищу квашеную капусту, которая так богата витаминами. Хорошо понимая, что принуждение никак не способствует популярности этого примитивного «мультивитамина» среди матросов,

¹³ Здесь речь идет об экспедиции Кука, которая формально была снаряжена для наблюдения чрезвычайно редкого в астрономии явления: прохождения Венеры через солнечный диск. Подобные исследования можно было провести только у Северного полярного круга или в южных тропиках. — *Прим. пер.*

даже если он и предупреждает цингу, Кук придумал простой способ, чтобы сломить их предубеждение. Он объявил, что капуста включена в офицерское меню, но матросы могут ее употреблять, если, конечно, пожелают. Естественно, что каждый простой матрос хотел есть то же, что подавалось к столу господ офицеров, так что капуста мгновенно завоевала успех... Кук заботился о своем экипаже, он старался, чтобы каждая пойманная рыба или черепаха, каждый убитый кенгуру были справедливо поделены между всеми, кто был на корабле, и таким образом уменьшить до минимума употребление солонины.

«Индевр» был вдвое меньше парома, который сейчас курсирует между Британскими островами и нашим континентом. Так что там было несколько тесновато, если учесть еще, что палубу завалили всевозможным снаряжением, которым только располагали люди в то время, для сбора коллекций всего, что порхает, плавает и ползает. Оно принадлежало богатому молодому человеку, Джозефу Бенксу, который отправился в эту экспедицию с четырьмя слугами, четырьмя художниками и одним ботаником. Финансовый вклад Бенкса в экспедицию, значительно превышал вклад Его Королевского Величества. Удрученные такой расточительностью, друзья напрасно советовали жаждущему приключений юнопе предпринять путешествие вокруг Европы: и ближе, и безопаснее, и удобнее, и интереснее... «Это и всякий дурак сможет; я же поеду в путешествие только вокруг света», — решительно ответил им мистер Бенкс...

Веперу наблюдали с острова Таити. Учитывая нравы местных красоток, чрезвычайно доброжелательных к посещающим остров морякам, трудно себе вообразить более удобное место для наблюдения за планетой, носящей имя богини любви.

На своем пути «Индевр» миновал Новую Зеландию, а в Австралии завернул в Ботани-Бей, район современного города Сиднея. Первые вести из цивилизованного мира, который мореплаватели покинули два года назад, они получили вблизи острова Ява. К своему великому удивлению, моряки узнали, что американцы отказались платить подати англичанам, и туда посланы королевские войска, чтобы научить их уму-разуму.

Однако эту новость обсуждали недолго. На корабле вспыхнула чума, которая унесла двадцать четыре человека. В течение всего плавания через Индийский океан судно сопровождал эскорт акул, терпеливо ожидающих очередной жертвы — из тех, кто умер и был выброшен за борт.

Врата ада

Казалось бы, что общего у пряника с ветряной мельницей, а у Австралии с Америкой? Однако тот и другой континенты британцы использовали в определенных целях.

Однажды в туманном Лондоне почтенный лорд Сидней вызвал секретаря, отдал ему только что прочитанную, несколько пожелтевшую рукопись, а сам подошел к окну своего кабинета и с глубоким удовлетворением потер руки.

— Ботани-Бей, — сказал он, — самая дальняя точка на земном шаре, ни один из этих вшивых не вернется: это прекрасная идея, в самом деле прекрасная...

Это соображение вовсе не из выражений типа: «Если бы у тети были усы, то она была бы дядей». Известная логика, а также хронология событий указывают на то, что, если бы американцы не получили к тому времени независимость, колонизация Австралии не осуществилась бы так рано, и уж во всяком случае не британцами.

Мятеж в американской колонии немедленно отразился на исправной деятельности тюремного карательного аппарата Его Королевского Величества. А карали в Англии тогда жестоко, особенно за любое преступление против частной собственности. Была задушена и сожжена женщина за попытку заплатить фальшивым шиллингом. По приговору трибунала повесили девятнадцатилетнюю мать, которая присвоила себе кусок полотна. В последние минуты жизни, когда ее везли в телеге по улицам Лондона к месту публичной казни, она кормила грудью своего младенца... В 1815 году палата депутатов проголосовала предложение об отмене смертной казни за кражу предмета стоимостью до пяти шиллингов, однако палата лордов не утвердила этот «легкомысленный» проект, который мог якобы способствовать разращению нравов...

Итак, тюрьмы были переполнены. Приговоренных на длительные сроки ссылали в американские колонии. Однако когда американцы перестали считать себя вернейшими подданными Его Королевского Величества, у них, разумеется, пропало желание принимать транспорты ссыльных. Страна «энергичных и свободных» могла обойтись без каторжного труда. Ведь для тяжелых работ американцы ввозили рабов из Африки...

Неполадки в торговле с Америкой отразились на рабочем рынке Англии, преступность возрастала; в конце XVIII века из каждых двадцати человек, потерянных, с точки зрения закона, для общества, восемнадцать не достигли еще двадцати одного года! Впрочем, если с повешенными хлопот было уже немного, то те, которые еще находились в казематах, представляли для правительства все более и более сложную проблему. В тюрьмах свирепствовал сыпной тиф. Эпидемия не делала различия между преступниками, почтенными присяжными и достойными судьями, которым приходилось встречаться при вынесении приговора.

Однако тиф и виселица не могли все-таки полностью разрешить проблему перенаселения тюрем. Надо было действовать быстро, чтобы освободить бюджет государства от тягот по содержанию — хоть и на отбросах — тысяч заключенных.

Большие надежды политики возлагали на африканскую Гамбию. В палате лордов о ней говорили как о месте, где «днем и ночью распахнуты врата ада, чтобы поглотить жертвы закона». Голод и болезни должны были без посторонней помощи решить проблему содержания заключенных.

Флотилия отверженных

Реализация этого «прекрасного, полного заботой о человеке» проекта натолкнулась, однако, на некоторые затруднения. При тогдашнем состоянии медицинской науки и антисанитарных условиях на кораблях эскорт, который должен был доставить узников к упомянутым «вратам», мог и сам оказаться за ними! А моряки не хотели умирать за компанию с узниками.

И тогда заключенных решили гнать на материк без конвоя, а с борта стоящих на якоре вблизи берегов кораблей наблюдать, как гибнут доставленные ими узники. Но только за год такой службы один из сторожевых кораблей потерял у берегов Гамбии почти весь свой экипаж! А тут еще в 1782—1788 годах количество узников на Британских островах удвоилось!

Именно в тот момент, когда дорога в ад через Гамбию обманула ожидания государственных мужей, на их головы, как с неба, свалился давно забытый в архивах материал. Много лет назад его составил Джеймс Марио Матра, который сопровождал Кука в его знаменитом путешествии. Автор проекта предлагал поселить на территориях, обозначенных на тогдашних картах как Новая Голландия, тех американцев, которые сохранили верность британской короне. Он указывал также, где именно на огромном материке удобнее всего заложить поселения, которые явятся исходными пунктами для торговли с Японией и Китаем, и обосновал значение военных и морских баз, какие было бы неплохо построить на восточном побережье Новой Голландии.

Это были смелые планы. Такие смелые, что, как подобает правительству, поступающему «обдуманно и благоразумно», проекты, вышедшие из-под пера Матры, были тщательно внесены в реестр, а затем отправлены в архив. Страхнуть с них пыль и приказал летом 1786 года государственный секретарь министерства внутренних дел лорд Сидней. Предложение Матры на этот раз привлекло людей, ответственных за тюрьмы, которые уже были переполнены. Лорд Сидней был доволен его идеей, а еще более своей находчивостью.

Вот мы теперь и знаем, откуда произошло название самого крупного города Австралии — Сиднея. Каждый знает о лорде Сиднее, но мало кто — о Матре. Но как же можно помнить о человеке, имя которого звучит так не по-британски? Австралиец удивится, если вы скажете ему, что прекрасный район Сиднея под названием Роз-Бей не имеет ничего общего с Бухтой роз (а жаль, потому что там живут мои дорогие друзья, которые старались устлать розами мою жизнь), а призван увековечить имя сэра Георга Роза, офицера Королевского флота, и в то же время соседа по имению капитана Артура Филлипа из графства Хэмпшир.

ствовало о намерениях властей. Они надеялись, что минимум четверть, а если дело пойдет хорошо, то и треть заключенных умрет на пути в Австралию, до которой в то время надо было преодолеть около тридцати тысяч километров. Поэтому на заключенных одевали даже не кандалы, а специальные колодки, которые грозили переломом костей при каждом движении.

Жестокости эпохи сопутствовала алчность. Правительство давало шесть пенсов в день на каждого осужденного, зарегистрированного при посадке в Англии. Другими словами, смерть узника увеличивала доход в кругах, занимавшихся транспортировкой, а так как контракт и не предусматривал доставки ссыльного в Австралию, то эти шесть пенсов, как и паек, были чистой (прошу извинить за это выражение) прибылью.

Для своего времени капитан Филлип был человечным и добрым офицером. Он заботился об увеличении пайка, требовал тщательной уборки и дезинфекции находящихся в его ведении судов. Таким образом, капитан Филлип обманул возлагавшиеся на него надежды. После десятимесячного путешествия потери в людях были ниже, чем на кораблях, которые раньше перевозили заключенных через Атлантику, то есть по значительно более короткому пути. Мы еще вернемся к этому вопросу о ссыльных и их судьбах. Подсчеты историков констатируют, что по крайней мере восемьдесят процентов заключенных совершили деяния, которые в глазах современного закона были бы либо ненаказуемы, либо наказуемы штрафом. Причем многих узников (канадские французы, ирландские католики, рабочие из Англии или Шотландии, добивавшиеся элементарных прав) следовало отнести к категории политических. Всего в Австралию было перевезено около ста шестидесяти тысяч человек. Их потомки в настоящее время без остатка переплавлены в огромном тигле двенадцатимиллионного населения Австралии. А ведь в 1800 году на всем этом огромном континенте проживало семь тысяч пятьсот восемьдесят пять европейцев.

Дюжина из Ботани-Бей

Почтенные лорды могли бы поучиться милосердию у... австралийских аборигенов, которых они считали дикарями. Как рассказывает в своих дневниках капитан Тэнч,

сразу же после высадки заключенных «схватили одного из них на месте преступления, уличив в краже рыболовных принадлежностей, собственности местной жительницы Даринги, жены Кольби. Губернатор приказал выпороть виновного в присутствии тех аборигенов, которых удастся созвать, и объяснить им причину наказания. Многочисленные жители явились на место экзекуции, но между ними не нашлось ни одного, кто не выразил бы отвращения к этой форме наказания и не продемонстрировал бы своей симпатии к несчастному страдальцу. Это особенно относится к женщинам. Упомянутая Даринга залилась слезами, а Барагароо в гневе схватила кол и стала угрожать палачу...»

Кэйли Теннант, вслед за которой я привожу здесь различные данные, замечает, что потребовалось много времени, чтобы воспитать «черных дикарей» и довести их до уровня белого человека... А ведь это были не слишком деликатные люди: влюбленный чернокожий юноша начал ухаживания с того, что ударял палкой по голове свою возлюбленную. Однако им было незнакомо наказание, которое шутливо называли «дюжиной из Ботани-Бей»; оно состояло в избииении «плетью о десяти хвостах». Они не знали и такой кары, как тысяча плетей, кары, которую один белый человек назначал другому за попытку к бегству с места ссылки. Такое наказание превращало тело человека в кусок красного студня с торчащими из него костями. В то время, когда единственным развлечением в Сиднее была водка, всегда находилось много желающих взглянуть на подобное кровавое представление. Однако зрители жаловались, что во время порки на них даже со значительного расстояния брызжет кровь избиваемого и летят клочья его кожи.

Я не буду рассказывать здесь подробно, как из «Огромного Серого Хаоса», каким была Австралия, стала вырисовываться «Страна белого человека»; как колония страдала от голода, каким неорганизованным был труд и как господа офицеры монополизировали торговлю колонии.

Очаровательный вид

Эта колонизация начиналась под знаком виселицы. Из порта Сидней и сегодня виден маленький островок, вернее, лишь выступающий над водой камень, на котором

строитивых каторжников оставляли умирать от голода. Здесь же в 1796 году повесили Моргана — одного из заключенных. Перед казнью его вывалили в смоле. Это замедляло разложение тела, и мертвый Морган долго болтался на виселице у входа в порт. Кстати, в те времена тщательно записывались последние слова приговоренных. Доставленный на островок Морган, встав на лесенке под виселицей, произнес: «В самом деле, вид на порт отсюда просто очарователен...»

Последнее, что видели каторжники, покидая родные берега Великобритании, были виселицы. И в порту назначения на огромном материке, где им приказано было жить, их встречал болтающийся в петле человек, который перед тем, как навсегда закрыть глаза, огляделся вокруг и оценил очарование прекрасного порта, носящего имя лорда Сиднея...

Грусть могильщика

Рассказ об Австралии должен быть необычным, чтобы читатель мог живо представить себе эту страну. За период протяженностью едва ли в три поколения произошли изумительные перемены. Когда-то горсточка ссыльных под конвоем появилась на краю света, на неисследованном, почти пустынном материке — и вот сейчас там возникли многолюдные современные города, освоены недоступные ранее территории, покорена природа; создано первое в истории государство, которое охватывает целый материк, да еще и окружающие его острова.

«Это необыкновенно — я вижу всю Австралию в иллюминатор!» — воскликнул космонавт Чарльз Гордон, когда он с высоты тысячи трехсот семидесяти километров увидел как на ладони огромный материк. Он сделал четкие снимки северо-восточного побережья, прогнувшегося на три тысячи километров, а также фотографии, подробно воспроизводящие картину устья реки Фицрой и залива Жозефа-Бонапарта.

В прошлом Австралия поражала путешественников, которые странствовали по матерiku, а не пролетали над ним. Один из них появился там в конце прошлого столетия, чтобы для поправки своих финансовых дел провести — в нашем современном понимании — «цикл авторских вечеров». После одного из них к писателю, добродушному

и симпатичному пожилому господину, подошла молодая девушка. Она подала ему книжицу, нечто вроде альбома любителей автографов, и, сделав старательный реверанс, попросила написать ей что-нибудь. Писателя давно нет в живых, да и девушки тоже, но сентенция, высказанная им, осталась: «Мы должны жить так, чтобы после нашей смерти даже могильщику стало грустно...»

Марк Твен, который написал эти слова, является также автором интересных заметок о своем путешествии по Австралии. Умные книги не стареют, не правда ли? Как же прав был гениальный юморист, когда писал, что «история Австралии колоритна почти во всем; право, она столь необычайна и удивительна, что сама по себе является первой диковинкой и отодвигает все прочие диковины на второй и третий план. Она читается не как история, а как увлекательнейшие выдумки. Выдумки новые, свежие, не то что какая-нибудь замшелая старина. История эта полна неожиданностей, приключений, несуразностей, противоречий, неправдоподобия; однако все это правда, все так и произошло на самом деле»¹⁴.

Удивляет — я повторяю — актуальность этого высказывания. Этих «замечательных диковин» будет много на страницах нашей книги. И, так же как и у Марка Твена, все, что здесь написано, — сущая правда, все действительно так и было. Их породил простор этого материка и желание перенести туда обычаи с Британских островов. Может быть, я неясно это сформулировал, поэтому попробую более четко объяснить, что я имею в виду.

*«Back o' beyond»*¹⁵

Отличительная черта Австралии не только в том, что для австралийца понятие севера ассоциируется с представлением о тропиках, то есть с жарой, а юга, который ближе к Южному полярному кругу, — с прохладой.

Просторы Австралии — важный фактор этого многообразия страны. Все мы — жертвы карты. Долгие вечера перед отъездом я корпел над картой Австралии и — во всем виноват масштаб — вынес впечатление, что страна эта — большой остров.

¹⁴ М. Т в е н, Сочинения, т. 9, М., 1961, стр. 125.

¹⁵ Самый отдаленный уголок мира (англ.). — Прим. пер.

И только когда я ощутил это пространство на месте на самом себе и на своем кармане, то переменял свое мнение. Я не хочу пересказывать здесь статистический ежегодник. Его может каждый и сам посмотреть. Я только скажу, что на территории штата Квинсленд, далеко не самого крупного в Австралийском Союзе, уместились бы Франция, Испания, Германия и Италия, вместе взятые. Штат Новый Южный Уэльс скромнее, его площадь равна всего лишь территории Франции и Федеративной Республики Германии; живет на этой территории около четырех миллионов человек, из которых свыше семидесяти процентов сосредоточено вокруг Сиднея.

Допустим, мы хотим проехать по железной дороге из Брисбена до Перта. То есть из столицы штата Квинсленд до столицы штата Западная Австралия. Если мы проедем из Варшавы в Стамбул и обратно, а затем еще и в Берлин; все равно нам не преодолеть пяти тысяч трехсот двадцати двух километров, которые разделяют эти два австралийских города. Реактивный самолет со скоростью около тысячи километров в час летит от Дарвина до Сиднея почти всю ночь. Во время этого пути он пролетает над местностью, где живут всего пятьдесят тысяч человек. В одном квартале Варшавы и то больше народу!...

Вот так выглядит легенда о «Back o' beyond», которая в действительности очень близка к истине. В Австралии есть все, кроме людей и воды. Мне не хотелось бы обсуждать проблему воды сейчас, это очень серьезная проблема, и я подробно остановлюсь на ней позже. Сначала я хочу рассказать о людях Австралии.

Первые поселенцы вырубали эвкалипты на землях, которые предназначались для возделывания, и по мере возможности заменяли их более привычными для них деревьями, привезенными из родных мест. Они придерживались побережья, так как знали, что за бушем находятся какие-то горы, а за ними — пустыня. Долго учились поселенцы искусству жить в буше, медленно заселяли огромный материк, хотя было еще далеко до полного его освоения. Они достигли «мертвого сердца» континента, отмечая путь скелетами людей и вьючных животных. Оно и сейчас мало изменило свой облик; может быть, только мирный атом повернет в конце концов течение австралийских рек и они отдадут свои воды пустыне, вместо того чтобы бесполезно сбрасывать их в безмерный океан.

Австралию всегда считали удивительной страной. Недоверчиво воспринимались рассказы о странном существе — утконосе. Его латинское название *ornithorhynchus paradoxus* буквально означает «парадокс с птичьим клювом»...

Если бы мне разрешили, я держал бы утконосов в вытрезвителях: пожалуй, и самый последний пьянчуга пришел бы в себя, увидев такое чудо.

Утконос — водное млекопитающее, немного меньше куньицы, с плоским хвостом, голым у взрослых особей. Лапы перепончатые, голова с плоским роговым клювом (поздри помещаются в верхней части клюва). Самка несет яйца. Сосков нет, зато имеется множество молочных желез. Для кормления она ложится навзничь, а малыши массируют клювами ее живот до тех пор, пока не появится молоко. У молодняка бывает сначала десять настоящих костяных зубов, потом эти «молочные» зубы исчезают и заменяются роговыми. Утконос имеет на задних ногах шпоры, соединенные с железами, выделяющими яд. Это единственное ядовитое млекопитающее. Такими железами обладает только самец, и наиболее активны они в тот период, когда он должен охранять самку и детенышей.

Когда в Англию впервые привезли чучело утконоса, никто не поверил, что такое животное может существовать на самом деле.

Выражаясь языком торговцев автомобилями, эта «модель» имеет еще целый ряд других приспособлений, предусмотренных в «патенте». Так, вместо ушных раковин у нее две слуховые щели позади глаз. Зато на ушах — веки. Другими словами, эти щели защищены пленками, которые утконос при нырянии может опускать так же, как опускаются веки. Он селится поблизости от воды в норах сложной постройки. Животное сознательно делает такой маленький вход в нору, что с трудом протискивается через него. При этом из меха утконоса выжимается почти вся вода, прежде чем он проникает в свое совершенно сухое жилище. В определенное время самка входит туда, чтобы снести два яйца с мягкой скорлупой; вход залепляется илом, и прием гостей прекращается на несколько недель, до того дня, когда родители впервые ведут своих детенышей обучаться плаванию.

Утконос ежедневно съедает такое количество червей, которое составляет половину веса его собственного тела. Ученые полагают, что он способен «процеживать» через свой клюв донный речной ил, богатый органическими соединениями. Теперь уж вы, наверное, не удивляетесь тому, что когда-то возникло сомнение, существует ли такое животное.

А что у Фреда в сумке?

Осенью 1966 г., когда Канберру посетила миссис Джонсон, супруга бывшего президента США, сопровождавшая его в этом официальном визите, она пожалала лапу Фреду.

Фред — кенгуру, который резвится на газонах резиденции премьера Австралии. В случае если он попадает под руку почтальону, тот кладет ему в сумку письмо, которое Фред, делая огромные скачки, относит в дом своих хозяев. Вряд ли ему доверяли государственные тайны или более или менее важные письма. Но это, пожалуй, и к лучшему, потому что не составляет никакого труда заглянуть к нему в сумку.

В этой стране все наоборот: весна продолжается с сентября по ноябрь, лето — с декабря по февраль, осень — с марта по май, а зима — с июня по август. На территории этого материка, в округе Блэколл, была сделана самая глубокая в мире (две тысяча триста метров) буровая скважина; здесь же на фоне ярко-красной пустыни я осматривал Эйрс Рок — самый крупный камень в мире, имеющий восемь километров в окружности и почти четыреста метров в высоту. Австралия — страна, где одно овцеводческое хозяйство, которое считается крупнейшим в мире (Тайлангра, штат Квинсленд), насчитывает сто двадцать пять тысяч голов этих «поставщиков» шерсти. Справедливости ради следует, однако, заметить, что эта цифра уже устарела, так как ферма Уэлшот в том же самом штате Австралийского Союза только за один сезон остригла триста тридцать шесть тысяч овец. В этом же штате находится местность «1770» (произносится чаще всего как семнадцать — семьдесят), обозначенная так в ознаменование даты высадки на континент капитана Кука. Название было официально признано в 1953 году. Есть там и такие, произнести которые намного труднее, например озеро Кадибарравирраканна в штате Южная Австра-

лия или озеро Мирранпонгапонгунна в Пустыне Симпсона. Я уже не говорю о названии самой высокой вершины Австралии — горы Косцюшко, на котором сломает язык любой австралиец непольского происхождения.

Это материк, где обитает тайпан, самая ядовитая змея в мире, которая имеет в железе запас яда, достаточный для уничтожения двадцати трех тысяч мышей. До сих пор не удалось создать сыворотки, предохраняющей человека от смертельного укуса австралийского паука *atrax robustus*. Это страна, где в Австралийских Альпах растет гигант — миндальный эвкалипт, самое высокое дерево в мире. Его корни проникают в почву на тридцать метров, ствол достигает шестидесяти, а вместе с кроной — ста шестидесяти метров. В реке Бернетт обитает рыба *ceratodus fostery*, цератод, у которой есть и легкие, и жабры. Во время засухи она высывается из воды, чтобы глотнуть воздуха легкими. В пересыхающих озерах саванн живут очень хитрые лягушки. Они заранее думают о том «черном дне», когда их озеро превратится всего лишь в простое углубление на поверхности земли. К концу периода дождей такая лягушка начинает беспрерывно пить и в конце концов превращается в шар. Тогда она зарывается в землю и впадает в спячку до лучших времен. Сон ее оканчивается трагически, если лягушку находят чернокожие аборигены Австралии: они пожирают ее, как сочный апельсин, чтобы утолить жажду.

Это страна, где мистер Дин поймал на удочку вот та-а-а-кую рыбу, точнее, белую акулу весом в тысячу триста килограммов, другими словами, самый крупный трофей в мире при ловле обычной удочкой. Страна, где коровы катаются на каруселях, где есть единственный в мире памятник, воздвигнутый насекомому, и где в пятидесятых годах нашего столетия резвились сотни тысяч миллионов кроликов. В штате Квинсленд пастбища защищают от них самый длинный забор в мире — пять тысяч шестьсот километров, а перед большой засухой 1963 года в Австралии паслось сто пятьдесят девять миллионов овец.

Это страна, где Джек Дантес нашел и продал за сто фунтов знаменитый опал «Королева Земли», за который позже Рокфеллер заплатил семьсот пятьдесят тысяч фунтов. Страна, где за одного барана было заплачено в 1962 году более тридцати тысяч долларов, где тянется самая

длинная в мире — пятьсот тридцать километров — идеально прямая линия железной дороги. Страна, где в городе Карнарвон некогда курсировал единственный в мире трамвай с мачтой и парусом. Материк, на прибрежный песок которого по непонятным причинам выбрасываются киты, а люди пытаются с помощью бульдозеров сбросить их обратно в море, пока они еще живы, чтобы огромные туши не отравляли воздух всей округи. Это громадный материк, в самом сердце которого есть области со средней температурой около $+49^{\circ}\text{C}$.

В Западной Австралии я побывал в Марбл-Баре, местности, которая была известна тем, что в течение ста дней подряд столбик ртути ни на минуту не опускался ниже 38°C . Это страна, где гордятся созданием первого в мире (1905—1906 годы) полнометражного художественного фильма, воспевающего историю бандитской шайки и ее главаря Келли. Страна, жители которой ежегодно тратят около двух тысяч миллионов долларов на азартные игры. В Милдьюра (штат Виктория) гордостью города является самая длинная в мире (девятьюстами пятью метрами) стойка в баре, оборудованная тридцатью двумя кранами от бочек с пивом. Страна, которая дала миру хула-хуп, а также молочные бары, открытые в Сиднее в 1930 году, а затем ставшие очень популярными и в Англии. Страна, которую мы представляем себе знойной, но где лыжный спорт (не в качестве средства передвижения) появился раньше, чем в Швейцарии или Австрии, где в Киандре, поблизости от горы Косцюшко, уже в 1862 году состоялись лыжные соревнования и возник второй в мире (после Норвегии) клуб лыжников.

Молодые и свободные

«Возрадуемся, сыны Австралии, мы молоды и свободны», — поется в гимне «Advance Australia Fair».

Среди сынов Австралии наиболее популярны имена Джон, Дэвид и Роберт, а среди дочерей — Энн, Маргаретт и Элизабет. Взрослые сыновья и дочери обязаны идти к избирательным урнам, так как Австралия — единственное государство, где голосование имеет принудительный характер. Страна, которая хотела бы быть страной белого человека, но где еще в 1883 году проживало пятьдесят тысяч китайцев... страна, где... уфф!.. Может

быть, Высокий суд, каким являются для меня читатели, согласится признать тезис об увлекательнейших особенностях этой страны доказанным?

Нет еще? В таком случае я просто в приступе отчаяния отведу читателей в... суд. Да, в австралийский трибунал, где «высокие стороны» одеты в соответствии с британской традицией в торжественные тоги; где на головах судейских можно увидеть безукоризненно белые парики, с роскошными буклями по бокам и кокетливой косицей сзади, перевязанной черной ленточкой.

Решение не слишком оригинальное, я применяю его давно в своей журналистской практике, когда бываю в дальних странах. Может быть, это привычка бывшего репортера судебной хроники, но ее определяет твердое внутреннее убеждение в целесообразности такой экскурсии. Суд — это линза, которая позволяет рассмотреть образ мышления и обычаи народов, населяющих страны, расположенные где-то на самом краю света. Так, очень помогли мне в понимании трудных локальных проблем разбирательства, которые я слушал в судах, где совершались акты колониального правосудия — на Таити, Фиджи, в Сингапуре, Новой Гвинее или в Гонконге. Судья, следуя букве закона, созданного под хмурым небом Британских островов, распоряжается судьбами людей, рожденных в знойных тропиках и ведущих свои обычаи от буддизма или языческих верований. Эти люди руководствуются моралью, совершенно отличной от той, которую — по крайней мере теоретически — принес с собой белый человек. Жители Океании говорят, что когда появились миссионеры, у них была Библия, а у канаков¹⁶ — своя земля. Теперь, говорят островитяне, у нас их Библия, а у них — наша земля.

Трудно найти лучшее, чем австралийские суды, место для «охоты» за «увлекательными выдумками». Под Южным Крестом все еще действуют законы, которые на Британских островах уже давно утратили силу. Как бы был рад Марк Твен, если бы посидел среди публики на таком заседании и услышал, сколь живуча теория, которую он высказал после своего путешествия по Австралии.

¹⁶ К а н а к а — этим словом, обозначающим «человек», темнокожие жители Австралии и Океании называют людей вообще, и в частности самих себя.— *Прим. ред.*

Наказание плетью продолжает применяться там, как говорят, за преступления наиболее отвратительные. Преступник, который совершил зверское изнасилование несовершеннолетней и причинил ей тяжелый физический и моральный ущерб, присуждается к заключению на большой срок и наказанию плетью. Низко склоняет голову перед судьей адвокат: «Ваша Милость, мы будем решительно настаивать на том, чтобы во время приведения приговора в исполнение была полностью соблюдена буква закона...» Произнеся это, он еще раз склоняет голову, которую украшает белый парик, и очень довольный собой садится на скамью.

Береза и бык

О чем же здесь пойдет речь? Дело в том, что на языке юристов «пороть» означает «to birch», буквально «березовать», то есть бить березовыми прутьями. Не лещиной, не бамбуком, а именно березой! Так было установлено сотни лет назад, и баста! А почва Австралии родит богатое разнообразие акаций, множество деревьев, высоких и прекрасных, только не березу. Правда, кое-где попадаются единичные экземпляры, но они привезены и заботливо возвращены для целей исключительно декоративных, а чтобы береза вообще встречалась в этой стране, я не помню.

Забеспокоился господин судья, посоветовался с министерством юстиции, оно, в свою очередь, послало депешу в Лондон. Аэрофрахтом пришла великолепная связка чисто березовых розог, и насильник получил то, что ему было положено...

В Брокен-Хилле судья рассматривает заурядное дело. Патрулируя на машине по улицам поселка Айванхо, полисмен увидел небольшой самолет, который неправильно заходил на посадку — на высоте не более тридцати метров, над самыми крышами домов, тогда как со стороны пустыни прекрасный подход, не угрожающий ничьей жизни. И вот страж общественного порядка помчался на аэродром, чтобы задержать там пилота и дать делу дальнейший ход.

Самолет, ясное дело, оказывается на аэродроме ранше, и тут удивленный полисмен видит, что, приземлившись, пилот съехал со стартовой дорожки на шоссе, ведущее к поселку, и направляется прямо ему навстречу!

Полисмен в испуге развернулся и помчался назад; но пилот нагнал его, вынудил свернуть в кювет, пронесся над ним и въехал в поселок. Там он остановился перед комиссариатом полиции, откуда уже выбежали привлеченные ревом мотора рослые ребята в мундирах и вытащили его из кабины, как улитку из раковины.

Несколько минут — и все кончено. Приговор: сто десять долларов штрафа.

Однако осужденный не признает себя виновным. Он даже оскорблен. Если бы Тайный совет при дворе Его Величества в Лондоне занимался рассмотрением апелляций по склочным делам в Австралии, осужденный наверняка обратился бы туда в поисках справедливости. Его линия защиты проста. Во-первых, в правилах уличного движения ничего не сказано о запрете езды по городу на самолете, следовательно, нельзя карать за нарушение правила, которого не существует. Далее, он сообщает, что во время приземления задел крылом быка, который пасся на летном поле. Поскольку пасти скот на аэродромах категорически запрещено, он, как лояльный гражданин, решил немедленно сообщить о нарушении. Немедленно — это значит как можно быстрее! А разве есть более быстрый способ передвижения, чем на самолете? Конечно же нет! Учитывая такое положение дел, его надо наградить, а не наказывать. Это же ясно!..

Мои австралийские друзья не поняли, что меня так поразило в этом деле. Что же здесь странного? Просто человека травят, сто десять долларов — это большой штраф, вот бедняга и защищается как может...

Распутницы с принципами

Мистер Линдсей Шмидт держит на своей ферме под Мельбурном обезьянку по имени Джонни. Обезьяна отлично водит трактор, умеет запускать и глушить мотор. Она открывает и закрывает ворота овчарни, а после стрижки на профессиональном уровне раскладывает шерсть для просушки. Джонни был признан земледельческим рабочим, и финансовые власти уведомили мистера Шмидта, что он может хлопотать о снижении налога на том основании, что использует на своей ферме наемный труд...

Молодой юрист из Мельбурна, господин Кавецкий, который покинул Варшаву, когда был еще ребенком, а сейчас парень хоть куда, рассказал мне об одном громком деле в штате Виктория.

Сразу же после войны, когда солдаты возвращались домой и Мельбурн испытывал тяжелый жилищный кризис, девицы самой древней в мире профессии облюбовали себе место под старыми развесистыми деревьями на Фитцрой-стрит. Время от времени полиция нравов устраивала там облавы. Эта улица находится на границе двух районов, а закон со всей ясностью гласит, что виновный в его нарушении должен предстать перед судом, находящимся ближе всего к месту происшествия.

В данном случае полиция могла доставлять задержанных девиц либо к судье района Прагран, известному своей суровостью, который приговаривал их к тюремному заключению, либо к судье района св. Кильда. Этот, как правило, присуждал нарушительницу к штрафу в десять фунтов, после чего она тут же возвращалась к прерванному занятию. Полисмены поясняли задержанным девицам, сколь различные перспективы имеют они у этих двух судей, намекая, что могут отвезти их к более благосклонному, если те оплатят без квитанции взнос в фонд вдов и сирот служащих полиции. Это вполне официальная взятка, и девицы всегда предпочитали платить и штраф и взятку, что было, конечно, гораздо выгоднее, чем пребывание в тюрьме.

Однако мисс Виолетт Рид была девица с характером и не пожелала платить полицейским за отправку в район св. Кильда. Поэтому ее и отвезли в суд района Прагран. Казалось бы, ничто не спасет ее от тюремной камеры. Тем временем ее адвокат Рэй Донн нанял судебного эксперта-землемера и установил, что дерево, под которым мисс Рид была захвачена буквально на месте преступления, на несколько метров ближе к боковому входу помещения суда в св. Кильда, чем к «прибежищу Фемиды» в Прагране. В результате мисс Рид отделалась только штрафом, причем на этот раз даже без взятки. С высоко поднятой головой вернулась она на рабочее место.

Прослышав об этом, ее подруги с Фитцрой-стрит сложились и наняли землемера, чтобы тот точно установил, какие деревья находятся в юрисдикции района Прагран, а какие — св. Кильда. Землемер отметил белой

краской точную границу. Деревья, которые шелестели листвой на «спусходительной» стороне, пользовались огромным успехом...

Претендент с коровами

За пределами зала суда перечень удивительнейших историй отнюдь не прерывается. Прежде чем известная Даун Фрезер вышла замуж за букмекера, то есть вознеслась почти на самую вершину социальной лестницы в Австралии, она имела множество претендентов на ее руку и сердце.

Одним из них был фермер, который прислал письмо, содержащее официальное предложение; к письму была приложена его фотография, где он снят вместе с коровами. Коровы на первом плане, их хозяин — на втором. «Несмотря на то что у коров были очень симпатичные физиономии, я отказала ему», — вспоминает олимпийская рекордсменка.

Однако, если говорить серьезно, следует отметить, что во многих областях жизни Австралия стоит на уровне мировых стандартов. Но и здесь существуют удивительные парадоксы. Промышленность этой страны сначала стала выпускать самолеты, а потом только автомобили, совсем не так как в других странах. Инсулин стали производить здесь, в Австралии, в 1923 году, то есть всего год спустя после того, как Бантинг и его группа впервые испытали его действие на человеке в Канаде. Одним из «отцов» пенициллина был австралиец Говард Флори. Впервые этот антибиотик стали выпускать в Австралии; уже в 1944 году его доставляли австралийским солдатам на фронт, а спустя год началось массовое производство пенициллина в США.

Австралийцы же вывели лучших овец, лучшую пшеницу и лучший сахарный тростник. В то время как в тропических странах на плантациях сахарного тростника была занята дешевая рабочая сила, а полученный сахар экспортировался в страны с высоким уровнем развития, в Австралии все делалось наоборот. В тропической части огромного материка зажиточные фермеры европейского происхождения производят сахар, который часто находит пути на рынки сбыта в страны со значительно более низким уровнем развития, чем Австралия. В этом нет

ничего сверхъестественного. Просто производство сахара в Австралии, с которым я познакомился в штате Квинсленд, высоко механизировано... Почти с первых своих шагов оно последовательно опирается на советы ученых, разрабатывающих прогрессивные методы производства и отбирающих наилучшие сорта сахарного тростника. Поэтому-то Австралия и может конкурировать на мировых рынках сбыта.

Австралийцы сначала стали обладателями нефтеперерабатывающего завода и лишь позднее докопались до источников нефти. Сначала построили алюминиевый завод, а потом только нашли сырье, полностью оправдавшее капиталовложения. Крупные залежи меди были получены как подарок при эксплуатации месторождений олова и цинка. Промышленность, которая в 1941 году выпустила первый автомобиль, сейчас производит все: от холодильников до торговых кораблей; ежегодно в стране вступают в строй девятьсот новых заводов. По экспорту Австралия занимает двенадцатое место в мире. Она первый в мире экспортер шерсти и олова, второй — сахара, мяса, цинка, третий — пшеницы. Свыше пятнадцати процентов экспорта уже не сырье, а промышленные изделия. В 1969/70 финансовом году в Австралии стоимость продукции горнодобывающей промышленности составила один и три десятых миллиарда, а шерсть — восемьсот миллионов долларов.

На пастбищах Австралии пасется сто семьдесят пять миллионов овец и девятнадцать миллионов голов крупного рогатого скота, но специалисты считают, что страна может иметь четыреста пятьдесят миллионов овец и восемьдесят пять миллионов голов крупного рогатого скота. Мы еще вернемся к этим цифрам в последующих главах книги, рассматривая светлые и темные стороны австралийской действительности. Однако достижения в различных областях жизни здесь бесспорны. Возможно, что австралийцам повезло совсем не потому, что у них много солнца и продуктов питания: им пришлось и много потрудиться, чтобы не остаться в хвосте в этом постоянно спешащем мире. Они хотели поспеть за другими, и им надо было многое сделать! Горстка людей собрала все силы, чтобы покорить континент, и за короткое время создала цивилизацию на пустом месте.

Я совсем не случайно коротко перечислил некоторые данные, на первый взгляд, может быть, и не имеющие никакой связи между собой, разумеется, кроме той, что все они привезены мной из Австралии. Ведь есть и другие страны с удивительными животными, большими городами, огромными территориями и с высоко развитой промышленностью. Разница, однако, заключается, на мой взгляд, в том, что в других странах сотни лет строилось то, на что Австралии хватило неполных двух столетий. История этого фантастического роста лучше всего просматривается в городах, где совсем рядом сосуществуют старые постройки времен «золотой лихорадки» и небоскребы, взметнувшиеся в небо сталью, бетоном и стеклом.

В 1788 году капитан Артур Филлип, назначенный генерал-губернатором, объявил о своем вступлении в должность горстке переселенцев, которые прибыли на место, называемое теперь городом Сидней; в настоящее время он насчитывает два с половиной миллиона жителей¹⁷. А на всем континенте тогда не было других белых, кроме тех, что прибыли сами или которых п р и в е з л и на кораблях Первого флота. В то время там не производили ничего, кроме примитивного оружия и предметов домашнего обихода, и все это было изделиями аборигенов.

Новоприбывшие разводили овец и охотились на китов. Они строили деревни, которые впоследствии выросли в поселки, а поселки — в города. Невероятно, как все это быстро разрослось! Я стоял в Мельбурне на ступенях собора св. Павла, рассматривал машины, идущие вплотную друг к другу по Флиндерс-стрит, смотрел на освещенные неонам здания Принцесс Бридж Стэйшн. И так трудно было себе представить, что лишь в 1838 году на этот берег сошел со шлюпки энергичный Джош Бетман¹⁸, окинул взглядом буш и произнес: «Отличное место для деревни...» Еще труднее поверить в то, что Джон Сат собственными глазами видел и подробно описал в недавно изданных дневниках, как два племени аборигенов вели

¹⁷ Население Сиднея составляет 2,9 млн. человек (1972 г.).— *Прим. ред.*

¹⁸ Автор не точен: небольшая группа колонистов (14 человек) во главе с Д. Бетманом прибыла в район Порт-Филиппа (тогдашнее название Мельбурна) с о-ва Тасмания в мае 1895 г.— *Прим. пер.*

кровопролитный бой, осыпая друг друга копьями, как раз на том самом месте Флиндерс-стрит, где сейчас находится железнодорожный вокзал и круглые сутки рекой течет толпа. Когда же это было? В 1841 году. Сейчас Мельбурн насчитывает два миллиона жителей¹⁹.

Мсть за пограничную межу

Безмерное удивление Марка Твена перед «удивительнейшими выдумками» Австралии мог бы разделить наш Александр Фредро²⁰, если бы узнал, что австралийцы «поставили» его «Мсть». Чтобы избежать недоразумений, я сразу хочу сказать, что подобную труппу не собрал бы и не поставил бы эту комедию ни один театр Польши. Никто не смог бы оплатить такого «спектакля», который не сходит со сцены с 1839 года... Иное дело, что ни выступающие в «пьесе» правительства двух штатов Австралийского Союза, ни парашютисты, ни фермеры, ни прочие «статисты» не отдадут себе отчета в том, что подобную ситуацию давным-давно выдумал автор польских комедий...

Битва, которая идет между штатами Виктория и Южная Австралия, превосходит все традиционные шляхетские раздоры из-за межи, которые описал в своей пьесе Фредро.

Весь спор возник из-за пограничных столбиков и пятидесяти четырех квадратных миль моря. В 1834 году британцы решили, что граница штатов пройдет по сто сорок первому градусу восточной долготы. Пятью годами позже были установлены и пограничные столбы, но заинтересованные стороны поставили под сомнение точность их расстановки. Поэтому в 1847 году из Лондона последовал приказ заново определить границу, по предусмотрительное правительство штата Виктория за небольшую взятку купило «ошибку» землемеров. Штат Южная Ав-

¹⁹ Население Мельбурна составляет 2,5 млн. человек (1972 г.). — *Прим. ред.*

²⁰ Александр Фредро (1793 — 1876) — выдающийся польский драматург. Жил и писал в Галиции. Продолжатель прогрессивных традиций польского Просвещения, Фредро реалистически изображал в комедиях быт и нравы польской шляхты. «Мсть» — одна из лучших его комедий. — *Прим. пер.*

стралия пригласил группу специалистов, которые выяснили, что граница действительно была отодвинута почти на три мили на запад и таким образом штат Виктория захватническим путем приобрел сто сорок тысяч гектаров земель. Границу следовало перенести на восток, но штат Виктория насмеялся над своими соседями, и в 1901 году его правительство продало десять тысяч гектаров спорных земель скотоводам и фермерам. Тогда штат Южная Австралия направил дело в Высший суд Австралии, требуя не только возвращения земель, но и уплаты налогов, а также поступлений от продажи урожая, полученных на этих землях начиная с 1850 года! Почтенные судьи заседали двадцать два дня и признали правоту за штатом Виктория...

В начале первой мировой войны штат Южная Австралия подал жалобу на соседей в Тайный совет при дворе Его Величества в Лондоне, то есть в высшую инстанцию Британской империи. Поэтому нет ничего удивительного, что на этот раз судьи заседали почти втрое дольше, чем их австралийские коллеги, и, однако, после шестидесяти-трехдневных дебатов отказали штату Южная Австралия в его притязаниях.

Добропорядочные граждане этого штата до марта 1966 года мужественно подавляли в душах чувство обиды. Они вернулись к этому вопросу лишь тогда, когда выяснилось, что побережье на границе содержит богатое месторождение нефти. Это уже были не шуточки, открытая нефть должна принести в ближайшие четверть века семьсот пятьдесят миллионов долларов прибыли! А так как поступления за пользование лицензиями на добычу укрепляют казну правительства штатов, было за что бороться, тем более что с побочных налогов можно было получать еще около четверти миллиона долларов ежегодно.

Памятуя о своем неудачном опыте с органами правосудия, штат Южная Австралия решил поставить судей перед свершившимся фактом. Он снова начал процесс, но одновременно с этим «на корню» продал лицензию на добычу прибрежной нефти. Вместе с тем были приведены в состояние готовности аквалангисты, мобилизованы члены аэроклубов с их секциями парашютистов, были наготове со своими авиетками фермеры, чтобы дать отпор ненасытным соседям.

Нефтяники отбуксировали из Японии стосорокапятиметровую плавучую нефтяную вышку для подводных разработок, которая стоит бешеных денег: восемь миллионов долларов. Для получения юридического решения должны были отправить спорное дело на рассмотрение Международного суда в Гааге. Премьер штата Южная Австралия, однако, воспротивился, поясняя, что «председатель третейского суда сэр Спендер, правда, такой же австралиец, как все мы, но, так как он родом с восточного побережья, мы не уверены, что он будет беспристрастен...» В январе 1967 года штормом сорвало с якоря плавучую вышку и выбросило ее на мель, а в феврале того же года скончался сэр Спендер. Теперь надо подождать, пока вышку вернут на старое место, а дело будет поставлено на рассмотрение Международного суда. Продолжение следует...

Транзитный пассажир

Удивительнейшие парадоксы Австралии я изучал путем наблюдения на месте, то есть прямо в самой стране. В шестидесятых годах я был в Австралии трижды, не считая поездок в ее заморские владения или в Новую Зеландию, когда я на короткое время покидал страну и снова туда возвращался²¹.

Все началось с того, что я оказался там в качестве транзитного пассажира по пути из Новой Каледонии в Гонконг. Несколько недель пребывания в этой стране «заразили» меня Австралией. На каждом шагу я натывался на такие «удивительные выдумки», что просто жаль было ложиться спать, когда кругом столько интересного. Потом я был там еще дважды, уже более продолжительное время.

В этот час моей «исповеди» я далек от мысли, что знаю Австралию. Однако беру на себя смелость сказать, что я много видел в Австралии. Это существенная разница. Действительно, изучить страну может (но не обязан) человек, который там живет и работает. Можно ведь каждый день ездить на завод и обратно, не высывая носа за пределы своего района. Зато я увидел то, чего средний австралиец не видел и никогда не увидит,

²¹ Lucjan Wolanowski, Ocean nie bardzo Spokojny, — «Czytelnik», Warszawa, 1967.

потому что на китобойные суда не берут посторонних, так же как и на суда, которые обслуживают маяки в Коралловом море. Летать с «Почтой в Никогда-Никогда», службой, доставляющей письма в медвежьи уголки огромного континента, которые так и называют «Страна Никогда-Никогда», тоже непростое дело.

Это название так часто встречается на страницах книги, что следует рассказать о его происхождении. Есть несколько гипотез, но, скорее всего, его выдумала миссис Энес Гани²², озаглавив свой классический роман «Мы из Никогда-Никогда». Она писала: «Эти края называют Никогда-Никогда потому, что те, кто там жил и полюбил их, никогда не покинут их добровольно. А другие — те, которые не выдержали, — скажут тебе, что название это происходит от того, что тот, кому удалось вырваться оттуда, клянется никогда-никогда не вернуться».

Средний австралиец не видел ни резерваций для аборигенов, ни чернокожих кочевников, странствующих по пустыне. Так же как большинство поляков, живущих в районах шахт, никогда не были в них, так и здесь найдешь не много австралийцев, которые забрались бы в глубь «Золотой Мили», или Маунт-Айза. Не так уж много и таких, которые видели в деле чернокожих следопытов, тем более что сначала надо найти их самих. Все это меня интересовало, потому что я старался понять эту страну, живя среди самих австралийцев. Это огромная страна, огромная тема.

«Вызывающие» ножки пианино

Первые впечатления—самые сильные и труднее стираются в памяти. И я, когда писал эту книгу, вспомнил первый вопрос, который услышал на австралийской земле.

Может быть, это отступление, но предупреждаю, что их будет много. Ведь я пишу не научную монографию и не претендую на это, так как не обладаю достаточной квалификацией. Я просто рассказываю о том, что видел, а нить беседы обычно то исчезает, то возникает вновь,

²² Энес Гани (1870—1961) — австралийская писательница. В своих романах с большой симпатией рассказывала об аборигенах. Известны два ее романа: «Маленькая Черная принцесса» (1905 г.), «Мы из Никогда-Никогда» (1908 г.).— *Прим. пер.*

что делает разговор более оживленным, более занимательным.

С кем прежде всего вступают в беседу после приземления на аэродроме? Разумеется, с полицейским и таможенником. Об учреждении, представители которого размещаются под большими щитами с надписью «Таможня Ее Величества Королевы» на аэродроме Кингсфорд Смит в Сиднее, ходят разные истории. Иногда они преувеличены, но иногда несут в себе зерно истины. Таков, например, рассказ о славном парнишке, который, глядя, как таможенники проверяют чемодан отца, приговаривал: «Тепло... тепло... горячее... жарко... огонь!»

Это шутка, но с австралийскими таможенниками вообще-то шутки плохи. Вашу таможенную декларацию они читают с таким интересом, словно это самое пикантное место фривольного романа. Правда, может быть, это лишь профессиональная привычка. Таможня призвана оберегать Австралию от разного рода книжонок, которые время от времени пытаются провезти из-за рубежа.

В Австралии нет предварительной цензуры, зато автор, издатель и даже до известной степени владелец типографии могут быть привлечены к судебной ответственности по заявлению властей или лиц, которые считают, что им нанесен моральный ущерб. На издания, имеющиеся в продаже в Сиднее, то есть в штате Новый Южный Уэльс, может быть наложен строжайший запрет в Мельбурне, то есть в штате Виктория. Иностранные издания контролируются федеральными таможенными властями, имеющими право конфисковать и уничтожить публикации «непристойного, богохульного или антиправительственного» содержания. Министр, возглавляющий таможенное ведомство, имеет в своем распоряжении консультативный комитет, в который входят несколько писателей и критиков. Однако он не связан решением этого комитета и может действовать по своему собственному усмотрению.

Возможно, мы недооцениваем сущности Австралийского Союза, иначе говоря, федерации государств с одним и тем же языком, армией и внешней политикой, а в остальном имеющих не так уж много общего... Эти государства управляются по своим законам; их полиция носит разную форму; ввоз ряда корпепплодов через границы некоторых штатов запрещен. Вор, который, совершив кражу в Сиднее (штат Новый Южный Уэльс), уедет

в Мельбурн (штат Виктория), может быть передан органам юстиции своего штата только после решения суда о выдаче преступника — так, словно он бежал не в Мельбурн, а в Майами или Малайзию... И цензура в разных штатах по-разному смотрит на одни и те же проблемы. Наиболее строгая — в штате Виктория. Я не ищу дешевого эффекта в совпадении названий, просто возникает аналогия с описаниями лицемерия викторианской эпохи. В Англии, например, завешивались ножки у роялей — вид их считался вызывающим — в то время как несколько десятков тысяч проституток соблазняли клиентов на улицах Лондона.

Национальный университет в Канберре имел кучу хлопот с приобретением романа Набокова «Лолита», входившего в список... обязательной литературы факультета английского языка и литературы. Роман Эрскина Колдуэлла «Карающая десница Господня» был сначала запрещен, затем допущен к продаже, а потом внезапно конфискован во всех книжных магазинах Мельбурна по требованию... одного высокопоставленного чиновника, который нашел экземпляр этой книги у своей дочери. Было запрещено продавать военный роман «Мы были крысами»²³, где рассказывается о «подвигах» австралийских парней из отрядов «Крысы Пустыни» в публичных домах Порт-Саида и Каира. Роман Флеминга «Шпион, который любил меня», об очередных подвигах Джеймса Бонда, потерпел поражение от... австралийской цензуры, конфисковавшей его. Так что любви шпиона оказалось недостаточно, надо, чтобы любил еще и цензор...

И при этом Австралия буквально завалена вульгарными комиксами, герои которых не говорят, а нечленораздельно бормочут и совершают сотни изощренных преступлений.

Пошлина и латынь

Как уже упоминалось, я прибыл в Австралию прямо из Новой Каледонии, и таможенник спокойно спросил, не везу ли я с собой каких-нибудь фильмов. Кажется, оттуда везут в Австралию порнографические фильмы,

²³ Автор книги «Мы были крысами» — австралийский писатель Л. Глессон (1913—1966). — *Прим. ред.*

чему приходится верить на слово, поскольку я лично в этой маленькой французской колонии ничего подобного не видел.

Пытливые вопросы тогдашней таможенной декларации (сейчас она стала немного проще) имели целью выяснить наиболее сенсационные подробности моей «бурной» жизни. Множество параграфов обязывали меня признаться, не находился ли я в последнее время в местностях, охваченных ящуром, на какой-нибудь крестьянской ферме, или нет ли у меня в багаже мяса или мясных продуктов, ножа или стилета. Еще более подробны и назойливы вопросы, касающиеся перевозимых насекомых. Очень трогательна приписка в конце формуляра: в случае если бы я захотел признаться еще в чем-либо, а в этой большой анкете не хватило бы для этого места, я мог бы продолжить свою творческую деятельность на отдельном листе.

Мы живем в эпоху реактивных самолетов и бумажек. За одно кругосветное путешествие, посетив девятнадцать стран, я заполнил сорок девять формуляров, содержащих семьсот пятьдесят два вопроса.

Может быть, все это впечатления перелетной птицы. Во время путешествия в багаже остается все меньше и меньше упаковок с польскими названиями. Вот вчера ты проглотил последнюю таблетку акрихина, предупреждающего малярию, и вынужден был пополнить запас соответствующим швейцарским лекарством. Сегодня выбросил в Арафурское море использованный тюбик зубной пасты познаньской фабрики и купил новый в корабельном киоске. Подарил другу последнюю бутылку «зубровки». Но как-то никогда не уменьшается число анкет и формуляров. Есть страны, интересующиеся исключительно цветом твоих банкнотов, но, к сожалению, преобладают такие, где любой приезжий заранее воспринимается как заразный, подозрительный тип, явившийся только затем, чтобы благородным до мозга костей жителям этой страны продавать бриллианты, наркотики, порнографические фильмы и мясные паштеты со стрихнином...

Таможенник прочитал мой чистосердечный отчет и задал вопрос, не содержащийся в декларации, который я не понял.

— Не могли бы вы повторить; извините, но я не понимаю,— произнес я виновато, с внезапным беспокойством.

Он повторил, но и на этот раз я не понял, о чем идет речь, и попросил его произнести по буквам. Чиновник спросил еще раз с телеграфной скоростью, так как искусству произношения по буквам австралийцев специально обучают еще в школе.

В конце концов оказалось, что он спрашивает, не писатель ли я *bona fide*. Я всегда любил латынь и утверждаю, что интеллигентный человек обязан знать ее хотя бы настолько, чтобы понимать, что фраза «*fiat voluntas Tua*» означает не «ты хочешь иметь фиат?», а «да исполнится воля твоя...» К сожалению, каждый народ произносит латинские слова по-разному, а так как в Помпее не сохранилось магнитофонных лент с записями произношения истинных римлян, трудно судить, кто правильнее говорит по-латыни. Я могу только наверняка сказать, что англосаксы говорят совершенно иначе, чем мы. Моя гимназическая пятерка по латыни не выдержала испытания жизнью на австралийской таможне...

Посредством этого вопроса хотели установить, является ли для меня писательский труд единственным средством существования. Более широкий его смысл не раз вспоминался мне в моем путешествии по огромному континенту. Наш словарь иностранных слов поясняет, что «*bona fide*» следует понимать как «с добрыми намерениями», «с доверием, искренне, без злого умысла...» Возможно, что это стало сущностью моего путешествия по Австралии.

Таким образом, если в этой беседе с вами с моей стороны будут допущены какие-то ошибки, то не по злой воле. Сообщите мне о них, и я исправлю их в следующем издании. И еще одно: я глубоко верю в чувство юмора читателей. Если бы среди них нашлись такие, которые лишены его, очень советую по прочтении нескольких страниц книги повторять вполголоса короткую фразу «Воляновский иногда шутит, Воляновский иногда шутит...»

БЛЕЮЩИЙ КАПИТАЛ

Рассказы о молчаливых австралийцах выдумывают, конечно, сами австралийцы, как пристало народу, который обладает чувством юмора и любит посмеяться над самим собой. Люди из страны Никогда-Никогда, обитающие на бескрайних просторах континента, неразговорчивы, так как живут в царстве одиночества. Отсюда и повесть о влюбленном юноше из этих мест. В течение нескольких недель он ежедневно появлялся в доме, где была дочь на выданье, и целый вечер смотрел на нее в немом восторге. Однажды юноша все-таки пересилил себя и почтительно пробормотал, обращаясь к предмету своего обожания:

— А эти пирожки вы тоже пекли сами?

Услышав утвердительный ответ, он снова замолк на десяток вечеров, пока наконец не решился обратиться к отцу девушки с вопросом, как тот смотрит на замужество дочери. Отец пробормотал, что надо бы сначала спросить заинтересованную сторону. Та, в свою очередь, ответила, что и сама еще не знает, ей надо подумать. Тогда этот «волокита» надвинул шляпу со словами:

— Ну, раз вы не решаетесь, то, пожалуй, мне больше не имеет смысла навязываться.

С тех пор он у них и не показывался.

Матейко и молчание или...

Из тех же молчаливиков был и тот юноша, который со своим другом собирался переночевать в пустынном месте, на пригорке у реки. Он пошел к реке с ведром, набрав воды, вернулся через четверть часа и в задумчивости уселся у костра. Потом обратился к другу:

— Там какой-то городской парень.

— Что он делает? Рыбачит?

- Нет.
- Ставит силки на кроликов?
- Нет.
- Стирает?
- Нет.
- Так что же он делает?
- Тонет.

Я, конечно, не встречал таких неразговорчивых, но должен честно признать, что в глубинных районах материка люди действительно молчаливы. Если я видел, что разговор не клеится, то обращался к последнему средству: вынимал из кармана помятую вырезку сиднейской газеты и подсовывал ее моему собеседнику. Тот начинал внимательно читать, и, как правило, лицо его принимало выражение доброжелательной заинтересованности, мост взаимопонимания был переброшен. В газете же сообщалось о том, что торговое польское фрахтовое судно «Ян Матейко» прибыло в Сидней за шерстью, закупленной Польшей. Следовало подробное описание, сколько этой продукции заберет корабль и в каком австралийском порту. После этого сообщалось, что «капитану Витольду Браньскому уже шестьдесят шесть лет, а во время второй мировой войны он служил в королевском флоте. В 1942 году он ходил в Австралию и Новую Зеландию — привозил из Лондона детей-беженцев. Но этот его корабль и экипаж в Австралии вперые».

Номер восьмой по счету

Переждав минутку, я показывал моему собеседнику листовку, которые раздавались в польском павильоне на Международной ярмарке в Сиднее. Пока он ее читал, я с улыбкой изображал на лице выражение покорности, свойственной людям, идущим прямым путем и сознающим свои преимущества, выражение, которое я подметил в Японии. На листовке изображался большой вопросительный знак, под которым крупными буквами было напечатано обращение к читателю: Do you know that POLAND is the 8-th largest buyer of AUSTRALIAN WOOL!

Это означает, что в очереди за австралийской шерстью, которую получают от знаменитого «блеющего кла-

да», Польша стоит под восьмым номером. Это очень почетное место, впереди нас находятся лишь страны со значительно бóльшим населением и мощной промышленностью.

Австралия — крупный экспортер шерсти. Каждая пятая овца на нашей планете пасется на ее пастбищах. Я приехал, чтобы увидеть сто пятьдесят пять миллионов австралийских овец и встретиться с их хозяевами. Овцы были «неразговорчивы», скотоводы поначалу тоже, и только рассказ о «Яне Матейко» и его грузе разрушил стену молчания. Следует упомянуть, что «Ян Матейко» и другие корабли PLO²⁴ прибывают в порты Австралии с самыми различными грузами.

Докеры Сиднея достают из глубоких трюмов лыжи, пианино, фотоаппараты, губные гармошки, дубленки (польские овцы отдают свои шубы, чтобы их отвезли в страну мериносов — как самовары в Тулу!), велосипеды, банки рыбных консервов, торфяные удобрения, спортивные самолеты, резиновые лодки, хрен, шелк, елочные игрушки и наглядные пособия. Я уж не говорю о машинах или бумаге. Наши торговые организации выбрасывают на прилавки австралийских магазинов все новые и новые товары.

Овечьей трусцой через всю историю

На гербах двух штатов Австралии — Квинсленда и Виктории — изображена голова овцы. Происхождение гербов весьма своеобразно — в них отражается древняя история. Но в данном случае оба штата просто хотели подчеркнуть, что именно за счет овец они хотят достигнуть благосостояния. А впрочем, не только они...

Без преувеличения можно сказать, что история овцеводства начинается буквально с Адама и Евы. Как сообщает Библия, этот самый известный «бестселлер» всех времен, наши прародители были изгнаны из рая голышом. Именно тогда, кажется, Ева сказала: «Адам, мне совершенно нечего надеть...» Евы говорят так и по сей день, но не это сейчас главное. Во всяком случае, Адам стал приглядывать что-нибудь подходящее. Как знать, может быть, он увидел овцу именно тогда.

²⁴ PLO — Polskie Linie Okieaniczne,

Своей характерной трусдой шла с человеком овца через всю его историю. Она давала ему не только шерсть, но и мясо, жир, молоко и молочные продукты. Ведь еще Гомер воспел достоинства овечьего сыра...

Любовь к овцам безгранична. Это означает, что овец используют во всем мире и никакие границы не в состоянии остановить эту эксплуатацию. Путешествуя по свету, я объедался овечьими сырами: гуральским в Закопане, брынзой в Словакии, пикантным в Венгрии. В Новой Зеландии, где на одного человека приходится двадцать овец, я ел баранину дважды в день. В Исландии мне приходилось не только есть, но и самому разрезать копченую баранью голову, при этом все время казалось, что она с неммым укором смотрит на меня своими затуманенными глазами.

Древние египетские папирусы рассказывают, как после разливов Нила на размокшие пашни выпускали овец, чтобы они втоптывали в землю разбросанное по ней зерно. В последнее время, когда бессонница стала болезнью цивилизации, овцы тоже пригодились. Рекомендуются считать про себя именно воображаемых овец, скачущих через воображаемый забор на воображаемом пастбище. Таким образом этим животным находят самое разнообразное применение.

Герой нашего романа — меринос. Арабы привезли его в Европу из Северной Африки. Мериносов разводили в Испании; в конце концов они стали причиной упадка земледелия в этой стране. Богатые скотоводы имели право перегона овечьих отар даже по чужим полям, а трудиться над выращиванием хлебов, если их могли вытоптать или потравить соседские овцы, никто не хотел.

Испанцы сохраняли монополию поставщиков шерсти для всего мира до 1760 года; вывоз мериносов был строжайше запрещен. Шерсть была ценным сырьем, ее переработка давала хлеб насущный городам и целым провинциям. В Италии производство шерстяных тканей было уважаемым ремеслом. Гений эпохи Возрождения Микеланджело был подмастерьем ткача. Свои занятия живописью, принесшей ему бессмертную славу, он тщательно скрывал от родителей. Ведь рисовать господскому сыну из знатного рода, который должен был стать почетным ткачом, не пристало. И вот надо же — сбился с пути...

Мериносы попали в Саксонию. Петр I вывез в Россию баранов этой породы из Пруссии. Европейские правительства нуждались в шерстяных тканях, чтобы одеть своих чиновников и солдат. Овечье сало шло на освещение жилищ.

На Востоке почтенная овца стала покровителем искусства: она поставляла сырье для ковров. На Востоке пол обычно застилают коврами, а сами жители сидят на корточках или полулежат на них. Кочевые народы, жившие в степях, обходились без мебели, но зато были обеспечены подушками, набитыми, разумеется, овечьей шерстью.

Жители Востока рождались на ковре, на ковре и умирали. Каждый имел свой коврик для молитвы. Была создана великолепная техника окраски шерсти для ковров, для крашения употреблялось только благородное сырье, ревностно сохранялись тайны производства. Фантазия людей Востока создала легенду о летающем ковре — воплощение извечной мечты людей оторваться от земли и парить в пространстве.

Первые ковры попали в Европу во времена крестовых походов. Потом европейцы сами научились ткать ковры, превратившиеся в произведения искусства. И, глядя на знаменитые вавельские arrasы²⁵, пожалуйста, не забывайте, что сырье, из которого они сделаны, много веков назад росло на овечьей спине.

Ткацкая промышленность Англии постепенно вышла на первое место... Было принято говорить, что благополучие Британских островов покоится на шерсти. На ней покоилось, впрочем, не только благополучие: так, милостью божией правящий монарх Карл I приказал лорду-канцлеру, председательствующему на заседании палаты лордов, восседать на мешке, набитом шерстью. Благородному седалищу его сиятельства лорда было мягко на этом символе британского благосостояния. Кстати, и после смерти этот лорд — как и все прочие подданные — не расстался с шерстью, так как король приказал заворачивать покойников только в шерстяные саваны.

²⁵ Вавель — средневековый замок в Кракове, знаменитый своими старинными гобеленами (arrasами), которыми убраны его покои. — *Прим. ред.*

Когда Первый флот с каторжниками отправился в Австралию, его командующий приобрел семьдесят овец. Только одной из них удалось прожить восемь месяцев в Сиднее, остальные, похоже, были съедены голодающими пионерами большого материка.

Впервые разведением овец занялся поручик Мак-Артур. Этот шотландец купил пять овец и трех баранов, принадлежавших тоже шотландцу, полковнику Гордону, который нес службу в Южной Африке. Затем мериносов скрестили с другими породами; трудолюбивый поручик стремился поставить дело на широкую ногу. В 1800 году губернатор сообщал в Лондон, что получены хорошие результаты и, вероятно, через несколько лет можно будет поставлять в Англию некоторое количество австралийской шерсти. Британские промышленники сочли это шуткой. Однако тридцать лет спустя им предложили столько шерсти, сколько смогут переработать их машины.

Вот так все и началось с очень скромного числа овец, а сейчас уже миллионы пасутся на бескрайних просторах Австралии...

Когда закончились наполеоновские войны, британская промышленность получила доступ к дешевой саксонской шерсти высокого качества. Тем самым овцеводство, которое с XVI века обогащало английских землевладельцев, вдруг стало нерентабельным. Однако Саксония недолго пользовалась выгодами от разгрома конкурентов. Оказалось, что австралийская шерсть лучше саксонской и что она больше подходит для смешения с английской. Парламент утвердил соответствующие инструкции, и вот немецкая шерсть уже обложена пошлиной, в шесть раз большей, чем австралийская. Шествуя победным маршем все вперед и вперед, около 1840 года австралийская шерсть попадает на немецкий рынок. Недавно осмеянная, Австралия стала производить шерсти в пять раз больше, чем Германия...

Итак, мы снова в Австралии. Вот целыми днями, а может быть, даже неделями тянутся по бездорожью тяжелые возы. Кнуты и проклятья возниц погоняют волов. Их упрямство, как и набор ругательств, которыми погонщики понукают своих рогатых подопечных, вошли в поговорку. Однако волам сроки поставок, установле-

ные человеком, ни о чем не говорят. Упрутся — и тут уж ничего не поделаешь.

Доведенные до крайнего отчаяния, погонщики разжигали огонь прямо под брюхами волов, когда те внезапно останавливались посреди пустынной дороги и категорически отказывались тянуть воз дальше. Как правило, это метод давал положительные результаты, но были случаи, когда подобная жестокость обходилась дорого: обожженные волы действительно со всех ног, вернее, со всех копыт бросались вперед, но сразу же останавливались, да так «удачно», что костер оказывался прямо под тяжело нагруженным возом! Можно вообразить себе бессильную ярость возниц, когда драгоценный груз на их глазах обращался в пепел!

Тяжелые времена

Грузом была шерсть. В порту уже ждали корабли, которые привозили с Британских островов в Австралию все, в чем нуждалась молодая колония. Теперь они собирались в обратный путь. От регулярности поставок шерсти зависело, будут ли они возвращаться порожними или все-таки с шерстью. Кроме нее да продукции китового промысла, продавать Австралии было тогда нечего.

Поэтому не приходится удивляться, что нетерпеливые купцы выезжали из поселков на резвых скакунах навстречу обозам с шерстью. Они разрезали мешки, выдирали образцы сырья, старались столковаться о цене прямо на месте. Торг продолжался и в городе, за столами, заставленными флягами с ромом, на переполненных постоянных дворах. Скотоводы не торопились снижать цену, которая, как они считали, причитается им за многие месяцы работы на пустынных просторах пастбищ. Они знали также, что время — их союзник. По набережной нетерпеливо расхаживают, покуривая трубки, бородатые господа капитаны, которые ждут не дождутся, когда начнется погрузка...

В далеком Лондоне в кафе Гарравея начинается аукцион. Выставляется шерсть, и зажигается свеча. Каждое предложение принимается так долго, что сальная свеча успевает сгореть на целый дюйм. В ее мигающем свете решалась судьба благосостояния Австралии. И вот наступило тяжелое время: свеча уже догорала, а никто

из покупателей не предлагал приемлемой цены за товар, привезенный с края света. Тогда в первый, по, пожалуй, не в последний раз Австралия на собственной шкуре почувствовала опасность, которую колебания цен на мировой рыке несут стране с экономикой, опирающейся на почти единственный продукт производства. Консул Соединенных Штатов в Сиднее доносил своему правительству, что внезапное падение конъюнктуры на шерсть было вызвано депрессией в Америке. Вследствие этого произошел резкий спад заказов на европейские товары, британские текстильщики не могли продать своих тканей и не приобретали сырья.

Для Австралии настали трудные времена. Люди падали от голода в обмороки на улицах городов, скотоводы бросали хозяйства, созданные трудом целой жизни. Они были вынуждены брать ссуды на покупку овец, поэтому их дома и земли отягощались большими долгами. А тут вдруг оказалось, что оплачивать их нечем, поскольку шерсть не находила сбыта. Губернатор сэр Джордж Гипс лично явился в здание одного из банков и приказал доложить ему о положении дел. Он грустно покачал головой и сказал, что они не стоят и клока шерсти... Овцы, за которых в свое время платили по шестьдесят шиллингов за штуку, сейчас стоили шиллинг за дюжину! Обозы продавали за бесценок, вспыхивали голодные бунты.

Потом вдруг вспомнили, что овцы дают не только шерсть, но и сало. Из каждой можно вытопить его на четырнадцать шиллингов. Весь Сидней был пропитан удручающим запахом топленого сала. Строились котлы-гиганты на триста животных сразу. В пятидесятые годы XIX века ежегодно для вытапливания жира предназначались два с половиной миллиона овец.

Фабрики шерсти

Австралия поставляет населению земного шара третью часть всей шерсти. Однако в последние годы произошли некоторые изменения, невыгодные для нее. Если поголовье овец выросло в Австралии в 1956—1963 годах на четырнадцать процентов, то в СССР прирост составил тридцать шесть и две десятых процента.

Среднее австралийское стадо овец насчитывает пол-

торы тысячи штук, а есть хозяйства, имеющие до двухсот тысяч овец исключительно мериносовой породы. Это настоящие фабрики шерсти. На ферме «Клейнтон» пасется тридцать тысяч овец на территории, равной по площади государству Люксембург. Овцы сами ищут себе пастбища, постоянно передвигаясь с места на место, так как растительность настолько скудна, что квадратный километр пастбища не прокормит более десяти-пятнадцати овец. Постройки очень примитивны: лишь изредка, если в доме есть женщины, можно увидеть горшки с цветами или какие-нибудь безделушки. Трудно даже поверить, что иногда в этих небольших деревянных бараках и бидонвилях живут очень богатые люди. Богатые и воинственные, естественно, когда это касается их личных дел. Это почувствовал на себе сам Большой Билл, или сэр Уильям Гинн, председатель мощной организации овцеводов. 29 июня 1963 года он явился в центр овцеводства в Гамильтоне (штат Виктория). Вместе с ним прибыла рекламно-пропагандистская группа этой организации, то есть около двух десятков господ, одетых — разумеется! — во все шерстяное, начиная от носков и кончая шляпами с широкими полями.

Гамильтон — город необычный. Владельцы крупных стад вырываются сюда на собственных лимузинах марки «роллс-ройс», чтобы выпить кружку пива. По их галстукам можно узнать, что за плечами у них годы учебы в Джилонг-Грэммер, очень дорогой школе для узкого круга лиц. Кроме того, они носят распространенные в Австралии ботинки без шнурков, которые держатся на ноге с помощью эластичных полос. Этот фасон популярен потому, что в случае падения с седла нога свободно выскальзывает из ботинка, не застревая в стремях.

Хорошо что не эму

Вот эта-то публика и явилась на собрание, где предстояло обсудить предложение Большого Билла о повышении налогов на овцеводство, которые пошли бы на рекламу и пропаганду шерсти во всем мире.

Участники собрания съезжались в Гамильтон, тщательно «подготовившись» к дискуссии! захватили с собой гнилые помидоры, бумажные пакеты с затхлой мукой и тухлые яйца.

— Было бы еще хуже, если бы вместо куриных они привезли яйца эму, — заметил один из очевидцев.

Хозяин зала, Тэд Кенна, в 1945 году награжденный Крестом Виктории — высшей боевой наградой за мужество, проявленное в боях против японцев на Новой Гвинее, — снова оказался под огнем. Он пытался отобрать у входящих в зал участников собрания транспаранты, в которых Большого Билла, крупного помещика штата Квинсленд и очень богатого человека, обвиняли в приверженности к фашизму или... коммунизму! Словом, стычка героя войны со своими земляками окончилась полным поражением — его просто выбросили на улицу...

Битых два часа говорил Большой Билл, а слушатели осыпали его градом тухлых яиц и помидоров, лопающихся пакетиков с мукой... Крупные владельцы не хотели платить и были недовольны человеком, которого сами же избрали на пост председателя...

Слухи тревожные. В семнадцати странах мира было обследовано положение с производством шерсти. Оказалось, что только в Германии предприятия искусственного волокна расходуют на пропаганду своей продукции в десять раз больше, чем поставщики шерсти Австралии. Правда, в 1963 году Австралия продала Японии вдвое больше шерсти, чем двум следующим по списку клиентам, но это вовсе не значило, что сделка прошла без скрипа. Почтенный господин Курасико, возглавлявший Японское объединение импорта шерсти, обратился с письмом к мистеру Роулэнду Смиту, который занимался рекламой мериносовой шерсти в Сиднее. В стране, живущей продажей овечьей шерсти, содержание письма очень скоро стало достоянием газет и телевидения. А многоуважаемый Курасико наряду с нижайшим заверением в уважении и цветистыми комплиментами заметил, что австралийская шерсть плохо сортируется и готовится к перевозке, ее качество все ухудшается. В то время как господа фабриканты из Осаки требуют легкого сырья, Австралия поставляет на японский рынок преимущественно жесткую шерсть, трудную для переработки. Вероятно, овцеводы Австралии предпочитают количество качеству продукции. Курасико упоминает мимоходом, что поставщики из Южной Африки намного лучше приспособились к требованиям японского рынка.

Таким образом, Большой Билл, в распоряжении которого были десятки миллионов долларов, предназначенных для рекламы шерсти, оказался под обстрелом не только гнилыми овощами и тухлыми яйцами, но и серьезной критики. Австралийцы задумались, не употребить ли эти суммы на улучшение породы овец или на благоустройство ферм. Но все это не так просто. Кому следует оказать помощь? И будет ли фермер платить за ту помощь, которую получит его сосед?..

Ну, а что же дальше? У овец много врагов. В Англии за зиму 1946/47 года мороз погубил больше миллиона голов этих животных, муха цеце притаилась на пастбищах Центральной Африки. В Новой Зеландии попугаи, вытесненные человеком из лесов в недоступные горы, внезапно пристрастились к мясной пище. Они вырывают большие куски свежей баранины прямо из спин только что остриженных овец. В Южной Африке павианы нападают на ягнят, вспарывают им брюхо и выедают сферментированное молоко.

Однако овцы все еще пасутся. Во всем мире и в Австралии тоже. Их владельцы обеспокоены конкуренцией большой химии. Как бы не пришлось лорду-канцлеру пересест с мешка с шерстью на канистру с бензином или даже на реторту. Это, конечно, шутка, но мир меняется — могут измениться и сами символы благосостояния.

Баран, баран — шелк!

Ферма мистера Прэлла, где я проходил курс овцеводства, лежит на пути между Сиднеем и Канберрой. Как все люди, стремящиеся кое-чего достигнуть в своей профессии, вся семья овцеводов посвящает своему делу всю жизнь.

Стоит австралийская зима, время июльских заморозков, огонь весело трещит в камине, в то время как гостеприимные хозяева раскрывают любовные тайны своих овец. Вновь оживают воспоминания о тех упоительных ночах на пастбище, когда знаменитый «638-46» нашептывал нежности в лохматое ушко «462-41», бляя, что без нее и у травы не тот вкус, что он, как баран, готов мчаться за пей хоть на край света и поднимет на рога любого, кто попытается помешать его счастью. Эти цифры — не номера телефонов, а условные знаки, свидетельствующие

щие о том, что здесь идет повествование о романе в высших кругах овечьего общества, что влюбленные вписаны в общеавстралийский альманах, скрупулезно перечисляющий признаки чистой породы.

Тут не помогут никакие приемы и уловки, знатоки овечьей геральдики бдительны и неподкупны. Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем нечистопородному ягненку быть включенным в список благородно-рожденных.

«Не заставляй меня долго ждать, сними шубку, дорогая», — страстно проблеял «633-46», и наконец под мелодичный звон колокольчиков, подвешенных на шеях влюбленных, было зачато дитя, завоевавшее золотые медали на всех сельскохозяйственных выставках. Эти «сильные мира сего» не имеют права на личную жизнь, их интрижки подчинены пользе страны. В данном случае речь идет о штате Новый Южный Уэльс. С давних пор борется он с Квинслендом за первенство в овцеводстве...

Итак, молодую пару соединил предусмотрительный мистер Прэлл, который вкладывает в сватовство овец всю свою страсть. В его доме на каминной доске стоят фотографии в красивых рамках, напоминающие о важнейших семейных событиях. Вот Джон, когда он поступил в университет, здесь же, рядом, сфотографированный в профиль кудрявый, живой блеющий комод на коротеньких ножках — номер «426-39» из стада мистера Прэлла. Тут же свадебный снимок Мод, потом памятная фотография толпы, благоговейно и сосредоточенно глядящей на «317-42», барана — лауреата сельскохозяйственной выставки в Аделаиде, дальше Боб сходит по трапу транспортного самолета, возвращаясь с войны. Столько волнений, столько воспоминаний...

Фигаро здесь, Фигаро там

Благодаря энтузиазму и знаниям именно таких овцеводов, как этот мистер Прэлл, овцы так размножились, что их поголовье сейчас в пятнадцать раз больше, чем численность всего населения Австралии. Австралийские овцы стараются как могут, чтобы фабрики по переработке шерсти не простаивали; от скромных трех фунтов они дошли сейчас до десяти, которые каждая овца кладет на алтарь австралийского экспорта. Овца благород-

ной породы носит такую пышную шубу, что трудно понять, как держится этот кудрявый колосс на четырех тоненьких ножках. Овцеводство очень страдает от колебаний цен на рынке. Снижение цен — целая проблема; в принципе можно не стричь овцу до следующего года, но в этом случае ухудшается качество шерсти, а кроме того, кто знает, как оценят ее через год.

Шерсть, снятую с тридцати овец, прессуют в кины весом сто тридцать — сто сорок килограммов. Очень забавно выглядят овечки после стрижки, когда они трусцой возвращаются на свои пастбища. Австралийские овцы никогда не находятся под крышей, да и вообще овцеводство не требует от человека слишком сложных операций. Этот нетрудоемкий процесс очень подходит для Австралии, где наемный труд дорог.

Но на пути между пастбищем Нового Южного Уэльса или Квинсленда и рынками сбыта есть еще одно серьезное препятствие, которое нельзя обойти. Ведь овец должен стричь «овечий парикмахер», мастер среди мастеров, артист в своей области.

Рекорды стрижки колеблются в пределах одной минуты. Речь идет, разумеется, об электрострижке; я не думаю, чтобы хоть где-нибудь в Австралии эта операция не была бы еще механизирована. Пациент бодается и рвется, но «Фигаро», придерживая его коленями, плавными движениями снимает шерсть от носа до кончика хвоста. Шерсть худшего качества с брюха и ног складывается отдельно. Если «парикмахер» случайно порежет овцу, стрижка немедленно прекращается, так как ранки открывают доступ инфекции, опасной для жизни животного.

Профессионал стрижет по триста овец в день. Это такая тяжелая работа, что в Новой Зеландии был случай, когда здоровый тридцатипятилетний мужчина умер, остригая триста двенадцатую овцу...

«Овечий парикмахер» играет значительную роль в австралийской экономике. Еще в прошлом столетии люди этой профессии объединились в профессиональный союз, который дал начало рабочему движению ²⁶. Работают

²⁶ В 1886 г. в штате Виктория У. Спенсом был создан Объединенный союз стригалей. Этот Союз тесно сотрудничал с Ассоциацией шахтеров этого штата, созданной в 1874 г. — *Прим. пер.*

они артелями; того, кто стрижет свыше трехсот овец в день, зовут на профессиональном языке «броненосцем»; «пушкой» называют работника, который постоянно стрижет свыше двухсот штук за одну смену.

Для этой профессии существуют различные системы труда и оплаты. Есть специалисты, которые переправляются самолетами из штата в штат, лишь бы истратить на переезды как можно меньше времени. В современной Австралии произошла настоящая революция в области транспортировки этих артелей; из договоров, которые они заключают с владельцами отар, исключаются устаревшие пункты, запрещающие «самцам верблюдов вступать на территорию хозяйства», или пункты, обязующие фермеров «устраивать загоны для лошадей, на которых приехала артель стригалей». Теперь стригали добиваются гаражей... Ведутся споры об устройстве жилых барачков, так как фермеры не хотят вкладывать деньги в эти постройки, пустующие по крайней мере одиннадцать месяцев в году. Контракты решительно запрещают распивать спиртные напитки в этих помещениях, что грозит штрафом в пятьдесят фунтов. Однако трудно себе представить, чтобы люди, которые много месяцев находятся вдали от дома и занимаются таким изнурительным трудом, могли соблюдать это правило...

Ведутся непрерывные споры о том, можно ли стричь овец в период дождей, когда шерсть мокрая. Артель получает за стрижку сотни овец восемь фунтов шесть шиллингов и шесть пенсов. За мокрую шерсть полагается надбавка в один пенс с каждой головы. Между тем работники вообще не хотят стричь мокрую шерсть, утверждая, что это вредно для здоровья. Они приводят длиннейший список болезней — от ревматизма до импотенции, которые возникают от стрижки мокрых овец. Овцеводы, в свою очередь, указывают на бодрых старичков, которые до сих пор еще могут ежедневно снимать шерсть с сотни овец и не жалуется ни на какие болезни, а их темпераменту могли бы позавидовать и молодые. Однако остается бесспорным факт, что профессиональные заболевания стригалей вытекают из постоянной борьбы с температурными овцами и вечно наклонного положения во время стрижки.

Последующие сведения об овцах и шерсти я получил в Чарлвилле (штат Квинсленд). Городок живет шерстью, шерсть является единственной темой разговоров, а пять тысяч жителей этого города, находящегося в сердце материка на реке Уоррего, содействуют тому, чтобы шерсть с овечьей спины попала на плечи столичного франта где-нибудь в далеких краях...

Я пошел к парикмахеру. Нет, нет — я вовсе не хотел обратить в деньги мое собственное руно, вряд ли я нашел бы желающих заплатить за него. Просто на шее уже появились буйные кудри, тянуть дальше было невозможно. Болтовня с парикмахерами не относится к числу моих любимых развлечений. Поэтому я попросил мастера стричь в глубоком молчании.

Однако маэстро считал, что стрижка людей имеет то преимущество перед стрижкой овец, что двуногие существа не могут бодаться и умеют говорить. Поэтому мне стало известно, что здесь платят высокие премии за истребление таких вредителей овцеводства, как, например, соколы, которые похищают ягнят. Штат Квинсленд платит за предъявление когтей сокола, штат Новый Южный Уэльс — головы. Охотники, которые живут на границе штатов, сначала отправляются за премией в один из них, предъявляя когти, а потом в другой — демонстрируя голову. То же происходило при истреблении диких свиней. В одном штате надо было предъявить пяточок, в другом — уши; таким образом, посмертные «услуги» этих созданий их истребителям были поистине неоценимы...

Мы едем на овцеводческую ферму на огромной машине, которая выпускается в Австралии по лицензии «Дженерал моторс».

— Кенгуру, — твердит мой спутник Дон Хадсон из Чарлвилла, — это настоящее бедствие. Австралийцы мечтают о моде на его мех, который, кстати, легок, эластичен и мягок.

Неожиданно Дон прерывает свои рассуждения, останавливает машину и хватает охотничье ружье. Через две минуты три великолепных кенгуру корчатся в смертельном танце... Это даже нельзя назвать охотой. Кен-

гуру любопытны и вообще не убегают — вплоть до первого выстрела.

Дон даже не выходит из машины: кому нужен убитый кенгуру? Мне приходится очень долго просить его добить раненое животное. Однако он считает, что жаль тратить пулю: кенгуру и так истечет кровью. Никакие гуманные соображения не идут в счет, так как эти сумчатые тоже едят траву, как и овцы... Овцы же дают шерсть, а шерсть покупают по всему свету, вы понимаете?..

Самый большой загон в мире

На аэродроме в Чарлвилле приземляется самолет «Авро ансон». В течение ближайших недель он будет летать над этой местностью, так как в начавшейся кампании против динго надо разбросать миллион отравленных приманок. Пять недель потребуется самолету, чтобы пролететь около пятидесяти тысяч километров и разбросать отраву вдоль границ самого крупного загона в мире.

Дикие собаки динго — заклятые враги австралийских овец. Создания эти ласковы в неволе, но кровожадны в естественных условиях. Люди ставят им в вину то, что они тоже любят баранину. Австралийцы утверждают, что динго убивают из спортивного интереса. Будто бы одна собака за час загрызла сто сорок овец, оставив их, разумеется, на пастбище несъеденными. Поэтому динго подлежат уничтожению, во многих штатах Австралии даже держать такую собаку на привязи считается нарушением закона; щенята, найденные в логовах, должны быть уничтожены без всякой жалости. Ведь мы находимся в Австралии, а там овцы дают шерсть, шерсть продают и т. д. — полная аргументация, какую мы уже приводили выше...

Поэтому нанимают охотников и специалистов по расстановке капканов, сбрасывают с самолетов отраву «1080», то есть соединения соды, которые не имеют запаха и растворяются в воде, другими словами, отравляют водоцеи.

В Австралии против динго построен забор длиной шесть тысяч миль, ограждающий площадь в миллион квадратных миль и образующий самый большой загон в мире. Только в Квинсленде этот загон больше, чем

территории Франции, Англии, Шотландии и Уэльса, вместе взяые. Но что из того, вздыхают австралийцы, если динго уже проникли по эту сторону забора... Методы истребления динго меняются, а собаки остаются.

Еще хуже было в случае с датскими догами. Их привезли сюда, чтобы они истребили динго. Но кто может постичь тайны женской души? Самочки из далекой Скандинавии завели романы с разбойниками из австралийской глухомани... Забыв о почетном задании, ради которого их доставили из-за моря, они шли в степь по зову сердца... Оттуда по ночам доносился вой влюбленных динго. Самочки предпочли личное счастье профессиональному долгу. Правда, необходимо отметить, что и догисамцы оказались не слишком стойкими перед очарованием рыжих самок-динго. И они были счастливы друг с другом и имели много детей... Только это потомство, то есть облагороженные динго, получилось еще более хищным, чем чистая порода. Вот и родись тут овцой!

Возьми топор, вари на медленном огне

В Чарлвилле все знают друг друга. В отеле есть номера очень чистые и удобные. Они не запираются. А, собственно, от кого? Кровати стоят не только в номерах, но и на террасе — ведь только здесь есть какой-то ветерок.

В баре отеля бьет фонтан из пива; посетители лежат трупами, то и дело кого-то выводят на подгибающихся ногах. Пьют здесь по большей части в полном молчании, а если уж кто-нибудь так «мучительно болтлив», что произнесет несколько фраз, то наверняка о шерсти или о стрижке, или о самых последних романах какого-нибудь барана. В ресторане отеля истинно австралийская кухня. Громадные куски мяса, много жира — пожалуй, австралиец поглощает в день больше калорий, чем европеец за неделю. Кормят невкусно, но загорелые фермеры из буша, которые раз в несколько месяцев посещают Чарлвилл для того, чтобы сделать запасы, едят с большим аппетитом. В степи кроме баранины можно употреблять в пищу только диких птиц, которых — как гласит молва — готовят по следующему «рецепту»: вместе с топором положить в котелок, варить на медленном огне, когда топор станет мягким — птичка готова...

И еще несколько слов о скотоводстве. Только одно хозяйство под Пертом имеет площадь, равную территории Бельгии. Здесь пасется сто двадцать тысяч голов скота и на бойню поставляется двадцать тысяч волов в год. А вол — как всем известно — это бык, который с помощью несложной операции избавлен от многих забот. Однако, не желая задеть быков упоминанием о воллах в рассказе об овцах, я скажу только о... коровах. Вернее, об их развлечениях...

Чтобы увидеть это, следует проехать по шоссе из Сиднея по направлению к Кемпбелтауну, потом свернуть на боковую дорогу, и вот мы, наконец, в Камден-Парке в штате Новый Южный Уэльс, там, где коровы катаются на каруселях. В Австралии стада коров, насчитывающие по нескольку тысяч голов, пасутся на необозримых просторах. Эти животные никогда не видели хлева; постройки такого типа здесь вообще неизвестны. В Австралии, как и везде в бассейне Тихого океана, где человек создал рациональное скотоводство, возникла очень узкая специализация. Может быть, это похоже на шутку, но владелец стада коров в несколько тысяч голов пьет... бутылочное молоко! Почему? Да потому, что его ферма специализируется на мясе. Стада кочуют целыми педделями и месяцами вдали от хозяйственных построек. Кто знает, где они сейчас, и кто поедет их искать, чтобы подоить коров? И как доставить молоко в этом климате, где оно скисает уже через несколько часов? Зато в Камден-Парк мясо для бифштексов привозят в ледниках с бойни, несмотря на то что здесь есть свои коровы. Почему? Потому, что здесь свой молочный завод, поставляющий продукцию в Сидней. Выращивание убойного скота здесь не окупается.

Молочный завод

Уже само название нас отчасти удивляет. Поэтому здесь надо обо всем рассказывать подробно.

Известно, что у всех коров на свете глаза печальные. Народная молва дает весьма фривольное объяснение причины этой грусти: коровы грустят потому, что по долгу службы они выпущены допускать оглаживание их обширных вместилниц молока по два раза в день, тогда как роман с бугаем возможен не чаще раза в год.

Не вникая глубоко в справедливость этого шутиwego объяснения, я утверждаю, что если бы оно было верно, то у коров из Камден-Парк глаза должны были быть грустнее, чем у всех коров в мире, потому что прямо в стойлах они получают корм с добавлением антибиотиков и гормонов и никогда не выходят на пастбища. Осеменение производится только искусственно, кроме того, этим коровам еще в раннем возрасте спиливают рога, чтобы они не бодались. А это означает, что жизнь не для них — ни сочная трава пастбищ, ни размышления за жвачкой в кругу подруг, когда так приятно смотреть печальными глазами, как неподалеку локомотив тянет за собой вагоны... А как влечет ее к молодому быку... Ничего этого не знают коровы из Камден-Парк. В самом деле, что они получают от жизни?

Возможно, у них есть только то преимущество перед подругами из других районов Австралии или других стран, что они могут два раза в день кататься на карусели.

Красуля на карусели

Конечно же, люди построили карусель не для развлечения коров. Это приспособление действует в Австралии с 1952 года и служит для одновременной дойки большого количества коров при минимальной затрате рабочих рук.

Итак, Красуля с подругами входит на карусель, где каждая из них в течение десяти минут занимает особое помещение. За это время совершается полный оборот этого приспособления. Чтобы корове не было скучно, она получает в кормушке какую-нибудь закуску. Так она себе закусывает, пока работник быстро обмывает вымя стерилизованной тряпочкой и подключает к нему аппаратуру для дойки молока. После подключения автоматической дойки человеку больше делать нечего. Карусель, приводимая в движение электромотором, вращается против часовой стрелки. Молоко стекает в общий резервуар, откуда под давлением, которое образуется в автоматической доилке во время движения карусели, и по нержавеющей трубам поступает в холодильник, где за полторы минуты доводится до температуры, гарантирующей долгое хранение и транспортировку в Сидней.

К моменту завершения полного оборота карусели корова расстается со своим молоком и, получив электропиннок, попадает с карусели прямо в стойло, где подкрепляется перед следующей дойкой.

На карусели все предусмотрено. Даже и то, что у сытых коров во время катания могут возникнуть кое-какие потребности. Продукция этого рода направляется по остроумно продуманной системе труб и резервуаров в подземную цистерну, откуда поступает на окрестные луга. Отсюда машины собирают сено, которое съедают те же самые коровы,— ничто не пропадает зря...

О быках, волах и комарах

Создание «молочного завода» для потребностей близлежащего крупного города объясняется огромной разницей в ценах на молоко для непосредственного употребления и для промышленности. Приведу некоторые цифры. Например, владельцы крупного кооперативного молочного завода «Дреуэн» под Мельбурном подсчитали, что их поставщики, то есть тысяча фермеров, получили за год прибыли от продажи молока в городе на пятьсот семьдесят пять тысяч фунтов больше, чем если бы продали его для дальнейшей переработки. Поселок Уоррагел, расположенный в восьмидесяти пяти милях к востоку от Мельбурна, считается мировой столицей молочной промышленности, так как здесь сконцентрированы преимущественно предприятия, для которых сырьем является молоко. Надо помнить, что экспорт Австралии опирается на «Великую Четверку», то есть на вывоз шерсти, пшеницы, мяса, а также молочных продуктов. Три с половиной миллиона молочных коров ставят Австралию на восьмое место в мире, но по продукции она на четвертом и по экспорту масла—на третьем. Как раз в районе Уоррагела находятся восемь крупных заводов, которые работают преимущественно на экспорт. Масло и сыры идут главным образом в Великобританию, но австралийцы подыскивают новые рынки сбыта. Наиболее подходящими для них могли бы быть страны Юго-Восточной Азии, но все дело в том, что тем нечем платить.

Животноводы предоставляют заботы о сбыте соответствующим торговым учреждениям. Самы они, занимаясь только животноводством, платят бешеные деньги за пле-

меньших быков. Рекордная цена одного такого быка составляет сорок пять тысяч долларов.

Меня подмывает рассказать вам еще одну историю, которую я услышал однажды вечером в чарлвиллском трактире, когда пиво, джин и виски развязали языки молчаливым австралийцам. Вы не знаете такой анекдот о комарах из Хэксем-Грейса? Нет? Ну так послушайте!

Хэксем-Грейс находится недалеко от Ньюкасла на воздушной трассе Брисбен — Сидней. Там есть такой небольшой пруд, где живут самые крупные и кровожадные комары в Австралии. Может быть, уже не такие громадные, как раньше, но и этих вполне достаточно. Как-то раз один фермер остановился около этого пруда на ночлег, когда ехал на своей повозке, запряженной волами. Он выпряг их и пустил пастись, только прицепил к шеям колокольчики, чтобы утром было легче разыскать. Но на рассвете нашел одни лишь колокольчики — волы исчезли без следа. Фермер решил, что кто-то украл волов, а колокольчики отцепил, чтобы не звенели. Он огляделся повнимательнее и увидел: на вальке повозки сидят себе комары, очень сытые, поэтому невообразимо толстые, сидят себе посиживают и ковыряют в зубах рогами сожранных ими волов...

НЕВЫНОСИМАЯ ЖАЖДА, ИЛИ КУПИТЕ ТУЧУ!

Существует анекдот об австралийском фермере из района, особенно пострадавшего от засухи. Когда он наконец дождался дождя и на нос ему упала первая капля, с ним случился обморок от полноты чувств. К счастью, поблизости были добрые и мудрые люди, которые «выплеснули» фермеру прямо в лицо три ведра... пыли. Таким образом его привели в чувство...

Понятно, что этот анекдот родился на земле, где есть все, кроме воды и людей, которые неразрывно связаны друг с другом. Это очень, очень сухая земля. Вода в Австралии — «жгучая проблема», над которой ломают голову величайшие мудрецы Австралийского Союза.

Заселить или погибнуть

Впервые в истории человечества большой материк, огромное пространство, отделенное от мира естественными границами, стал политической единицей и представляет собой единое государство. Континент этот, вдвое больший, чем Европа без СССР, имеет только одно правительство вместо тридцати двух, которые правят Старым Светом, а жители этого бескрайнего материка говорят на одном языке.

Возможно, что лозунг «заселить или погибнуть» мог бы быть реализован в большем масштабе и позволил бы осуществить самые смелые замыслы при достаточном обеспечении страны водой. До какого предела можно заселять Австралию? Какое количество людей может найти хлеб насущный на этом континенте? Специалисты называют разные цифры — от шестидесяти до четырехсот пятидесяти миллионов, предупреждая, что всех их можно будет про-

кормить только в том случае, если будет решена проблема водоснабжения.

Муррей, которую иногда называют Австралийским Пилом, единственная судоходная река континента, совершенно пересыхала в 1830, 1912 и 1922 годах. Она превратилась в жалкий ручеек во время страшной засухи 1914—1915 годов, когда пало восемнадцать миллионов овец и три миллиона голов рогатого скота! Память об этой катастрофе живет в народных преданиях и рассказах.

Однако я хотел бы дать объяснение одному существенному факту, объяснение, которое услышал от австралийцев, занимающихся скотоводством. А именно в Чарлвилле, в западном Квинсленде, я узнал, что во время продолжительной засухи домашний скот гибнет не столько от жажды, сколько от... голода! Все-таки даже в очень неважно оборудованном хозяйстве всегда найдется достаточно воды, чтобы в тяжелый период напоить овец и рогатый скот. Зато с кормами хуже, они высыхают, гибнут, а подвозить их по бездорожью, как правило, нет расчета. Да и цены моментально возрастают, поэтому закупают корма лишь те хозяйства, в которых есть ценный молодняк. Его стремятся сохранить, не считаясь с расходами.

Единственное спасение — в немедленном отгоне стад в районы, богатые кормами. Надо принимать решение, пока животные еще не слишком ослабли и могут двинуться в путь. Разумеется, за подкормку скота на чужих пастбищах надо платить, но это обходится значительно дешевле, чем подвоз кормов. Вот скотовод и старается сманеврировать так, чтобы сохранить в своем хозяйстве столько животных, сколько удастся продержат на скудном пайке. Поэтому он делит стадо и оставляет у себя такое количество овец и коров, для которого с грехом пополам хватит корма.

Водные сюрпризы

Реки, которые пополняются водами снегов Австралийских Альп, как, например, Хантер или Сноуи-Ривер, полноводны в течение всего года. Все другие — реки только по названию. Вообще-то у самих истоков они выглядят очень недурно, представляются прямо-таки привлекательными, но потом утрачивают свое великолепие, как слишком усердно разрекламированный талант. Путешествуя

по Австралии, я время от времени встречал идеально сухие долинки, четко обозначенные рядом деревьев.

— А это река, — услужливо сообщал мне местный житель. Приходилось верить ему на слово.

Сама великая Дарлинг протяженностью в две тысячи четыреста пятьдесят километров летом превращается в маленькие озера и прудишки; фарватер реки совершенно исчезает.

Для полноты картины этой невеселой ситуации я должен добавить, что существует и обратная сторона медали... В 1911 году только за один день в Порт-Дугласе выпало восемьсот миллиметров осадков, то есть больше средней годовой цифры для всей Польши. Внезапные паводки — такое же бедствие для Австралии, как и постоянные засухи. Регулярные осадки, проще говоря, такой дождь, на который можно рассчитывать, бывают только на востоке и северо-востоке страны. Более трети ее обходится двумястами пятьюдесятью четырьмя миллиметрами годовых осадков, а то и еще более скудным дождичком, тогда как сельское хозяйство в условиях Австралии должно быть «обеспечено» минимумом в триста пятьдесят миллиметров осадков в год.

Другое дело, что и эти «сухие» земли расположены над большими запасами воды. Речь идет об артезианских, или грунтовых, водах. Если пробурить скважину в горной породе при достаточно высоком давлении, они выходят на земную поверхность. В Австралии эта артезианская вода содержит значительный процент серы, но все же делает возможным развитие скотоводства в районах, которые в противном случае вообще были бы ни к чему не пригодными. Однако такую воду нельзя употреблять для орошения обрабатываемых земель, так как она уничтожила бы посевы. Иногда артезианская вода оказывается в нескольких метрах от поверхности земли, а временами — на глубине двух тысяч метров. Из таких глубоких скважин бьет вода, температура которой достигает 80°C. Есть даже источники, извергающие кипяток.

Постучать дьяволу в потолок

Австралийские геологи строят разные предположения о происхождении водных ресурсов страны. Довольно широко распространена теория, которая гласит, что они

представляют собой осадки, выпавшие несколько сот лет назад в прибрежных районах, и что якобы массы этой воды и собрались в подземных резервуарах. Предполагается, что одно из подземных «озер» имеет поверхность, равную примерно третьей части территории Европы. Во всяком случае, границы этих резервуаров воды установлены довольно точно. Бурение за их линией не дает никаких результатов, разве только, как сказал один австралийский поэт, «захочется постучать дьяволу в потолок».

Первые скважины в XIX веке дали высокие самопроизвольные фонтаны; сейчас уже остались немногочисленные источники такого характера. В большинстве же случаев приходится выкачивать воду насосом, а в некоторых местах она или полностью вычерпана, или оказалась за пределами досягаемости человека и его машин.

Впрочем, расточительство воды беспримерно. Драгоценная жидкость доставляется из колодцев к поилкам по обычным канавам, выкопанным в земле, даже не бетонированным.

Ветряная мельница, которая в Европе представляет собой живописный памятник старины, все еще является неотъемлемой частью австралийского пейзажа. Но это вовсе не те деревянные строения, которые прославили Голландию и какие можно еще увидеть в районе Смигеля в Польше, а легкие стальные конструкции.

Овцы не очень хорошие ходоки, поэтому поилки должны быть расположены через каждые несколько километров. Рогатый скот Австралии может обходиться без воды трое суток и хорошо переносит дальние переходы. Поэтому на пастбищах для коров водопой разбросаны на расстоянии тридцати-сорока километров друг от друга. Уже эти данные напоминают нам о безмерности австралийских просторов, особенно скотоводческих районов. Во всяком случае, рогатый скот разводят на таких землях, где овцы ни за что не выжили бы, так как пастбища граничат с пустыней. А она занимает третью часть континента, еще одна треть страдает от недостатка дождей.

Расцветут ли пустыни?

Я никогда не забуду поездки на машине из Брокен-Хилла на юг. Наш тяжелый «холден» (выпускаемый в Австралии кузен «шевроле» и других моделей «Дженерал

моторе») буквально утонул в море мельчайшей красной пылью. Ветра как раз не было, но эта пыль проникала в корпус фотоаппарата, скрипела на зубах, набивалась в ноздри и, вздымаясь из-под колес машины, стояла позади нее густым непроницаемым туманом.

Проблема пустыни существует не только в Австралии. Когда первые повозки американских поселенцев двигались через прерии, направляясь в Оклахому, Небраску или Канзас, эти равнины были покрыты буйной зеленью. Но уже в тридцатых годах нашего столетия на этих же самых территориях люди умирали от пневмокопниоза²⁷. А между прочим, там, где теперь Сахара подступает к морю, когда-то была житница всего мира. Пустыня победила лишь потому, что пришедшие на эти земли мусульманские кочевники не понимали ничего в земледелии и не знали метода задержания почвы с помощью зеленых насаждений.

Так же как и в Северной Америке, хищническое ведение хозяйства в конце концов привело к катастрофической эрозии земли; уничтожение лесов в Австралии создало угрожающее положение. Огромные пространства были пущены под посевы пшеницы, таким образом уничтожив траву, которая связывала почву. А ветры дуют здесь с такой силой, что срывают и уносят верхний, наиболее плодородный, высохший в период засухи, слой почвы.

В течение последних нескольких десятков лет около двух с половиной миллионов квадратных километров всей территории земли превратились в пустыню, а еще более обширные находятся под такой же угрозой. Австралия занимает «почетное» место в этой печальной статистике. Природная растительность связывала почву, некоторые виды трав необыкновенно засухоустойчивы; после дождя густая трава вырастала даже на тех местах, которые, казалось, были уже совершенно бесплодными. Все уничтожил плуг земледельца, а скот и кролики довершили этот процесс. «Первородный грех» первых поселенцев Австралии, которые не поняли местных условий, не был исправлен. Все дожди мира не воскресят травы, семена которых вытоптаны и уничтожены.

²⁷ Пневмокопниоз — легочное заболевание, возникающее в результате систематического вдыхания пыли. — *Прим. ред.*

Мудрые люди предвидят опасность и все настойчивее говорят о законодательстве, которое прекратило бы уничтожение лесов. Запланировано покорение самых могущественных сил природы Австралии, чтобы обеспечить ее водой.

Сэр Марк Олифант из австралийского Национального университета в Канберре убежден, что уже через какие-нибудь десять лет можно будет добывать воду из неисчерпаемого резервуара — океана.

Предполагается создание атомных реакторов мощностью по крайней мере в сто раз больше тех, которые строятся в настоящее время. М. Олифант выступает против участия Австралии в атомном вооружении; он увлечен идеей строительства больших многолюдных городов, окруженных зелеными зонами. Он лелеет типично австралийскую мечту об изобилии в стране пресной воды в течение всего года, независимо от количества выпавших осадков...

Морскую воду надо опреснять. А это довольно дорого. Для населения острова Росснет, расположенного в двадцати километрах от Фримантла, опресняют воду уже сейчас. Однако для повсеместного орошения земель необходимо уменьшить стоимость процесса опреснения такой воды в двадцать раз. Атомный реактор стоимостью в триста миллионов долларов обеспечил бы дистиллированной водой город в пять миллионов жителей, и еще оставались бы значительные излишки на нужды пригородных аграрных хозяйств.

Важна также проблема доставки. Уже сейчас трубопроводы, по которым вода попадает в город золотоискателей Калгурли, имеют протяженность несколько сот километров, однако в больших количествах перекачивать воду из океана в Центральную Австралию очень трудно. Вы только посмотрите на карту: сколько здесь пустынь, подошедших почти к самому океану!

Сначала следует обеспечить водой территории, предназначенные под фруктовые сады и огороды. Планы обводнения пастбищ пока кажутся слишком честолюбивыми.

«Сырья» для опреснения вдоволь. Ученые считают, что если всю территорию австралийских пустынь залить тридцатисантиметровым слоем воды, то уровень мирового океана понизится всего лишь на одну сотую сантиметра. Кроме того, предполагается, что часть воды будут снова сли-

вать в океан. Почему? Да потому, что при опреснении образуется значительное количество соли, и не совсем ясно, что делать с этим «побочным продуктом». Поэтому процесс не будут доводить до кристаллизации соли, а только до получения пресной воды плюс сильно насыщенный раствор соли, который вновь сольют в океан.

Полученная пресная вода будет идеально чистой, даже без минеральных солей, необходимых человеку. Но обогащение опресненной воды солями — проблема совсем несложная. Другой проект, который занимает воображение австралийских ученых, предполагает совершенно иные действия, а именно: в некоторых пунктах материка на глубине двух тысяч метров под поверхностью земли можно вызывать кипение воды. Делается это так: бурятся скважины, где потом производится взрыв «чистой» атомной бомбы. На большой глубине возникает гигантская пещера, огромный подземный котел, в который вливают морскую воду и получают... пар. Фантазия? Может быть, сегодня да, но ведь и еще более фантастические замыслы уже дождались плодотворной реализации.

О доверии, или сколько весит туча

Знаменитый писатель Казимеж Круковский рассказывал некогда, как приближенные одного цадика пришли к своему мудрецу умолять, чтобы он вызвал дождь.

— Не вызову! — гневно воскликнул старец. — Потому что у вас нет веры в меня! Вы явились ко мне без зонтов!

К ученым надо питать доверие. Особенно если они взвешивают тучи и делают много других удивительных вещей. Разумеется, здесь идет речь об Австралийской организации исследований в области науки и техники, где заняты сотни сотрудников. Они работают над выведением новых пород овец и устанавливают условия воздушной транспортировки мороженой баранины. Травят диких кроликов и истребляют кактусы, ищут лучшее сырье для покрытия крыш в условиях пустыни и расправляются с термитами.

Кроме того, они «создают» дожди. Таким образом ученые помогают природе, чтобы она, в свою очередь, помогла им. Ежедневно над горными цепями Восточной Австралии проплывают тучи, несущие миллионы тонн водяного пара. Эти гигантские резервуары воды, путе-

шествующие по небу, минуют территории, жаждущие влаги, не принося им никакой пользы. Ах, если бы можно было открыть край этой большой бочки!..

Стали подсчитывать, советоваться, создавать различные теории. Потом пришло время действовать... И вот в один прекрасный день в эти бесполезные тучи устремился самолет. Людям на земле не было видно, как с борта самолета обстреливали тучи шариками сухого льда, или твердого углекислого газа. Эти ледяные снаряды принудили наконец тучу капитулировать. Три четверти часа обстрела — и, как минимум, сорок квадратных километров земель оказались под потоками проливного дождя. Местные фермеры изо всех лошадиных сил помчались на аэродром, чтобы при всеобщем энтузиазме вынести на руках экипаж самолета.

Ученые оказались скептиками. А вдруг дождь все равно пошел бы в этот день? Вдруг обошлось бы и без нашей помощи? Нет полной уверенности, значит, они не убеждены в своем авторском праве на этот дождь. Зато была бесспорно установлена непомерно высокая стоимость этого дождя. Кто будет платить за такие разорительные ливни?

Все вернулись в свои лаборатории, и вопрос остался открытым еще на несколько лет. Овцы гибли, и падали коровы, которые были так истощены голодом, что не могли удержаться на ногах. В лабораториях по ночам долго горел свет, а электронные мозги, производя сотни сложных вычислений, искали новое — дешевое и действенное средство, вызывающее дождь.

Теперь дожди по заказу стали значительно дешевле. Бери подходящую тучу и обстреливай ее кристалликами подистого серебра. Один грамм его действует так же, как двести килограммов сухого льда. Значит, вместо тяжелой транспортной машины, которая должна стартовать с экипажем в несколько человек с бетонной дорожки настоящего аэродрома, теперь можно обойтись легким спортивным самолетом, затратив при этом значительно меньше топлива и пользуясь любой посадочной площадкой.

Как «щекотать» тучи

Был выделен опытный участок, и в течение полугода над ним регулярно кружили самолеты, чтобы «щекотать» тучи. И произошло чудо: кругом была сушь, а над этим участком шел дождь!

Первое серьезное испытание произошло в 1958 году. Поступила просьба о срочной помощи. На этот раз не от скотоводов — речь шла о промышленности. Шахтам уранового рудника штата Квинсленд необходимо дать воду! Надо наполнить искусственное водохранилище, которое питает гидроэлектростанцию. Без «белого угля» рудник станет, прекратится добыча урана...

Вся Австралия затаила дыхание, следя за развитием событий. «Создатели дождя» прибыли на место происшествия. С большим отвращением осматривали они раскаленное солнцем бетонное дно водохранилища. На сухом бетоне беззаботно грелось несколько маленьких ящериц... и ни следа воды.

Солнышко пригревало, по небу медленно проплывали чрезвычайно привлекательные тучки. Надо было осмотреть их вблизи, заглянуть к «властителям небес». Как перед серьезной атакой, операцию начала воздушная разведка. Она принесла хорошие вести. Тучки были насыщены дождем.

Итак, к тучам направился одинокий самолет, который имел под крыльями странные приспособления, отдаленно напоминающие сопла реактивного лайнера. Тучи «щекочут» по строго определенным правилам. То есть, когда упомянутый самолет оказывается непосредственно под ними, из труб подается пар, насыщенный иодистым серебром. Струи теплого воздуха, идущие вверх, поднимают этот пар, и он проникает в толщу тучи. При этом важно, чтобы кристаллики иодистого серебра не подвергались воздействию солнца, иначе они утрачивают свою чудодейственную силу...

Ящерики бросились наутек от потоков воды, которые хлынули с неба. В течение первых двух часов выпало двадцать пять миллиметров дождя, ручейки сливались в речушки и наполняли резервуар, а дождь продолжал лить! И никто не мог объяснить, как случилось, что в построенном людьми искусственном резервуаре сразу же после дождя появились рыбы. Как и все в Австралии, рыбки эти начали размножаться с такой страстью, что вскоре сложная система фильтров, предохраняющих турбины, была забита ими, и электростанция вновь оказалась перед угрозой простоев. На этот раз воды было достаточно, но зато появилось слишком много рыбы! Удивительная страна эта Австралия!

Тут на помощь поспешили стаи бакланов. Никто не мог установить, откуда они взялись здесь, но факт остается фактом, что эти невероятно прожорливые птицы ликвидировали очередную — рыбную — проблему уранового рудника...

После этого резервуар залили тончайшим слоем химических препаратов, которые образуют на поверхности воды пленку, снижающую ее естественное испарение минимум в три раза. Этот метод весьма широко применяется на всей материке, закрывая дорогу в небеса сотням миллионов литров живительной влаги. Процесс совсем не сложен в техническом и правовом отношении. Но причем здесь права и законы, спросите вы?

Дело в том, что «щекотать» тучи не так-то просто с точки зрения закона. Если по заказу мистера Брауна туча отдаст запасы своей воды его собственным полям, то его сосед, мистер Смит, летит в суд жаловаться на Брауна, якобы укравшего у него дождь. Он утверждает, что есть свидетели, которые подтвердят Его Милости Судье, что видели, как туча уже спускалась над владением мистера Смита с совершенно недвусмысленной целью пролить над его вотчиной обильный дождь, а тут вдруг и появился заказанный Брауном самолет с иодистым серебром... Австралийский суд оказался перед серьезной проблемой. Сообщай тут, прикидывай, кому принадлежит дождь — королеве или ее подданным? А если принять этот последний вариант, то кому из них конкретно?..

Нет, это не он!

Генерал американской армии Дуглас Макартур во время второй мировой войны был главнокомандующим союзных сил в юго-западном районе Тихого океана. 17 марта 1942 года он прибыл в порт Дарвин и с территории Австралии руководил впоследствии военными действиями на Новой Гвинее. Несомненно, Австралия обязана ему очень многим, ведь угроза японского нападения была вполне реальна. В Сиднее существуют тринадцать улиц, названных именем Макарура.

Внимательный наблюдатель может, однако, заметить различие в написании — речь-то идет, оказывается, не о нем! Тринадцать улиц увековечивают память Джона Мака-Артура. Правда, это тоже был воин, но несколько иного

плана: за поединок с полковником Петерсоном Джон Мак-Артур был выслан в 1801 году в Англию и поспешил выйти в отставку, чтобы избежать военного суда. Он не терял, однако, времени напрасно в этой вынужденной ссылке на... родину. Ведь еще в Австралии, которую он видел в своем воображении как страну крупных помещиков, Джон увлекся разведением овец. Помощниками в его замыслах были почтенный Исаак Никольс и даже сам преподобный Самюэль Марсден, пастор, весьма оборотистый в делах.

Мак-Артур увлек своими замыслами самого лорда Камдена, министра колоний, который подарил увлеченному скотоводу участок в пять тысяч акров под названием Камден-Парк, расположенный в Новом Южном Уэльсе в Австралии. Туда после годичного пребывания на родине и вернулся Мак-Артур, взяв с собой пять овец и одного барана мериносовой породы из овчарни Георга III в Кью. За это небольшое стадо из королевской овчарни Австралия до сих пор чтит Мак-Артура, считая его истинным создателем «блеющего богатства», которое поставило на ноги их страну...

Именно там, в имении Камден-Парк, в 1839 году проводил праздник Рождества Христова некий поляк, которого пригласил один из членов рода Мак-Артуров — Джеймс. Как-то раз оба друга в сопровождении еще нескольких мужчин отправились обследовать верхнее течение реки Муррей.

15 февраля 1840 года этот поляк, по фамилии Стшелецкий, и Мак-Артур оставили экспедицию на очередной стоянке и вдвоем отправились в горы. Мак-Артур был не в восторге от этого восхождения, ведь экспедиция должна была обследовать новые места, которые могли оказаться пригодными для овцеводства, а не покорять вершины. Шагая не спеша, он размышлял, не слишком ли легкомысленно поддался личному обаянию этого поляка. Одно дело — блистать в салонах прибрежной метрополии, и совсем другое — путешествовать по головокружительным тропам. Мак-Артур размышлял о своих овцах в Камден-Парк; они быстро размножались, он просто не успевал расширять для них уголья. Овцы пожирали траву, и она нужна была во все больших количествах. Стадам, которые невозможно прокормить, грозит гибель. Мак-Артуру дорого было время, он сам отправился искать новые пастбища, а тут еще этот поляк...

С досадой посмотрел он вперед, на своего товарища по экспедиции и невольно вздрогнул. Стшелецкий остановился прямо над пропастью и спокойно вынимал из рюкзака измерительные приборы. Он подождал, пока Мак-Артур приблизится к нему, и, указывая на две горные вершины в отдалении, сказал, что одна из них, более высокая, — наивысшая точка всего материка... Стшелецкий написал позже: «Меня поразило чрезвычайное сходство формы этой вершины с Копцем Косцюшки²⁸. Хотя это было в чужой стране, на чужой земле, но среди народа, который умеет ценить свободу и бороться за нее, я не мог удержаться и не назвать эту вершину горой Косцюшко». И далее он продолжал: «Вид с горы Косцюшко позволил мне установить местонахождение истоков реки Муррей, определить русла ее притоков и наметить направление дальнейшего пути на север для последующих изысканий...»

Итак, самая высокая вершина Австралийских Альп называется горой Косцюшко (две тысячи двести тридцать метров над уровнем моря), но не надо думать, что австралийцы англосаксонского происхождения — а именно они представляют собою большинство в этой стране — могут правильно произносить это название. Произносится нечто вроде Кодзяско, некоторые думают, что это еще одно наименование, взятое из богатого фольклора аборигенов Австралии. В одном из рассказов писателя Анджея Хчука, постоянно проживающего в Мельбурне, фигурирует поляк, который сдавал в Австралии экзамен по географии. Сдал блестяще, но, поздравляя его с успехом, председатель экзаменационной комиссии сказал, что, если бы сдававший научился п р а в и л ь н о произносить название Кодзяско, успех был бы еще более полным...

Впрочем, часто употребляется еще более краткое название — Коцци. Язык представляет собой живую категорию и сбрасывает слова, трудные для произношения.

Памятники на карте

Другое дело, что Стшелецкий ошибся и первоначально дал это название горе Таузенд, которая показалась ему выше. Через сорок с лишним лет австралийский геолог

²⁸ Копец Косцюшки — гора под Краковом, которую, по преданию, насыпали люди в честь национального героя. — *Прим. пер.*

Роберт фон Лонденфельд установил ошибку Стшелецкого, дав самой высокой вершине страны имя «пик Мюллера». Однако это название было отброшено австралийцами, которые чтили волю покойного уже поляка, и до сих пор самая высокая вершина великого материка имеет название «гора Косцюшко».

Выражая свою последнюю волю, Стшелецкий просил не ставить ему каменного надгробья, «потому что смерть — это забвение, и время не щадит никого, могила с кусочком дерна, забытая всеми, — самое лучшее, чего я желаю...»

Но судьба распорядилась так, что имя исследователя сохранилось для потомства не на могильном камне, а... на карте Австралии, где можно видеть его в двух десятках мест. Например: Стшелецки-Крик в Южной Австралии, Стшелецки-Рейндж (Гипсленд), Стшелецки-Пик (на острове Флиндерса), Стшелецкитаун (штат Виктория) или Стшелецки-Сауз-Таун в том же штате, Маунт-Стшелецки в Северной Территории. Это лишь самые основные. Далее, вся наука об окаменелых ракообразных эпохи палеозоя называется *Pleurotomaria Strzeleckiana*, существует трилобит *Brachymetopus Strzelecki*, а также три ракообразных с определением *Strzeleskiensis* (о чем информирует нас неутомимый собиратель австралийских публикаций о Польше Лех Пашковский). Если бы Стшелецкий мог сейчас взойти на эти горы и посмотреть вокруг, то он не узнал бы эти места. Другое дело, что он не увидел бы и огромнейшей стройки, которая ведется под землей.

Я был там и видел это международное предприятие. Именно международное — флаги тридцати стран развеваются на ветру перед административным зданием этой стройки в Куме (что значит на языке аборигенов «большое болото»). На каждом шагу встречал я поляков, то и дело слышал польскую речь. А один поляк, потомок очень известного у нас рода, в настоящее время работающий на одном из крупнейших предприятий Сиднея, сказал как-то мне в тишине своей квартиры: «Оглядываясь назад, я понимаю, что все-таки самые лучшие годы моей жизни в Австралии я провел там как чернорабочий, в Снежных горах, у подножия горы Косцюшко. Нет-нет, не потому, что я тогда был почти на двадцать лет моложе, а, скорее, оттого, что в этой работе присутствовал значительный элемент романтики; это была та самая Австралия пионеров, о которой мы читали когда-то в книгах для юношества».

Все началось с воды, вернее, с ее отсутствия. Сноуи-Ривер — расточительное дитя, она без всякой пользы отдавала свои воды океану. Вода необходима. У аборигенов Австралии существует общее слово для обозначения понятий «вода» и «жизнь». Еще в 1884 году были разработаны планы использования рек, озер и ручьев Снежных гор. Однако с реализацией планов не спешили. В 1889 году страшная засуха уничтожила половину поголовья овец и рогатого скота в Новом Южном Уэльсе. Надо было что-то предпринимать...

Июльские морозы

Поздним вечером я не мог высунуть носа из гостиницы, находившейся высоко в горах. Метель поглотила мир, из окна не разглядеть соседнего барака в нескольких десятках метров от нас. Июль, то есть самая середина австралийской зимы, держал Снежные горы в морозных объятиях.

День был полон впечатлений. Автобус застрял в сугробе. В ожидании помощи мы, чтобы согреться, топали ногами по снегу, распугивая стаи попугаев, резко выделявшихся яркостью оперения на белом покрове замерзшей земли. Снег ложился на кабель высоковольтной линии, натянутый между стальными мачтами высоко в горах. Не было ли именно это той романтикой, о которой вспоминал мой собеседник из Сиднея?

— Этот снег еще игрушки, а иногда в июле так занесет дороги, что приходится с самолетов сбрасывать на парашютах канистры с бензином, — сказал водитель автобуса Лаури Мак-Кензи, олицетворение добродушия за рулем.

После полудня появился коллега из местного радиовещания в Куме, таща на ремешке засыпанный снегом магнитофон. Польский репортер, которого судьба забросила в Снежные горы, как видно, являлся темой постоянной серии передач «Сегодня вечером в Куме», в которой слушателям представляют людей, прибывших в город. Прежде чем диски с пленкой начнут крутиться, надо определить язык, на котором я буду говорить.

— Вы можете говорить по-польски, по-французски, по-немецки или по-английски, а если вы знаете итальянский или испанский, или венгерский, у вас тоже найдутся

слушатели. Чешский или словацкий также вполне приемы. Ведь мы в Куме...

Да, мы в Куме. Вечером я принимал душ вместе с рабочими, спешившими в ночную смену. Рядом со мной плескались два немца, какой-то югослав распевал во все горло, грек спорил с норвежцем, голландец на английском языке рассуждал о чем-то с рослым парнем, который, как выяснилось утром за завтраком, был монтером из Швеции.

Город, который вскарабкался на гору

Организация Объединенных Наций могла бы много позаимствовать от братского сотрудничества этих геологов, шоферов, плотников, электриков, сварщиков, дорожных инженеров, поваров, плановиков и арматурщиков. Фирмы норвежские, французские и американские используют на стройке продукцию своих стран, но попадается много британских, шведских и австралийских машин. Пять тысяч рабочих из тридцати стран заняты на стройке. Более десятка электростанций дадут три миллиона киловатт электроэнергии из «белого угля», а сельское хозяйство получит более миллиона гектаров плодородной земли, которая была бесплодна до сих пор из-за отсутствия воды.

Инженер сэр Уильям Хадсон, руководитель этих работ, распоряжается такими средствами, которые, наверное, редко кто за всю историю держал в одних руках. Уже за первую половину работ он «промотал» более пятисот миллионов долларов. На обводненных землях будет производиться дополнительно корнеплодов на шестьдесят три миллиона долларов ежедневно, выплата налогов возрастет на тридцать пять миллионов долларов в год, в эту сумму уже включены взносы химических и металлургических предприятий, которые будут пользоваться дешевой электроэнергией. Очень важна роль этих поставщиков энергии в планируемой сети атомных электростанций, которые должны быть гармонически связаны с гидростанциями для бесперебойной работы в часы «пик».

Бульдозеры ползают по площадке, которая днем представляет собой трясиину, а ночью покрывается ледяной коркой. Земля сотрясается от взрывов: здесь бурят около ста пятидесяти километров туннелей для использования энергии горных рек. Одно из водохранилищ вместит воды в девять раз больше, чем большой океанский порт в Сиднее,

в котором без труда маневрируют трансатлантические корабли.

Город Адамнаби переехал на девять километров дальше и спокойно пристроился на холме, так как его старую территорию залили водой. По кирпичику разобрали каждый дом, перенесли старую церковь и ратушу, эвакуировали даже мертвых, спокойно почивавших на маленьком кладбище... В кронах деревьев, под которыми раньше ворковали влюбленные, сейчас играют рыбы, привезенные, разумеется, людьми в это водохранилище. На маленьком островке, выступающем из воды искусственного озера Юкамбин, который до недавнего времени был горной вершиной, резвятся два белых кенгуру, спасенных людьми при заполнении котлована.

Век XXI, или мечта о воде

Каждый метр туннеля — это яростная борьба металла и гранита. Я смотрю, как в адском грохоте буров рождается новый участок внутри скалы. Со стен льет вода, под ногами грязь, вереница грузовиков вязнет с тяжелым грузом, из-под колес, бешено крутящихся в лужах, брызжут струи грязной жидкости...

В поте лица реализуют австралийцы свою мечту о воде, стремясь утолить «Великую Жажду». Их реки никогда не были объектом почитания, как Ганг, их не воспевали в легендах, как Вислу, Дунай или Рейн, они не пересекали великих городов, как Тибр, Сена или Шпрея. Зато их реки без пользы выбрасывали в океан пятнадцать миллиардов литров воды, так необходимой стране. «Если бы осадки, которые только в трех штатах вызывают локальные паводки или бесполезно пропадают в море, направить на дно высохшего озера Эйр, там расцвел бы рай на девятистах шестидесяти тысячах гектаров», — вздыхают австралийцы. Посмотрите только на эти великолепные лимоны, виноград или персики обильно вызревающие на искусственно обводненных территориях в районе Снежных гор...

Эти огромные преобразования имеют и своих яростных противников, скептически воспринимающих сообщения о ходе работ. «Ну и что из того? — говорят они. — Будет больше риса, больше фруктов, больше пшеницы. Хорошо. Мы выбрасываем сотни миллионов и собираем людей со всего мира, чтобы они возводили плотины. А кто у нас ку-

пит ту продукцию, которую мы дополнительно получим? Может быть, желающие и найдутся, только чем они заплатят? Эти вложения — деньги, буквально выброшенные на воздух!»

Таким взглядам противостоит мнение людей, заглядывающих уже в XXI век и думающих о жизни будущих поколений австралийцев. И когда входит в строй очередная плотина или электростанция, то у подножия горы Косцюшко пожилые мужчины, которые помнят катастрофические засухи — бич этих краев, забывают о принятом церемониале торжеств. Они хлопают друг друга по широким спинам, хохочут, иногда даже кое у кого от волнения на глазах появляются слезы. Они совсем не стыдятся их: столько лет ждали этой минуты!

Мы беседовали в зале для приемов большого ресторана в отеле столицы штата Южная Австралия—Аделаиде. С минуты на минуту должен был начаться обед, и мистер Бэйтс, почтенный председатель Туристического общества Австралии, использовал это время, чтобы ввести меня в тайны туристического бизнеса. Он рассказывал, как, опираясь на статистические данные, определили тип обычного туриста. Установлено излюбленное время года, когда он отправляется в путешествие, сколько денег он имеет на расходы, каков его бюджет, летает ли он охотнее на самолете или выбирает более дешевые средства передвижения...

Мистер Бэйтс жаждал изобразить те привычки своих соотечественников, которые не благоприятствуют расширению туризма.

— Вот, послушайте, мы, австралийцы, всегда предпочитаем...

— Дорогой, — прервала мужа изысканная миссис Бэйтс, — не говори мы, австралийцы, лучше скажи — они в Австралии...

Удивленному репортеру миссис Бэйтс любезно объяснила, что ее мужу было пять лет, когда родители привезли его из Англии, так что он не вправе считать себя австралийцем, пожалуй, самое большее — «новоавстралийцем».

Кто такие «новоавстралийцы»

Так я столкнулся с выражением, которое означает «человек, не родившийся в Австралии».

На нелепость этой формулировки в стране, которая заботится о постоянном притоке иммигрантов, давно обращали внимание.

Наконец взяла слово «мисс Австралия». Известно с давних пор, что красивые женщины легче находят внимательную аудиторию, чем почтенные профессора. Она сказала, что, собственно, все они — «новоавстралийцы», кроме, разумеется, тех, предки которых жили в Австралии тысячи лет назад, — чернокожих аборигенов. Точности ради добавлю, что самую красивую девушку Австралии зовут Таня.

Каждый четвертый житель Австралии в возрасте менее двадцати одного года — это ребенок иммигрантов или родился не в Австралии. Чтобы лучше понять современную Австралию, можно прочесть хотя бы таблицу футбольных игр команд первого класса за одно воскресенье. Мы найдем в ней такие названия, как, например, «Полония», «Будапешт», «Хорватия», «Австрия», «Ювентус», «Хакоа» и т. д.

Это что-то новое. Ведь Австралия, в моем представлении, должна быть страной истинно британской. Поселенцы, которые прибыли с Британских островов на сожженную солнцем землю, хотели сделать из нее точное подобие своей далекой родины. И они достигли этого. Кроме Новой Зеландии, Австралия была единственной страной, заселенной европейцами, где до самой второй мировой войны почти все семимиллионное население происходило из одного государства Европы. Девяносто процентов граждан были британского происхождения, что вовсе не значит — английского. Каждый пятый житель — ирландец и католик, и как везде в бассейне Тихого океана, так и в Австралии было много шотландцев.

Кобзы ²⁰ из кенгуру

Пожалуй, трудно поверить в то, что Австралия экспортирует в Шотландию волынки! Их делает из шкур кенгуру мистер У. Корнер из Курпору, расположенного неподалеку от Брисбена. Волычник, играющий на инструменте австралийской продукции, даже стал победителем конкурса в самой Шотландии.

Там, на краю света, иммигранты создали подобие британской страны, сохраняющей традиции английского

²⁰ К о б з а, или волынка, — струнный щипковый инструмент. — *Прим. ред.*

прототипа XIX века, столь отличного от окружающего мира южной части Тихого океана.

Однако это была точная копия, совсем как модель корабля, воспроизведенная в бутылке моряком, — с мельчайшими деталями, даже с британским флагом, реющим на мачте. Под тропическим солнцем австралийцы уплетали английские лакомства; говорили они на своеобразной разновидности кокни. Однако постепенно появились новые слова, часто искаженные выражения из языка аборигенов, то есть те англосаксонские. Различие между австралийской разновидностью английского и «королевским английским» растет. Я помню объявление в гостинице на одном из островов архипелага Фиджи: «Мы бегло говорим по-австралийски, понимаем по-английски»... А у англичан в Австралии есть даже своя собственная газета. Австралийцы довольно пренебрежительно зовут их «ромту»³⁰. Следует помнить, что свободные поселенцы часто были не англичане, а именно шотландцы, валлийцы или ирландцы. Тяжелые условия жизни и стремление к независимости выработали у австралийцев недоверие к любой власти, презрительное отношение к «сильным мира сего». Пионеры Австралии были люди суровые и любили высказываться без обиняков. В 1896 году Джон Нортон, редактор выходившей в Сиднее газеты «Truth» («Правда»), выражал королеве Виктории пожелания доброго здоровья и долгой жизни «уже хотя бы потому, чтобы не прорвался к трону этот жулик на скачках, шулер, соблазнитель женщин, известный шалопаи, ее сыночек — Альберт Эдуард, принц Уэльский...»

Население Австралии превысило цифру тринадцать миллионов, а доля британской иммиграции в нем стала значительно меньше. В первые годы после войны, как мне рассказывали, еще случалось, что полякам, которые разговаривали между собой в автобусе по-польски, в бесцеремонном тоне замечали, что они должны научиться говорить по-английски. Сейчас я уже не слышал о подобных инцидентах, потому что каждый австралиец отдает себе отчет в том, что послевоенные иммигранты изменили лицо Австралии. Это особенно касается прибывших из Европы, а следует здесь заметить, что для австралийца Великобритания не европейское государ-

³⁰ Ромту (англ.) — англичанин-иммигрант, недавно поселившийся в Австралии. — *Прим. пер.*

ство... В газетах сообщения из-за границы помещаются на странице, озаглавленной: «Новости из Великобритании, а также Европы».

Я сознательно применил здесь выражение, которое требует пояснения. Чтобы понять заслуги перед Австралией всех этих поляков, голландцев, чехов, немцев, итальянцев, словаков или югославов, надо представить себе вчерашнюю Австралию.

Один варшавский инженер в 1938 году оказался в Мельбурне, имея в кармане договор о работе на одном из промышленных предприятий города. Он так рассказывал о первых впечатлениях от этого большого города: «Прямо с корабля я пошел в отель. Там я заперся в номере и проплакал два дня. Вы знаете, это была дикая страна, я не мог простить себе, что приехал сюда...»

Всего лишь вчера

В Австралии еще существуют такие уголки прошлого, где можно наблюдать сцены, которым позавидовал бы не один режиссер американских вестернов. Я, например, видел Теннант-Крик, город золотых приисков, где, как говорят, никто никогда не умер своей смертью... Эта слава — как мне кажется — очень преувеличена. Я увидел город старателей, жители которого боролись с суровой природой и страдали от одиночества, так как мужчины там значительное большинство. Однако драк, по слухам, некогда кровавых и частых, я не наблюдал.

Правда, жизнь здесь нелегкая и непривлекательная. В Дарвине мне рассказывали, что когда местная газета организовала какой-то конкурс, то первой наградой была недельная поездка в Теннант-Крик, а второй — трехнедельное пребывание в том же городе...

Известный австралийский журналист Дуглас Локвуд в своих воспоминаниях рассказывает о Теннант-Крик. В качестве корреспондента одной из мельбурнских газет он был послан в Дарвин, что означало ссылку из великой метрополии в крошечный поселок с ужасным климатом. Перед тем как вступить в должность, Локвуд женился, а коллеги ему сочувствовали: «Ехать в Дарвин, да еще вступить в брак, ах, как иногда бывает жестока судьба».

Так вот он описывает свой первый визит в Теннант-Крик, который также должен был находиться в радиусе его действий. Как предприимчивый репортер, Локвуд

решил представиться местному сержанту полиции. Но дежурный по участку полицейский сообщил, что его шеф находится в госпитале.

— Дали ему под дыхало,— объяснил полицейский.

— Кто ему дал?

— Парни, которые стянули виски.

— Какие парни? Что за виски?

— Ну, случилось это вчера вечером,— начал рассказывать полицейский.— Сержант накрыл двух парней, которые свистнули ящик виски. Их отпустили на поруки, но около полуночи оба они вернулись за виски. «Виски вы не получите,— говорит сержант,— потому что это вещественное доказательство для следствия против вас». Тогда они ответили: «Слушай, старик, нам нужно виски, и притом сейчас же, ображаешь?» А он не сообразил. Тогда они повалили его на землю и давай обрабатывать. Но и сержант был не промах, у него в кармане оказалась пушка. Похоже, что пинки под ребра не доставляли ему особого удовольствия, потому что он говорит парням: «Послушайте-ка, ребята, будьте добры, перестаньте пинать меня, а? Мне это совсем не нравится». Но они не воспользовались добрым советом. «Повторяю, я решительно настаиваю на том, чтобы вы прекратили, не то мне придется вас пристрелить». Что-то в этом духе. Насколько я его знаю, наверное добавил и несколько сильных выражений, но они не обратили внимания. Что же делает сержант? Вытаскивает свою пушку и пиф-паф, раз-два! Один из этих господ по фамилии Смит получил пулю в плечо и смылся. Второй парень, Галлон, получил пулю как раз над переносьем, и можно сказать, что состояние его здоровья внезапно резко ухудшилось. Похоже было, что за две секунды жизнь покинула его. Он стал настоящим трупом...

Далее Локвуд сообщает о том, что ему еще рассказал полицейский о решительном сержанте:

— Как только начался этот фейерверк, на улицу высыпал народ. Один тип приехал на грузовике и отвез полицейского в госпиталь, где и говорит дежурной сестре: «Помогите сержанту, он страшно избит, но сначала надо сделать ему какой-нибудь успокаивающий укол: он только что в первый раз убил человека».

Когда это все произошло? Сто лет назад? Нет, в 1941 году...

Читающий эти строки, пожалуй, упрекнет меня в том, что я выбрал нетипичный случай, происшедший в захолудном шахтерском поселке. Разве это пример для сравнения?

Так вот, чтобы показать достижения этих «новоавстралийцев» в различных областях австралийской жизни, я не буду здесь цитировать ученых, известных результатами исследований в лабораториях Канберры или Сиднея, не буду перечислять ни спортсменов из Европы, защищавших цвета Австралии на очередных олимпиадах, ни первооткрывателей, которые находят сокровища в австралийских пустынях. Я расскажу о том, как эти выходцы из Европы всколыхнули будничную жизнь Австралии.

Настоящую революцию они произвели на... кухне. Люди, которые вспоминали в моем присутствии довоенное время, единодушно утверждали, что посещение австралийских ресторанов было печальной необходимостью. Такой обедик не тешил желудка, ведь классическая австралийская кухня, с которой я столкнулся еще в пустынных уголках Страны Никогда-Никогда, основана на баранине в мятном соусе. Сюда добавляют разные овощи, «старательно» лишённые какого-либо вкуса путем продолжительной варки. Не знаю, может, это зависит от сорта овощей или почва, на которой они выращиваются, совсем другая и иначе обрабатывается. Но австралийские овощи имеют вкус, совершенно отличный от обычной моркови или горошка, которые мы едим в наших краях. И овощи и фрукты в Австралии, если они из консервной байки, как правило, искусственно окрашены и имеют сказочный цвет, но на вкус — восторга не вызывают. Смотреть на них приятно, а есть противно.

Зато день-деньской австралийцы попивают жидкость невиданной крепости, которую они условно называют «чаем». Это просто эссенция, часто с небольшим количеством молока или сливок, вероятно добавляющихся инстинктивно в целях защиты организма от отравления тением.

Считается, что крепкий чай употребляют англичане. Ах, так, значит, вы все-таки понимаете шутки! Тот, кто утверждает, что это чай, никогда не пил любимого напитка австралийцев. На аэродроме в Дарвине, пока наш

реактивный самолет всасывает топливо перед далекой дорогой на Юг Австралии, пассажиров угощают очень крепким «чаем». Кажется, что ложечка стоит в этой смолистой жидкости; несмотря на то что воздух кондиционированный, обливаешься потом, слышишь собственный пульс...

«Чай» сопровождает меня потом, на протяжении тысяч и тысяч километров путешествия по Австралии. В роскошных ресторанах на Клинг-Кросс в Сиднее и в пустыне, где котелок для чая—непременный реквизит путешественника, австралиец пьет «чай» в жару, чтобы остыть, в холод — чтобы согреться. «Чай» льется в его глотку с раннего утра до поздней ночи. И даже ночью, так как в крошечных номерах провинциальных гостиниц всегда есть куверт для «чая». Похоже, хозяева гостиниц стараются, чтобы постоялец не умер от жажды между полуночью, когда он получил последнюю чашку «чая» в холле, и шестью утра, когда, проснувшись, безоговорочно получит огромную кружку утреннего «чая». Это чаепитие ни в коей мере не освобождает его от обычной чашки «чая» за завтраком. Рабочий или чиновник имеют, кроме того, специальные перерывы для чаепития...

Нам дали «чай» в кемпинге у подножия горы Косцюшко, куда мы наконец добрались в июле, то есть в самый разгар австралийской зимы, когда наш автобус застрял в снежных сугробах. «Чаем» из термоса угощал нас австралийский полицейский, когда мы вместе пробирались сквозь тропические джунгли на территории Папуа — Новая Гвинея...

И вот революция на кухне началась со штурма кофе. Употребление кофе возрастает в небывалом темпе, естественно, за счет чая. Итальянский «экспресс» прижился в австралийских домах и положил начало переменам, значение которых может оценить любой приезжающий в эту страну.

Континентальный вкус

По мере наплыва иммигрантов из Центральной, Южной или Восточной Европы Австралия познавала простые, но поразительные истины. Так, например, оказалось, что хлеб вовсе не должен напоминать по своему виду и вкусу вату, что кроме уже упомянутого мятного соуса

предприимчивое человечество изобрело много других приемов для придания вкуса блюдам. Вспомнили о преданной забвению рыбе и дичи; сейчас даже в самом сердце Австралии можно получить океанскую рыбу, которую привозят самолетами из рыбацких поселков. Но все еще не сдают позиций фруктовые ассорти и разноцветное крошево в консервных банках, исключительно неприятное на вкус, которое подают на десерт в пунктах общественного питания, не поспевающих за прогрессом. Зато австралийцам все больше нравятся итальянское пицци, венгерский гуляш, балканские деликатесы из сыра или огромные скандинавские бутерброды. Они стали есть шампиньоны и даже с недоверием рассказывают друг другу, что в Польше люди употребляют в пищу дикорастущие лесные грибы и, несмотря на это, доживают до весьма солидного возраста. Да, да, много на свете отважных людей!

Готовя себе время от времени обед из консервов, я из интереса приобретал в магазинчике на углу каждый раз все новые продукты. Нельзя писать о жизни какой-нибудь страны, если не знаешь, что здесь едят каждый день. Я без затруднения выбирал себе банки с гордой надписью «Made in Australia» и с наклейками, поясняющими, что консервы сделаны в «континентальном стиле», то есть на европейский вкус...

На фотографиях примерно двадцатилетней давности одежда австралийцев очень неприглядна. И вот европейские мастера показали им, что из великолепной австралийской шерсти можно сшить очень элегантные костюмы, ничем не напоминающие мешки для картошки. Модистки привезли австралийцам предписания диктаторов европейской моды из Парижа и Рима, и только шляпы, обильно украшенные всевозможными цветами, мехом и перьями, все еще не побеждены окончательно.

Однако не следует превратно понимать все эти рассказы. Пришельцам из Европы не уступают путь розам. Австралия действует как бы по принципу «я бы не прочь, да боюсь». Враждебности к иммигрантам нет, совсем напротив — идут поиски способов задержать их в своей стране навсегда, однако в сводах законов и образе мыслей среднего австралийца сохраняются еще различные пережитки тех времен, когда эта страна там, на краю света, хотела быть более британской, чем сама Великая Британия.

В различных штатах по-разному поставлена проблема оценки профессиональной квалификации новопривывших из Европы иммигрантов, имеющих высшее образование. В большинстве случаев они должны сдать довольно сложные экзамены, прежде чем им будет позволено работать по профессии. До того как получить практику в Австралии, от врачей иногда требуется несколько лет работы на территории острова Новая Гвинея. Однако в последнее время в этих вопросах все чаще обращаются к голосу рассудка и несколько остывает страсть к проверке знаний, полученных не в австралийских учебных заведениях. Это началось, кажется, с одного прецедента. Как-то раз приехавшему врачу предложили сдать экзамен по материалу учебника, автором которого оказался... он сам. Он написал его еще в Европе до прибытия в Австралию. Логика требовала обменяться местами на экзаменах: наверняка автор знал свой собственный учебник лучше, чем его экзаменаторы.

Возникают ситуации и просто парадоксальные. Ведь в поисках новых иммигрантов специальные агенты разъезжают по всему миру. Италия, Греция, Германия, Голландия — страны, которые всегда были поставщиками переселенцев в Австралию, — последнее время как-то не поставляют нужного количества иммигрантов. Испания порвала заключенный с Австралией договор об эмигрантах якобы в связи с развитием своей собственной экономики и с тем, чтобы избежать недостатка рабочих рук. Австралия зазывает армян из Турции и греков... из Египта.

В то же время наблюдается постоянный отлив из страны коренных австралийцев. Это тем более болезненно, что по большей части они отличные специалисты, то есть именно та категория людей, которая более всего необходима молодой стране, страдающей от недостатка кадров. Австралийские дантисты, практикующие в Лондоне, или врачи, которые удирают из Австралии под туманный небосвод Альбиона, лишь деталь этого странного бегства. Писатели и актеры также проводят целые годы вдали от родной Австралии, потому что в таких крупных культурных центрах, как Лондон и Нью-Йорк, перед ними открываются большие возможности. Ученые получают луч-

шие условия для своих исследований в более богатых странах, так как тринадцатимиллионная страна на краю света не может еще позволить себе создание полного комплекса узкоспециализированных научно-исследовательских институтов. В то же время во всем мире уменьшается потребность в дилетантах и требуется все более узкая специализация во всех областях профессионального труда...

...а гость съел вторник

Прежде, когда календари были еще редкостью, поселенцы, живущие в уединении австралийских просторов, выходили из положения кто как мог. Один, например, каждое воскресенье вечером пек «damper», нечто похожее на лепешки, традиционный хлеб, употребляемый в местах, где нет печей с духовками. Эти лепешки делают из муки с добавлением специального порошка, который называют «динамитом», и пекут в золе очага. Сейчас их едят, скорее, из любопытства, чтобы отведать этого блюда пионеров, но для первых поселенцев «damper» был в буквальном смысле хлебом насущным...

И вот наш отшельник тщательно делил свою лепешку на семь равных частей, соответствующих дням недели. Само собой разумеется, что каждая из них служила в то же время его рационом на день. Идея была неплоха, потому что человек, выполняющий тяжелую работу, никогда не забудет поесть. Так что календарь был очень точный.

Однажды отшельнику случилось принимать у себя какого-то путешественника, который заблудился в безлюдной местности. Был как раз вторник, и гостеприимный хозяин пожертвовал своей дневной пай в пользу голодного гостя. Радужно принятый гость удобно расположился поближе к лепешке, вынул складной нож и один за другим начал отрезать себе большие куски, невзирая на деликатное хмыканье, покашливание и другие знаки ошеломленного такой прожорливостью хозяина. Время шло, а точнейший календарь исчезал в желудке путешественника. Наконец, не владея собой и забыв о священных законах гостеприимства, хозяин сорвался со своего стульчика и завопил:

— Довольно, ради бога довольно! Ты уже съел у меня вторник и среду и уже добираешься до четвергя.

Кажется, гость быстро распрощался и отправился в путь, думая, что его собеседник обезумел от одиночества, а хозяин взялся печь новый календарь...

Какой у тебя галстук?

Рассказывая о просвещении в Австралии, всегда надо помнить об огромной территории этой страны и малочисленном населении.

В 1796 году губернатор Хантер докладывал лондонским властям, что «нигде на свете, кроме Сиднея, не найти лучших, хотя и весьма запущенных детей». В 1835 году было установлено, что из трех тысяч семисот детей, проживающих в этом городе, по крайней мере половина ничему не обучалась. Вдали от города ситуация в этом отношении была, без сомнения, еще хуже. Всего лишь сто лет назад в штате Новый Южный Уэльс из ста пятидесяти тысяч детей в возрасте до четырнадцати лет девяносто семь тысяч не посещали школу. А призыв в армию во время первой мировой войны выявил значительно бóльший процент неграмотных, чем предполагалось.

Большой сдвиг в области просвещения намечился в Австралии лишь столетие назад. Ранее австралийцы считали, что мир принадлежит энергичным. Однако в их сознании наступил перелом; они вовремя пришли к убеждению, что в эпоху техники и индустриализации мир будет принадлежать тем, кто больше умеет! Более того, стали раздаваться голоса, что если церковь не сумела направить человека на путь добродетели и исполнения долга, значит, наступило время, когда надо попытаться внедрить нравственность без участия религии.

Логическим следствием подобных рассуждений было принятие в 1872 году парламентом штата Виктория закона, который отменил всякую государственную помощь церковным школам. Другие штаты вскоре пошли по тому же пути. Так Австралия оказалась одним из первых государств, которые ввели принцип светского образования в начальной школе, бесплатного и обязательного. Вопросы просвещения до настоящего времени находятся в компетенции властей штатов и не решаются в масштабе всей страны. Подсчитано, что каждый четвертый ребенок

обучается в частных школах, часто принадлежащих религиозным организациям.

Среди этих школ есть и такие, которые созданы по типу британских «public school», то есть представляют собой весьма дорогостоящие храмы науки, предназначенные для детей из богатых семей. Правда, в сравнении со своими прообразами на Британских островах здесь снобизм не процветает в такой степени, но тем не менее эти школы представляют собой исключительное явление в жизни молодого поколения. Упор делается на спорт и организацию жизни в интернате, а также на создание внешней независимости для старших учеников, которые, в свою очередь, должны оказывать влияние на своих младших товарищей.

Таким «конвейерным способом» «public school» должна создавать некую элиту для страны. Что ж, если сами ученики вполне согласны с этими принципами, а общество не очень-то обращает внимание на подобного рода «возвышенные» тенденции! Из того, что я успел заметить, можно сделать вывод: ученики этих школ представляют собой небольшие, довольно обособленные группы не столько по степени привилегированности, сколько по принципу товарищества. Эта обособленность обуславливается имущественным положением, а также чувством общности учеников, строго оберегаемом в течение многих лет и после окончания школы. Сохранению чувства товарищества благоприятствуют не только регулярно организуемые встречи и съезды, но и такие, например, атрибуты, как галстуки с определенным рисунком, которые позволяют воспитанникам того или иного alma mater снобов без труда узнавать друг друга...

Страна на периферии

Около половины пятого пополудни на улицах больших городов Австралии можно наблюдать группы подростков, возвращающихся из школы. Насколько свободно и приятно выглядят мальчики в своих школьных костюмах, в покрое которых чувствуются британские традиции, настолько школьная форма девочек лишена всякой привлекательности. Строгий синий или черный цвет — от шляпки до хлопчатобумажных чулок — вносит какой-то диссонанс с залитыми солнцем улицами:

Прибывших из Европы иммигрантов удивляет, что школьная программа в Австралии не перегружена наукой. Система школьного обучения представляет собой своеобразное смешение британских и американских идей в этой области. Странным, в нашем понимании, является правило, в силу которого выйти замуж для учительницы — значит потерять работу. Лишь в последнее время штат Новый Южный Уэльс отказался от этого правила, да и в других штатах хроническая нехватка преподавательских кадров тоже привела к более мягкой его интерпретации. Так что со временем дело, возможно, дойдет до полного его искоренения. Заработная плата учительницы в Австралии составляет всего лишь девяносто процентов от той, какая полагается учителю-мужчине с таким же стажем и такой же квалификацией.

Насколько различно оценивается и постоянно подвергается обсуждению уровень обучения на низших ступенях, настолько единодушно, как я слышал, всеобщее мнение о том, что высшие школы дают студентам необходимые знания и надлежащим образом готовят их к работе по специальности. Особенностью высшего образования в Австралии является преобладание вечернего обучения. Одна треть слушателей — уже работающие люди, которые получают более высокую квалификацию. Значительный упор делается на тесный и постоянный личный контакт между лекторами и студентами. Поэтому ученым остается немного времени на личную исследовательскую работу. Скорее всего, именно по этой причине Национальный университет в Канберре ведет прежде всего научные исследования, представляя собой в одно и то же время и Академию наук, и ведущее высшее учебное заведение страны.

В пределах начальной школы обучение ведет только один учитель. Так, в небольших поселках или просто в группе из нескольких домишек, вдали от железнодорожной станции или шоссе, собирается до двух десятков детей различного возраста. Их обучает педагог, предварительно прошедший соответствующую подготовку в педагогическом учебном заведении. Эту трудную задачу он решает с помощью старших учеников, которым предлагает обучать маленьких. Кроме того, он располагает большим и разнообразным вспомогательным материалом, подготовленным исключительно для школьного обучения

такого типа. Сюда входят фильмы, в точном соответствии со школьной программой, долгоиграющие пластинки с записями уроков, радиопередачи, служащие дополнением к его урокам.

Эти школы имеют такую высокую репутацию, что в больших городах родители охотно посылают своих детей в учебные заведения с одним учителем, которые специально создаются там для прохождения им практики.

Список присутствующих

Малонаселенность огромных территорий породила еще одну особенность просвещения в Австралии, которую я имел возможность наблюдать.

Раньше считали, что до того как начать какое-либо обучение, ребенок должен получить определенные навыки, либо посещая обычную школу, либо находясь под наблюдением квалифицированного преподавателя. В 1914 году на территории штатов Виктория и Новый Южный Уэльс был начат смелый эксперимент, опровергший прежние взгляды. Детей, которые из-за какого-либо физического недостатка не могли посещать школу, а также ребятшек, чьи родители постоянно переезжали с места на место или жили в безлюдной местности, начали обучать заочно с помощью почты. Так в Австралии возникло начальное обучение по принципу «школа — почтой», без которого теперь уже невозможно себе представить просвещения в этой огромной стране. Правда, здесь следует совершенно определенно заметить, что подобный тип школы—своего рода суррогат, но это не умаляет его значения. Вспомним, что сахар из свеклы тоже оказался заменителем тростникового, когда прекратился его импорт вследствие британской блокады во время наполеоновских войн. Но в то же время никто теперь уже не назовет свекольный сахар суррогатом...

До дома, который стоит в большом отдалении от крупных центров, где-то в районе, имеющем название «Мертвое Сердце», раз в неделю добирается почтальон. В его мешке всегда есть посылка из школьного центра, где — как в известном мне случае — тридцать два преподавателя заняты по горло, стремясь утолить жажду знаний тысячи трехсот семидесяти учеников, обучающихся в

«классе» радиусом около двух тысяч километров. Добавлю к этому, что постоянная корреспонденция не ограничивается ознакомлением ученика со школьной программой и указаниями, как ее освоить. Ученики пишут учителю, наблюдающему за ними с расстояния в тысячу километров, о том, что они читают, советуются с ним по глубоко личным делам, о чем не хотят даже говорить своим родителям, живущим рядом с ними. Учитель хорошо помнит об интересах своих далеких воспитанников, и иногда в школьной посылке (почтовая перевозка из школьного центра производится бесплатно) для ученицы, задававшей ему много вопросов по орнитологии, оказывается какая-нибудь новая книга о птицах... Летят в обе стороны письма о будничных делах; эта корреспонденция и этот обмен мнениями значительно уменьшают чувство одиночества и затерянности, характерных для огромного материка. Кто знает, не заключается ли именно в этой, отчасти побочной, деятельности «школы — почтой» секрет ее успеха?

В Алис-Спрингс, маленький поселок, расположенный почти непосредственно на тропике Козерога, приезжают люди, которые живут в абсолютно пустынной местности. Бродя по улицам, я на каждом шагу встречал медленно идущих путников, кожа которых была опалена солнцем. У многих из них за плечами сотни километров тяжелого и опасного пути через пустыню. Они приехали в Алис-Спрингс лишь для того, чтобы увидеть хоть каких-нибудь людей, кроме тех, самых близких, которые всегда с ними, под одной крышей... Жители «Мертвого Сердца» с надеждой смотрят на Алис-Спрингс. Этот поселок излучает, вероятно, за одни сутки большую дозу человеческих чувств, чем город с миллионным населением в течение недели. Здесь находится местный центр Королевской службы «летающего доктора» и Радиошкола. Введение школьного обучения по радио дает возможность детям, живущим в отдаленных местах, оставаться в родном доме до пятнадцати лет, пока не приходит время профессионального обучения или продолжения среднего образования в городе. Учебная программа рассчитана на восемь лет.

В просторном здании этой необычной школы размещаются классы и самая современная радиоаппаратура. «Перед тем как начать урок, я всегда зачитываю список присутствующих в классе», — рассказывает мне миссис

Мэри Мэгуд, одна из преподавательниц. И добавляет, что на каждую произнесенную ею фамилию радиоволны через долю секунды доносят отклик ученика или ученицы.

Класс без стен

Вероятно, это самая большая в мире школа. Она занимает площадь в двести семьдесят две тысячи квадратных километров, так что ученикам здесь не слишком тесно... Ее классы не имеют стен.

Во время учебы воспитанники сидят у себя в домах, разбросанных на безлюдных просторах. Если ученик не отзывается, можно с уверенностью сказать, что он болен. Ученики этой школы очень пунктуальны и болезненно переживают каждый пропуск урока. Если как раз в это время ученику пришлось помогать отцу в буше при перегонке большого стада овец или преследовать стадо кенгуру или динго, то, чтобы не опоздать на урок, он преодолевает десятки километров на покрытой пеной лошади.

— Все это предприятие началось в тысяча девятьсот сорок девятом году,— продолжает миссис Мэгуд,— по инициативе ныне уже покойной мисс Аделаиды Митки. Ее замысел был реализован годом позже, когда в виде опыта по радио дали несколько пробных уроков. Восьмого июня тысяча девятьсот пятьдесят первого года в эфир пошел первый плановый урок, а сегодня Радиошкола общепризнанна.

Разве можно себе представить, чтобы в современном государстве дети оказались вне просвещения, в то время как они в повседневной жизни постоянно имеют дело с техникой. В то же время семье фермера, проживающей в этих пустынных краях, невозможно нанять одного или нескольких учителей для своих детей.

Кафедра преподавателя стоит в помещении с кондиционером, так как в Алис-Спрингсе дает себя знать изнуряющая жара. Как и в любой радиостудии, здесь царит глубокая тишина. В классе стоит фортепиано для аккомпанемента при упражнениях в хоровом пении; да-да, учительница проигрывает мелодию и разучивает слова, а каждый ребенок на этой огромной территории поет у себя дома... У детей есть и свой школьный театр, который ставит пьесы по радио: радиоактеры переходят с приема

на передачу и работают на одной волне. Исполнителей ролей разделяет иногда тысяча километров, но они объединены в один класс, хотя никогда не видят друг друга и очень мало шансов, что увидятся когда-либо вообще. Ведь годовые экзамены они сдают экзаменационным комиссиям в городах, расположенных ближе всего к их фермам.

Дочь служителя маяка

Однако вернемся к урокам. Учительница сначала объясняет новый материал, а потом «вызывает к доске» ученика, фамилия которого записана в журнале этого огромного класса.

Вызванный отвечает, отвечает самостоятельно. Иначе и быть не может, потому что ближайший сосед по парте сидит за двести километров. Если ему захочется подсказать, он должен перейти на одну волну с отвечающим, и учительница немедленно услышит подсказку. Поэтому дети пустыни, которая попросту называется Страной Никогда-Никогда, как правило, учатся хорошо. Однако австралийцы надеются на развитие телевидения, которое позволило бы охватить передачами из центра обширные просторы этой страны. Тогда станут возможными школьные телевизионные программы: можно будет демонстрировать детям фильмы, пользоваться школьными пособиями; и обучение будет давать еще лучшие результаты. Телевидение приблизит ученика к учителю...

Миссис Мэгуд или миссис Баррет включают микрофон и ведут урок. Большая часть учеников — младшего возраста, старшие учатся в интернате в Алис-Спрингсе, а то и в городе. Некоторые уроки, например пение, уроки правильного произношения, занятия по природоведению, — общие для всех классов. Другие соответствуют установленной для данного возраста программе. Несмотря на расстояние, которое их разделяет, дети учатся в группах. Благодаря этому развивается чувство общности, так необходимое в тяжелые минуты людям, живущим в одиночестве. Маленькая Бетти счастливо улыбается, когда учительница хвалит ее домашнее сочинение и просит прочесть его в микрофон для всех... Ведь здесь только домашние сочинения, здесь только учат уроки, классных контрольных нет,

Я наблюдал такой урок и с «места учителя», и с «ученической парты». В комнате за столом сидит мама, готовит обед, на другом конце стола — «ее радость», самый младший, и сосет ручку. Он уже окончил подготовительные классы, мама заставляет его считать ножи и вилки, а также яйца, которые несут здешние куры. Она, конечно, интересуется его успехами в учебе, знакома со школьной программой и старается помочь сыночку. Если ей не хватает знаний, то она советуется с приятельницей, живущей по соседству (всего в ста пятидесяти километрах от нее), или со старшей дочерью, которая уже вышла замуж, по раз в неделю «забегает» к родным. Когда начинается стрижка овец и каждая пара рук на учете, «мамнина радость» будет учиться самостоятельно, а может быть, учебу придется и прервать на несколько дней. Школьные занятия приспособлены к условиям жизни в пустыне, и учителю тоже приходится к ним подстраиваться.

В такой школе учатся не только дети из пустыни «Мертвого Сердца», она охватывает также детей смотрителей маяков. Ведь маяки, построенные на едва выступающих из моря крошечных безлюдных островках, расположены вдоль малонаселенного северного побережья.

В школе хранятся сочинения, написанные дочкой одного из служителей маяка. Ни она, ни ее братья и сестры никогда не видели двух домов, стоящих рядом. Бурное море иногда на многие месяцы лишает смотрителя связи с материком — он может рассчитывать только на себя.

Все четверо его детей хорошо учатся. Девочка хотела бы стать писательницей. Возможно, что это лишь детские мечты. Но, пожалуй, ей непременно следует написать хотя бы одну книгу: о своем собственном детстве...

Алиса: дальнейшие подробности

В Алис-Спрингсе можно увидеть и другие удивительные вещи. Рядом с каждым домиком — маленькие бассейны, цветники и лужайки. Воды здесь хватает. Сначала тут построили промежуточный пункт трансконтинентальной телеграфной линии, а потом нашли воду. Так и возник поселок,

На карте Австралии много женских имен, которые особенно охотно давали таким населенным пунктам, где мужчины были обречены на вынужденное одиночество. Алиса, в честь которой был назван этот поселок, была женой мистера Годда, одного из строителей телеграфной линии.

Мне удалось еще застать дом из тесаного камня на окраине оазиса Алис-Спрингс, поставленный первыми строителями телеграфа, линия которого проходила через «Великий Серый Хаос». Но это уже история, в то время в поселке не было ни кинотеатров, ни отелей, ни кондиционеров, ни итальянских ресторанов...

15 сентября 1870 года ровно в 16 часов в Дарвине на Севере Австралии под аккомпанемент орудийных залпов с кораблей Его Величества короля Англии, стоящих на якоре в порту, был вбит первый телеграфный столб. Бородатые господа в пробковых шлемах громко кричали «ура!» Двумя неделями позже навстречу им с юга на трассу вышел другой отряд. Обе группы встретились после двух лет тяжелейшего труда. Строителей хлестали тропические дожди, дожимали пыльные бури, терзали москиты и другие насекомые. Ночами на них нападали местные жители, которые защищали свои земли от вторжения белого человека. На трассе в общей сложности было вбито тридцать шесть тысяч телеграфных столбов, а ведь во всей Австралии того времени проживало едва полтора миллиона жителей, и то преимущественно вдоль побережья. Наконец из Аделаиды через пустыню была послана первая телеграмма в Лондон. Пройдя полмира, она достигла столицы Британской империи.

Сейчас Алис-Спрингс — узловая станция. Здесь пересекаются шоссе Стюарта и Афган — узкоколейная железная дорога, которая ведет с юга к Алис, как здесь принято называть поселок. Название Афган дорога получила от верблюдов, привезенных из Афганистана. Без этих верблюдов не было бы ни знаменитых путешествий первооткрывателей, ни добычи золота, ни просто колонизации. Караваны из сорока верблюдов мерным шагом продвигались по пескам пустыни, перенося почту, провизию для рабочих, измерительные приборы и приспособления для бурения артезианских колодцев. На обратном пути они забирали тюки шерсти из овцеводческих ферм, возникавших с необыкновенной быстротой,

«Скаковой» верблюд пробегает в день до ста пятидесяти километров, выучный же движется значительно медленнее. Уже вышел на пенсию сержант полиции Дж. Хольм Марри, который обслуживал, наверное, самый большой участок в мире. Ведь он отвечал за порядок в пределах прямоугольника длиной в тысячу двести километров и шириной около четырехсот. Когда он отправлялся в погоню за злоумышленником, экспедиция продолжалась обычно около трех месяцев. Его сопровождали погонщик и переводчик, знающий наречия местных племен. Четыре верблюда несли вьюки с багажом, три были «верховыми».

Последний из Афганистана

Пан Антонóвич из города Мишньск-Мазовéчки познакомил меня в Алис-Спрингсе с одним из последних афганцев. Поскольку на смену прежним караванам пришли грузовики с дизельными моторами, погонщики тоже стали не нужны. Теперь они часто работают на железной дороге — вот до чего удивительна жизнь!

Как правило, афганцы не заключали брачных союзов с женщинами других национальностей. И лишь изредка можно еще увидеть живых свидетелей сделок, в результате которых погонщики верблюдов покупали в пустынях Австралии женщин-аборигенок у их мужей.

Когда я был в Алис-Спрингсе, в местном доме для престарелых умер семидесятивосьмилетний афганец Салли Мохаммед. Во времена «золотой лихорадки» он прибыл в Австралию из своей далекой страны и занимался тем, что подвозил на верблюдах снаряжение и провизию для старателей. Потом он стал чем-то вроде странствующего торговца и поставлял товары в одинокие домишки, разбросанные в безлюдных местах. После бурно проведенной жизни он почил теперь в покое на магометанской части кладбища этого странного города.

Погонщики верблюдов завезли в Австралию финиковые пальмы. Первые австралийские финики уродились в маленьком саду одного из них — Абдулы Кадира, но после его смерти пальмы перестали плодоносить.

В этом факте нет ничего сверхъестественного. Это вовсе не траур дерева по садовнику. Просто австралийские насекомые не желают опылять цветы финиковой

пальмы, а Абдула одному ему известным способом умел вручную переносить живительную пыльцу с цветка на цветок. Впрочем, финиками здесь никого не удивишь: пресованные, они везде продаются в целлофановых пакетах.

Не нужны погонщики, не нужны и их животные. Отпущенные на все четыре стороны, верблюды одичали и стали настоящим бедствием. Любой австралиец скажет, что верблюдов надо безжалостно уничтожать, так как они поедают прекрасную траву спинифекс. Она засухоустойчива; даже небольшой дождь вызывает ее бурный рост. От этой травы быстро тучнеет рогатый скот, прошедший последние в своей жизни сотни километров по дороге на бойню. Спинифекс позволяет ездить на грузовике по песчаным холмам и руслам высохших рек, служит покрытием крыш; ею же набивают матрацы.

Верблюды не только уничтожают траву. Вся Австралия пересечена длинными заборами, которые должны воспрепятствовать миграциям динго и других животных. Так вот, верблюды ломают любой забор. Они просто опираются на изгородь и стоят, пока не опрокинут ее в конце концов тяжестью своего тела. За это верблюды тоже платят жизнью. Человек быстро забыл, что без этих животных он не смог бы так быстро достичь сердца Страны Никогда-Никогда.

Надо упомянуть также и тех, которые, как говорят ирландцы, «шли по этой дороге, когда ее еще не было». Мы имеем в виду шотландца по имени Джон Макдуал Стюарт. В 1838 году, когда он явился сюда прямо из Эдинбурга в своих клетчатых брючках дудочкой и цилиндре, ему было двадцать лет. Похоже, что настойчивость оказалась основной чертой его характера. До Австралии тогда можно было доплыть за полгода, а о центральной части большого континента вообще никто ничего не знал.

Пять раз пытался Стюарт пересечь Австралию с юга на север, прежде чем это ему наконец удалось. Он брал с собой несколько человек, скромный запас муки и вяленого мяса. Каждое путешествие продолжалось от полугода до года, и каждый раз он проходил все больший путь. Был момент, когда Стюарт почти совершенно ослеп, он страдал от цинги и голода, но не отступал. На четвертый раз путешественник достиг самой большой вершины в центре материка. Там, в тысяче шестистах милях

от побережья, он поднял на мачту британский флаг и записал в дневнике экспедиции: «Это должно означать, что для аборигенов загорелась заря свободы, цивилизации и христианства...» Однако аборигены, наверное, рассудили, что пробуждаться еще рановато и, разрисовав себя боевыми красками, забросали экспедицию бумерангами. Лишь под покровом темноты белым пришельцам удалось уйти живыми.

Враждебность местного населения сопровождала и последующие экспедиции. Образ белого человека на коне был для аборигена мрачным видением из древних легенд, зловещим призраком.

В очередной экспедиции из-за недостатка воды Стюарт потерял часть лошадей, двое людей бросили его и сбежали. 28 июля 1862 года после восьмимесячного перехода, когда участники похода были вконец обессилены, они вышли на берег Индийского океана. Это показалось им настолько невероятным, что идущему впереди Стюарту пришлось несколько раз повторить товарищам: «Море, море!»—прежде чем до них наконец дошел смысл его слов.

Стюарт омыл водой лицо и руки. Потом группа изголодавшихся несчастных людей, одетых в лохмотья, встала по стойке «смирно» под деревом, с которого были обломаны все ветви. На этой мачте они подняли британский флаг с вышитым на нем именем главы экспедиции. Прозвучало троекратное «ура» в честь королевы и принца Уэльского, после чего под деревом закопали герметически закрытую кассету с документом, информирующим потомков о путешественниках и их открытии.

Стюарт записал в дневнике: «Я верю, что эта прекрасная местность будет заселена, что через несколько лет она станет одной из наиболее крупных драгоценностей британской короны. Почва здесь самая плодородная из всех, которые созданы для пользы человека. Много пресной воды. Есть все породы деревьев, Реки изобилуют рыбой и водоплавающей птицей. Есть признаки, указывающие на наличие золота и других полезных ископаемых».

Так родилась легенда о богатствах этих мест. Обратный путь до Аделаиды продолжался четыре с половиной месяца. Стюарт был так измучен, что продолжал путешествие, лежа на носилках, подвешенных меж-

ду двумя лошадьми. Умер он в Лондоне на следующий день после опубликования его дневников³¹.

Страна Никогда-Никогда пережила и «золотую лихорадку», и спекуляцию землей, и закладку хлопковых плантаций. Богатые скотоводы гнали свои стада на север к обширным пастбищам. Были и такие, которые отправлялись в эти края, зная о них лишь столько, сколько можно услышать за кружкой пива в кабаке на углу. Их кости белеют в пустыне, а те, которые выжили, должно быть, обладали упорством Стюарта. Они боролись против малайцев и китайцев, прибывших в эти места со стороны Тиморского моря, сражались между собой из-за земли. Они были первыми представителями белого населения Страны Никогда-Никогда, прежде чем из Европы хлынула новая мощная волна послевоенной эмиграции.

Дорога под названием «Афган» проходит точно по пути, проложенному Стюартом. Ее начали строить сто лет назад, а закончили незадолго до войны.

Бегство с четырьмястами фунтами

Пожалуй, героическое время этой дороги прошло. Теперь по рельсам бегут экспрессы с кондиционерами, и тянут их дизельные локомотивы. На запасных путях около вокзала в Алис-Спрингсе можно осмотреть «астматические» паровозы, которые были сняты с эксплуатации сравнительно недавно.

В те времена поезда прибывали в Алис-Спрингс раз в неделю. Расписание, правда, было, но это никого не волновало. В принципе поезд из Аделаиды прибывал по субботам, но случалось, что и по воскресеньям, и уж наверняка по понедельникам. На долгих остановках пассажиры занимались тем, что потягивали пиво из бутылок, пока машинист не давал наконец сигнала к отправлению. Затем он сигналил вторично, уведомляя, что это не шутка и что в самом деле можно ехать дальше. Наконец поезд величественно отправлялся в путь, пассажиры на ходу вскакивали на ступеньки, ругая маши-

³¹ Stuart J., The Journal of John Mac Douall Stuart, London, 1864. Автор дает неточные сведения. В работе Я. М. Света «История открытия и исследования Австралии и Океании» приводится дата смерти Стюарта — 1866 г. и дата выхода его дневников — 1864 г.— *Прим. пер.*

ниста. Это было совсем недавно. Во время же моего путешествия по дороге Афган поезд опоздал только один раз, когда вагон сошел с рельсов на каком-то разъезде.

Проблема дороги, которая вела бы из Алис-Спрингса дальше на север, полвека дебатировалась в парламенте. В конце концов к «дискуссии» присоединились японские войска. Они начали свой победный марш с одного острова на другой, приближаясь к Австралии. Строительство сразу пошло полным ходом, как только японские бомбардировщики начали кружить над Дарвином да стало слышно, как марширует сквозь джунгли Новой Гвинеи японская пехота. К тому же все снабжение Севера страны целиком падало на морской транспорт, который сейчас подвергался атакам кораблей императорского флота.

Тогда-то за девяносто дней и построили шоссе протяженностью в тысячу шестьсот километров. Сразу были забыты английские субботы, воскресный отдых и другие завоевания профсоюзов. На трассу бросили мощное оборудование: целые отряды бульдозеров выравнивали грунт. Работали в три смены. К месту работ было доставлено семь миллионов жестяных баков с асфальтом, то есть на каждого жителя тогдашней Австралии приходилось по одному баку. Постройку дороги стимулировал страх перед захватчиками.

В доме мистера Дэвиса Дугласа Смита в Алис-Спрингсе висит реликвия тех времен. Это телеграмма из Канберры, посланная в ответ на требование доставить на строительство автопогрузчик: «Касательно вашего требования погрузчика тчк просим указать применение погрузчика по окончании работ тчк дорожный отдел Канберра». Смит, который в то время был представителем дорожного департамента, составил ответную телеграмму, но почтовое отделение не приняло его текст, прикрываясь предписанием, запрещающим «употребление некоторых оскорбительных слов» в телеграфной корреспонденции. Несколько месяцев спустя после многочисленных пререканий австралийцы выделили на постройку дороги пять миллионов фунтов, не задумываясь о том, что будет потом с оборудованием.

Сейчас это шоссе называют Асфальтом. Здесь курсируют автомашины грузоподъемностью до сорока тонн. Ночью они останавливаются на обочине Асфальта, водители разжигают костры, кипятят чай, в который для

запаха добавляют несколько листочков эвкалипта. За плечами у них тяжелый путь по бездорожью — из соседних хозяйств. По грязи и дюпам пробираются они к Асфальту, потом машины громыхают по шоссе, где через каждые пятьсот километров находится станция обслуживания, а через каждые триста можно отдохнуть в тени деревьев. Неписанный закон обязывает остановиться при виде машины, стоящей на Асфальте, и заглянуть внутрь, чтобы удостовериться, не стало ли кому плохо или не нуждается ли кто-нибудь в помощи.

До Дарвина три дня пути. Я не говорю здесь, конечно, о гонщиках. Лэс Тэйлор на машине «Ягуар-ХК120» на пари проехал всю трассу (то есть 1600 километров!) за десять часов, включая остановки: надо, правда, заметить, что дорога имеет один абсолютно прямой отрезок в тридцать семь километров, а на другом — в семьдесят километров — есть только один плавный поворот. Другое дело, что в Алис-Спрингсе Тэйлора уже ждала полиция. Он был арестован за превышение скорости, и отпустили его на поруки только для проведения пресс-конференции. На радиаторе он привез останки кенгуру, которого сбил на дороге.

Пан Анджей Хчук из Мельбурна рассказывал мне, что однажды ехал по Асфальту в обществе чеха и поляка. Поляк был профессионалом — водителем тяжелых грузовиков на трассе до Дарвина. По дороге они подстрелили кенгуру и, от скуки нарядив его в пиджак и шляпу чеха, прислонили к дорожному столбику, собираясь сфотографировать это чудо. Однако несчастное животное, вероятно, было только ранено и оглушено, так как очнулось и бросилось наутек. Сразу же потеряв шляпу, оно помчалось огромными прыжками, унося на себе пиджак, а в нем четыреста австралийских фунтов — все состояние чеха.

Мораль этой истории такова: «не издевайся над животными».

Наверное, кенгуру вскоре погиб от потери крови. Можно себе представить удивление людей, которые когда-нибудь найдут скелет кенгуру в пиджаке из великолепной австралийской шерсти и с изрядной суммой денег в кошельке. Сколько будет догадок: на чем же кенгуру так славно заработал? Может быть, в цирке или где-нибудь еще?..

ЗА ТЫСЯЧУ МИЛЬ ОТ ВУЛЛУМУЛУ

Пока я спросонья искал в темноте трубку, телефон настойчиво звонил. Я услышал только одну короткую фразу: «Говорит доктор О'Лири, через четверть часа будем на месте...»

Очнувшись от крепкого сна, я несколько минут соображал, что происходит. Ах да, я в штате Квинсленд, в самом сердце Австралии. Где-то за тысячу миль к югу остался Сидней, раскинувшийся на огромной территории, с его гигантскими небоскребами и огромными кварталами, которые сами по себе могли бы быть городами, взять хотя бы Вуллумулу. Это название взято из языка австралийских аборигенов, произносится примерно как «ууллумулú» с ударением на последнем слоге.

Джабба и педали

В Чарлвилле, маленьком сонном городке, я нахожусь уже два дня. Приезжий видит здесь Австралию огромных пастбищ, страну одиночества, страну пионеров. Трудно определить, что такое Австралия: может, это Сидней с его банками, многонациональным населением, где всю ночь течет рекой толпа, говорящая на всех языках мира, а пестрые неоновые вывески зазывают прохожих в маленькие кабачки, где подают, кажется, все, что выдумали повара от Бреста до Владивостока и от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса. Для меня же сердце этой страны, ее четкий пульс именно в таких небольших поселках, где все нацелено на овцеводство.

Австралийцы — летающий народ. В стране, насчитывающей едва треть населения Польши, но имеющей территорию в двадцать раз большую, самолет необхо-

дим каждый день. В Австралии шестьсот аэродромов, в том числе пять международных, а самолеты здесь — я видел это собственными глазами — могут приземляться не только на аэродромах... В Квинсленде австралийская проблема «много земли — мало людей» ощущается особенно отчетливо. В этом штате, территория которого почти в шесть раз больше, чем вся Польша, живут девятьсот семьдесят две тысячи мужчин и девятьсот пятьдесят семь тысяч женщин, то есть населения на этой гигантской территории значительно меньше, чем в каком-нибудь из воеводств Польши. Не менее важен еще и тот факт, что только в столице штата — Брисбене — сосредоточено больше трети всего населения Квинсленда.

В Квинсленде разводят овец и крупный рогатый скот. В степях разбросаны хозяйства-колоссы, расстояние между которыми составляет несколько десятков километров. Здесь это обычное явление. Поэтому для австралийского образа жизни характерно одиночество. Особенно там, где раскинулись безбрежные пастбища с миллионами овец, которые должны вовремя поставлять шерсть высшего качества для портных всего мира.

В прошлом несчастный случай в этой пустыне почти всегда заканчивался катастрофой. Правда, если на ферме кто-либо заболел, в расщепленную с одной стороны палку, называемую здесь «уабба», тотчас вкладывалось тревожное сообщение. Эту палку доставляли в город по принципу эстафеты: скороход или верховой быстро передавал ее от одного другому, и если удавалось застать в поселке врача и найти для него коня, то часто уже через несколько дней поспевала помощь. Однако в случае сердечного приступа или болезни, требующей немедленной операции, помощь, как правило, запаздывала... Старые австралийские хроники описывали такие трагедии в степях, когда только пуля из пистолета друга или родственника могла прекратить мучения одинокого путника, охотника или пастуха, заболевшего в этих краях, называемых обычно Страной Никогда-Никогда.

Радио несколько изменило положение. Однако на отдаленных фермах было невозможно пользоваться радиостанциями на батареях, перезаряжать и хранить аккумуляторы в домашних условиях. Некто Альфред Трегер из Аделаиды изобрел радиостанцию, которая

получала ток от вращения педалей. Это велосипедное приспособление не только нарушило великое австралийское одиночество, но даже вошло в словарь. Выражение «педалировать через забор» означало, что у хозяйки дома выдалась свободная минутка, она села у передатчика и обменивается рецептами блюд или сплетнями с соседкой, живущей в двухстах километрах от нее.

Все здесь «радиознакомые», поэтому никто никому не отказывает в мелких услугах. Местная радиостанция на минуту прерывает музыкальную передачу, дабы сообщить мистеру Мак-Набу, что в списке порученных ему покупок жена забыла записать соль. Мистер Мак-Наб, который едет по бездорожью на вездеходе и, конечно, слушает радио, сразу же возвращается в поселок доукомплектовать запасы. Что бы было, если бы ему пришлось возвращаться из дому: сотни километров в одну только сторону в такую жару не пустяк...

Время от времени сплетни и болтовня обрываются и слушателям сообщают о трагедии, происшедшей в пустыне. Полчаса назад в усадьбу вернулся конь, на котором вот уже два дня как Джо уехал проверять артезианский колодец. Седло цело, а седока нет. Соседей просят помочь, и поскорее. Мистера Смита с сыновьями просят осмотреть карнизы у Чертовой впадины, мистеру Доновану хорошо бы отправиться на пересечение Верблюжьего пути с Асфальтом, дядюшка Дэвид должен тотчас же поспешить по направлению к тому колодцу, куда уже скачут трое братьев пропавшего... Миссис О'Хара просят приготовить ночлег для четверых и запасы пищи для спасательной группы, которая доберется до ее фермы еще засветло. Может быть, найдутся какие-нибудь носилки?..

Выдумка Джона Флейна

Один австралиец, по имени Джон Флейн, имя которого чтят до сих пор, сжалился над участью женщин в отдаленных хозяйствах. Путешествуя на верблюде от фермы к ферме, он познакомился с жизнью в Стране Никогда-Никогда, где женщины рожали детей без врача или акушерки, где они были беспомощны даже перед легкими детскими заболеваниями, где им не с кем было посоветоваться, не говоря уже о том, чтобы попросить

помощи. Он видел молодых фермеров, тяжкий труд которых—основа экономики великого континента, обреченных на одиночество, так как они не могли найти женщин, согласных жить вдали от людей.

На перекрестке дорог около Теннант-Крик скромный памятник Джону Флейну напоминает о том, кто «протер над материком охраняющий щит медицины, авиации и радио». Его сочли безумцем, когда сразу же после первой мировой войны он изложил свой проект. «Самолет—игрушка, радио же можно использовать лишь как дополнительное средство в странах с густой телеграфной сетью. Бедняга Флейн, должно быть, слишком долго пробыл на солнце с непокрытой головой»,—поговаривали осторожные люди в кабинетах далеких городов, где врач живет тут же, за углом...

Идеализм Флейна и знания Трегера создали в конце концов систему помощи по радио, настолько простую в обращении, что даже дети с ней справляются. И вот 1 мая 1928 года первый врач вылетел первым самолетом на первый вызов. Родилось такое типично австралийское учреждение, как Королевская служба «летающего доктора».

Пространство перестало пугать, городские девушки более благосклонно поглядывали на молодых фермеров из центра материка, иммигранты перестали испытывать страх перед жизнью вдали от поселений. Сейчас вся Австралия охвачена густой сетью спасательных станций, на аэродромах круглые сутки ждут вызова санитарные самолеты. Дизельные моторы, работающие на нефти, которую изредка подвозят крупными транспортом по бездорожью, дают электроэнергию не только для радиостанций, но и для холодильников и других бытовых приборов, необходимых на фермах, расположенных в безлюдной местности...

Пространство — их царство

В тот день на станции Королевской службы «летающего доктора» в Чарлвилле дежурил радиотелеграфист Реджинальд Орт. Радиостанция помещалась в одноэтажном домике с большими вентиляторами, прикрепленными к потолку. Очень подробные карты на стенах показывают, как размещены аэродромы и фермы по все-

му району, который обслуживается постом в Чарлвилле. Границы района точно не определены, иногда случается летать даже в соседний штат, если все самолеты соседей на вызовах, а дело срочное. В каждом хозяйстве есть свой аэродром. Это просто выровненный и очищенный от камней участок земли и мачта с флюгером, показывающим направление ветра; когда самолет должен приземлиться, следят, чтобы овцы не шатались поблизости. И все...

Мистер Опп записал с утра несколько человек на консультацию. Он показывает мне на карте дома пациентов. Один из них живет в восьмистах километрах от Чарлвилла, другие — не ближе. В своих хозяйствах, затерянных в степи, ждут они у радиопередатчиков господина доктора. Доктор обычно принимает — если дело несрочное — с двенадцати часов. Он появляется на станции и начинает изучать истории болезни. Врач прекрасно знает большинство своих пациентов; некоторые из них с его помощью появились на свет, с другими он познакомился, периодически облетая отдаленные хозяйства на одном из самолетов.

Район обслуживания доктора намного больше, чем вся Польша. Пациенты ждут у своих передатчиков, сейчас господин доктор начнет прием. Наконец радиотелеграфист вызывает пациентов, я нахожу на карте фермы, откуда сегодня вызовы. Дела разные: и незначительные, и серьезные.

— Хэлло, миссис Мак-Набб! Вы сообщили, что у Дэвида с утра температура и рвота. Еще какие-нибудь симптомы есть? Перехожу на прием.

Минута тишины, после чего миссис Мак-Набб уточняет прежние данные. Дэвид чувствует себя несколько лучше, рвота прекратилась, из других симптомов интересно, пожалуй, лишь то, что в ночном столике рядом с кроватью ребенка была найдена дочиста вылизанная банка из-под апельсинового джема, которую недавно прислала в подарок мать хозяйки дома. Нет ли связи между этими фактами?

Доктор и в самом деле находит связь между страданиями маленького пациента и джемом. Он рекомендует соответствующие средства, которые помогут вновь отделить апельсиновый джем от малыша Дэвида, и добавляет:

— Я, конечно, не настаиваю, дорогая миссис Мак-Набб, но я, когда был в возрасте вашего Дэвида, тоже как-то стащил у моей матери повидло. Я получил от нее тогда такой шлепок, что помню его до сих пор, ведь моя мать была сильная женщина. До свидания, дорогая миссис.

— Мистер Джонсон, я давно предупреждал, что ревматизм не оставит вас в покое, пока вы не станете лечиться регулярно... Принимайте таблетки, которые я оставил.

— А если у меня острая боль?

— Тогда сегодня и завтра принимайте три раза в день порошки номер двадцать семь...

— Алло, миссис Браун! Так, значит, все-таки произошло именно то, что я предполагал. Хорошо, я поговорю с вашим мужем, пусть он ждет завтра в это время у аппарата, да-да, в воскресенье...

VH-DRA готов к старту

В каждом австралийском хозяйстве есть домашняя аптечка, где все лекарства пронумерованы. Это очень затрудняет самолечение, столь распространенное в наше время во всем мире: мы любим «попринимать таблеточки», которые, кстати, оказались в доме. Нумерация же известна только врачу, и самый рьяный любитель лекарств вряд ли отважится играть в аптечку лотерею и не станет принимать порошок, который может либо смягчить последствия змеиного укуса, либо вызвать месячные, либо очистить кишечник, не прерывая сна... Лучше все-таки вызвать врача, который даст по радио совет и укажет номер нужного лекарства.

В субботний полдень Чарлвилл заканчивает работу. Закрываются банк и почта, большинство магазинов, бездействуют различные учреждения и конторы. Лишь радиостанция на окраине поселка ловит в эфире сигналы тревоги, советует, помогает, охраняет. Врачи только этой станции «летающего доктора» сделали за месяц сто девять противостолбнячных уколов, приняли тридцать два ребенка, доставили в больницы триста двенадцать пациентов.

Вскоре после обеда у врачей закончился «прием». Дежурство же продолжается без перерыва. Я поехал

в гостиницу. Дежурный врач доктор О'Лири обещал разбудить меня, если что-нибудь случится на огромном пространстве «Великого Одиночества», которое вверено работам поста в Чарлвилле, и состоится срочный вылет.

На аэродроме ждет готовый к старту дежурный самолет VH-DRA. Трехмоторная машина с ярко-красными знаками на крыльях, несколько напоминающими мальтийский крест. Самолет приспособлен для несения медицинской службы. На борту имеется комплект операционных инструментов, так как принципиальная разница между польской воздушной скорой помощью и соответствующим австралийским институтом заключается в том, что, как правило, врач в Австралии обязан на месте происшествия действовать самостоятельно. Это уже не только первая помощь или доставка больного в специализированную больницу, но и — если необходимо — операция на месте.

Самолет имеет на борту охотничье снаряжение и запас пресной воды в стальных канистрах, размещенных в разных отсеках. Если случится вынужденная посадка, то поиски начнутся сразу же, и спасители станут спасаемыми, но пить-то ведь надо.

В полночь радиотелеграфист разбудил дежурного врача.

— Экстренный вызов,— сказал он,— просят оказать срочную помощь. Вызывал Норман Зеллер, фермер, хозяйство которого находится в каких-нибудь пятистах километрах от Чарлвилла.

— Экстренный вызов,— повторял он и успокоился, только услышав голос доктора.

Оказалось, что у восемнадцатилетней девушки через несколько часов после ужина начались острые боли в желудке. Фермер утверждал, что об отравлении не может быть и речи, так как она ела то же, что и вся семья, а все остальные домочадцы здоровы. Так что же это может быть?

Тропик Козерога

В одиноком доме, затерянном среди пустыни, на самом тропике Козерога, из репродуктора раздаются распоряжения врача. Начиналось обследование больной по радио. Стоны пациентки, которые по волнам эфира отчет-

ливо доносились в Чарлвилл, не нарушали, однако, спокойствия врача, необходимого для установления точного диагноза на расстоянии в пятьсот километров.

— Слушайте внимательно и делайте то, что я говорю, мистер Зеллер. Поднесите микрофон к губам больной, чтобы я мог хорошо слышать ее голос. Она хорошо меня слышит? Так вот, пусть сама обследует себе живот, нажимая рукой на расстоянии трех пальцев от пупка. А теперь пусть нажимает, отступая все дальше и дальше, уклоняясь вправо, и подробно рассказывает мне, где у нее сильнее болит. Боль локализована? Тошнота есть? У нее раньше не наблюдалось воспаления аппендикса?

Еще несколько указаний, и вот в эфире слышны удары сердца больной, донесенные через соответствующим образом поставленный микрофон. Доктор О'Лири слушает пульс с таким глубоким вниманием, словно держит свою пациентку за кисть руки. Все делается так, что приходится постоянно напоминать себе, что того человека, который просит помощи, и того, кто обязан ее оказать, разделяет огромное расстояние.

Подавляя стоны, девушка отвечает на вопросы, обследует себя сама, сообщает врачу о своих ощущениях. Наверное, это не самый лучший метод, но несколько лет назад для нее вообще не было бы никакого спасения. А теперь обследование закончилось, в эфире наступила тишина, и вся семья на далекой ферме ждет ответа врача. И вот диагноз за долю секунды преодолевает безлюдное пространство. Репродуктор в долине на тропике Козе-рога доносит слова:

— Острый аппендицит. Мы вылетаем. Ждите нас на аэродроме рано утром, мистер Зеллер.

Врач называет еще номер болеутоляющего лекарства, которое надо дать больной, чтобы облегчить ее страдания, и выключает радио.

Радиотелеграфист вызывает дежурного пилота, молодого человека по имени Грэхэм, а также медсестру Энн, которая имеет специальную подготовку, позволяющую ей ассистировать во время операций. О'Лири сам звонит репортеру из далекой страны. Доктор — полнеющий симпатичный мужчина средних лет с рыжеватыми волосами и веселыми глазами, свидетельствующими о его спокойном характере.

— Мисс Эни, вам нравится любоваться пустыней в лучах восходящего солнца? Разве на ваше воображение не действуют лучи солнца, заливающие золотом крыши нашего любимого города Чарлвилла? Разве ваше сердце, такое чуткое к человеческому горю, не волнуется вид несчастных страусов эму, которые будут пробуждены от глубокого сна ревом моторов нашего самолета в это раннее воскресное утро? И наверное, вам безразлично, что все это, вместе взятое, опишет сопровождающий нас знаменитый писатель? Вы знаменитый писатель, мистер Воляновский?

— В моей стране мнения на этот счет разделились, доктор О'Лири,— большинство читателей так не считают.

— Но о бедных птичках вы обязательно напишете, и будет что-нибудь о блеске солнца, который золотил крыши нашего любимого города Чарлвилла, ведь этого то вы не пропустите?

— Если вы очень хотите, доктор, я обязательно об этом напишу.

— Спасибо. Я знал, что не обманусь в своих ожиданиях. Я надеюсь, что вы упомянете также о силуэте девушки из Австралии, которая летит на помощь больному в воскресное утро?

— Без сомнения.

— Я знал, что эта подробность не ускользнет от вашего внимания.

— Безусловно. Наш читатель любит подробности.

— В таком случае, пожалуйста, не забудьте упомянуть, что девушка в санитарном самолете легким движением руки поправила непокорные пряди волос, выбившиеся из-под медицинской шапочки. Вы что, не взяли шапочки, мисс Эни? Это серьезный недосмотр, ведь наш писатель сфотографирует вас во время полета, и люди могут подумать, что вы не умеете как следует причесываться.

— И что это, господин доктор, уже в такую рань вы взялись шутить, и притом именно надо мной. Если бы было время, я, конечно, вернулась бы домой за шапочкой.

Тем временем наша машина быстро миновала спящие удицы поселка, мы промчались по широкой аллее и остановились на взлетном поле аэродрома.

Доктор О'Лири оставил свою жертву, примостившуюся на скамеечке около ангара, и занялся пилотом, который возился около машины:

— Грэхэм, когда мы сможем вылететь?

— Все готово, доктор!

— А что, наша серебристая птица сделает круг над еще спящим городом, чтобы затем взвиться высоко в облака и мчаться навстречу солнцу?

— Не совсем так, доктор. Мы полетим очень низко и к тому же в северном направлении.

— Ты не чувствуешь величия момента, Грэхэм. Нарисованная мною картина очень подходит для репортажа, и на твоём месте, молодой человек, я бы не забывал об этом, находясь у крыла своей машины.

Пилот рассмеялся и приставил к машине лесенку в знак того, что пора вылетать. Если врач считает, что больной выдержит до рассвета, самолет избегает посадки на незнакомом аэродроме ночью. Это очень опасно, и только при крайней необходимости, когда важна каждая минута, машины рискуют садиться в абсолютной темноте, в безлюдной местности, выходя на цель с помощью ракет. Как мне объяснили, когда ракеты сбрасывают ночью на парашютах, их свет, отражаясь от поверхности аэродрома, может дать пилоту ошибочное представление о высоте, на которой он летит. А ведь на полевом аэродроме нет ни контрольной вышки, которая помогает при посадке, ни пожарной машины. Пилот может рассчитывать только на себя. Авария будет означать гибель не только всего экипажа, но, возможно, и ожидающего помощи человека. Поэтому летчик предпочитает вылетать еще до рассвета, но с таким расчетом, чтобы приземлиться при дневном свете.

Доктор О'Лири успел еще рассказать мне забавную историю о надгробье («Памяти моей незабвенной жены Дорис возвожу я этот памятник, который в то же время является образцом моей работы по камню, цена пятнадцать фунтов»), какое якобы кто-то видел на сельском кладбище в Новом Южном Уэльсе. Наконец все мы уехали в самолет, короткие переговоры пилота с контрольной вышкой аэродрома и... старт!

О'Лири сразу после взлета погрузился в глубокий сон человека с чистой совестью. В хвосте самолета, забившись в кресло, спала сестра Энн. Для них вид из пл-

люминаторов низко летящего самолета был настолько будничным, что они не находили в нем ничего достойного внимания.

А между тем было хорошо видно, как эму, согласно предсказанию врача, разбегались во все стороны, когда самолет, гудя, пролетал над ними. Обещанное солнце отражалось от иллюминаторов кабины. Повсюду, куда ни кинешь взгляд,— ни домов, ни людей. Через полтора часа полета мы совершили посадку на гражданском аэродроме, чтобы пополнить запас горючего. Было уже совсем светло, несколько рейсовых самолетов и маленьких частных, а также воздушных такси ждали своей очереди. Нас, конечно, заправили в первую очередь: «Экстренный вызов».

Летим все дальше и дальше. Пилоту, наверное, порядком наскучил этот полет на такой небольшой высоте. Доктор О'Лири связался с Чарлвиллом, который, в свою очередь, вел переговоры с той фермой, куда мы летели. Больная очень страдает, хозяин уже выехал из дому, чтобы встречать нас на посадочной площадке.

Не надо плакать

Выспавшийся и полный энергии, доктор О'Лири вернулся в свое кресло и снова начал добродушно поддразнивать по очереди то меня, то сестру Энн, а охотнее всего нас обоих. Он развертывал перед нами великолепные картины, говорил, что медсестра обладает врожденным обаянием и умением обходиться с мужчинами, что я, как журналист, обязан написать о достоинствах австралийских женщин и это прославит их во всем мире. Потом он поинтересовался техникой изготовления водки из картофеля, а затем произнес речь о достоинствах австралийской кухни, вероятно потому, что мы сегодня завтракали очень рано. О'Лири заметил, что никак не поймет, каким образом размножаются австралийцы, если в стране, как правило, почти все публичные собрания происходят отдельно для мужчин и отдельно для женщин. Он упомянул, что средний австралиец обращается к своей жене только за столом, когда просит, чтобы она передала ему бутылку с томатным соусом. Наконец, он рассказал, как один лондонский врач остановил свою машину в таком месте, где стоянка была запрещена, и всунул под

«дворник» записку для полицейского: «Обошел вокруг квартала двадцать раз, у меня свидание. Отпусти нам грехи наши...» Вернувшись, он нашел на стекле ответ полицейского: «Обхожу этот квартал двадцать лет. Если не возьму с тебя штраф, потеряю место. И не вводи нас во искушение...»

Все рассказы прекратились, как только Грэхэм нашел аэродром. Мы сделали круг над постройками и без приключений приземлились недалеко от автомобиля, ожидающего в степи, около мачты. Как только затих шум мотора, плечистый загорелый мужчина помог нам выйти. Он внес ручной багаж доктора в машину, и через четверть часа езды по ухабистой песчаной дороге мы добрались до дома. Хозяйка ждала нас точно так, как ждут во всем мире врача, вызванного к больной дочери. Никто бы не поверил, что врач приехал издалека. Правда, услышав, что самолет уже гудит над ними, она расплакалась, поняв, что помощь близка.

Мы с пилотом при осмотре, конечно, не присутствовали и прогуливались по ферме. Диагноз врача оказался правильным. Дальше шла сплошная проза: квалифицированный врач плюс самое современное медицинское оборудование, плюс квалифицированная ассистентка, плюс антибиотики — все это, в сумме предоставленное пациентке спустя короткое время после объявления тревоги, помогли совершить удачную операцию и обеспечить быстрое выздоровление.

Да, чуть не забыл! Пока врач осматривал больную, хозяйка сразу же сообщила обо всем соседке. «Ну конечно же, по радио, соседка живет рядом, через межу, всего в ста восьмидесяти километрах, это наши самые близкие соседи, мистер». Ну а когда мы выходили в пустыне из самолета, репортер машинально спросил у врача:

— Можно ли оставить в кабине пиджак или все-таки лучше взять его с собой? Ведь самолет в пустыне никто не охраняет.

Несравненный доктор О'Лири был уже серьезен: в этот знойный день его ждала тяжелая работа. Но он ответил, не моргнув глазом:

— Обязательно заберите пиджак, иначе его наденет какой-нибудь кенгуру, вы даже представить себе не можете, до чего любят наши квинслендские кенгуру носить легкие пиджаки, сшитые за границей...

Было бы смешно выяснять, какой народ следует считать «самым летающим» в мире. Однако я хочу обратить ваше внимание на совершенно необычайное применение самолета в повседневной жизни Австралии потому, что положение там отличается от того, которое существует в крупных государствах. Разумеется, как в СССР, так и в США «самолет — царь и бог», но в конечном счете в этих странах есть также еще и густая сеть железных дорог и автострад. Из Москвы в Ленинград или из Нью-Йорка в Бостон можно попасть так же и самолетом. В то же время в Австралии есть поселки, связанные между собой только воздушными линиями. Далее, тринадцать миллионов австралийцев не могут позволить себе такой роскоши, как строительство железнодорожных линий или шоссе в бескрайних просторах этой страны. Таким образом, самолет в Австралии — не просто «царь и бог», а необходимость. Без него жизнь в этой стране невозможна.

Цифры могут, конечно, меняться по в последнее время в Австралии было около четырех тысяч аэродромов. Так называемая Северная Территория, то есть наименее заселенная часть страны, насчитывает более сотни аэродромов на неполные двадцать тысяч населения.

Известные в Европе международные компании QANTAS не обслуживают местные линии, если вообще позволительно употребить такой термин для определения перелетов на расстояние около пяти тысяч километров, которые все время проходят над территорией Австралии. Два гиганта — частная авиакомпания ANA и мощная государственная TAA — борются друг с другом за пассажиров. Это действительно странная война! Можно было видеть, как в одно и то же время с двух концов аэродрома поднимаются два самолета одного и того же типа, но принадлежащие конкурентам, чтобы лететь крыло в крыло до одного и того же места назначения! Есть еще более десятка мелких фирм, но в принципе каждый штат Австралийского Союза имеет свою авиакомпанию.

Со слезами на глазах я вспоминаю компанию «Вуд Эйрвей Лтд» в Перте, которая процветала еще во времена моего первого пребывания в Австралии, но сейчас уже

не существует. Она не выдержала борьбы за преодоление австралийских просторов.

Эта компания обслуживала с помощью одного-единственного самолета линию, ведущую на крошечный островок вблизи западного побережья. Ее оригинальность заключалась в том, что владельцем, пилотом, штурманом, радистом, кассиром и стюардом был один человек, сам мистер Вуд. Когда мистер Вуд, случалось, вставал с утра с похмелья (обычно по понедельникам) или у него были срочные дела, рейсы отменялись и островитяне на целый день оставались без связи с материком.

В небе Австралии прокладывают себе путь сотни легких самолетов самых разнообразных назначений, необходимых в связи с огромными просторами этой страны. Например, в Дарвине (Северная Австралия) организован парашютный десант скорой помощи... Когда я был в Брокен-Хилле, самолет, пилотируемый Фрэнком Кларком, после трех дней розыска нашел заблудившуюся в буше двадцатилетнюю Вильму Эванс из Оберона (район Батерста). Ее машина сломалась в пустыне в каких-нибудь семидесяти километрах от ближайшего жилья. Но так как у нее не было с собой ни охотничьего ружья, ни консервов, Вильма ничего не ела три дня. Каждый день она проходила по восемнадцать километров, чтобы добраться до ближайшего водоема, по ночам страшно мерзла. Мистер Кларк нашел ее, а затем по радио руководил оперативной группой, которая искала девушку... Да, самолет имеет в Австралии множество назначений!

Однако при всем этом авиационные традиции здесь относительно недавние. Более полувека прошло с тех времен, когда Билл Харт пролетел тридцать километров от Перта до Параматта. Еще задолго до второй мировой войны австралийские самолеты перевезли пятьдесят две тысячи тонн груза на золотые прииски в Новой Гвинее, летая на высоте (небывалой по тем временам!) четырех тысяч метров. Это было то героическое время, когда прогноз погоды давали, послушив собственный палец для определения направления ветра... А в 1926 году знаменитый сэр Чарльз Кингсфорд Смит приземлился на своем самолете «Южный Крест» в Брисбене после перелета через Тихий океан.

Это — страницы истории авиации, написанные золотыми буквами. Но мне хотелось бы напомнить о событиях, которые произошли здесь много лет назад и которые — как мне кажется — известны далеко не всем. Лично меня они поразили, и я думаю, что память о них будет жить так долго, как долго люди будут прославлять храбрость и мгновенную реакцию — эти важные достоинства человека в воздухе и... на земле.

Итак, в 1934 году штат Виктория и его столица Мельбурн праздновали свое столетие. Для придания празднику торжественности были организованы «Мельбурнские гонки» с первым призом в двенадцать с половиной тысяч фунтов, установленным австралийским миллионером Мак-Персоном Робертсоном. Воздушная трасса вела в Мельбурн из Великобритании (Минделхолл в графстве Саффолк), протяженность ее составляла двенадцать тысяч миль. Из семидесяти четырех машин, претендовавших на участие в гонках, только двадцать соответствовали высоким требованиям, установленным Королевским аэроклубом. Интересно, что праправнук участвовавшего в этом соревновании самолета «Блэк Мэджик» вошел в историю второй мировой войны под названием «москито». Лишь девять машин долетели до Мельбурна.

Драматическое приключение пережил экипаж ДС-2, представлявший Голландию. После старта в Чарлвилле, то есть уже на территории Австралии, самолет бесследно исчез. Его рация отказала, сам аэроплан попал в бурю и целый час летал по кругу. Парментье, его пилот, снизился и увидел какой-то город, но, совершенно потеряв ориентацию, не знал, где находится и как называется этот город. Это был Албери.

И тут события развернулись с молниеносной быстротой. Местная радиостанция передала призыв бургомистра ко всем водителям машин собраться на ипподроме и выстроиться так, чтобы можно было осветить дорожку для приземления фарами. Затем с помощью переключателя городской электростанции азбукой Морзе стали передавать слово «А-Л-Б-Е-Р-И» уличными фонарями! Экипаж прочитал сигналы и в половине второго ночи «ДС-2» благополучно приземлился. Самолет занял второе место в соревновании — сразу после английского, — пролетев трассу за трое суток восемнадцать часов двадцать минут.

Голландия неистовствовала. Мистер Вуг, бургомистр Албери, наделенный молниеносной реакцией, был приглашен в страну тюльпанов, где благодарные голландцы приняли его с большим теплом.

«Летающая говядина»

Большие стада рогатого скота, поставляющие мясо, которое Австралия вывозит кораблями-холодильниками в далекие страны, естественно, не пасутся на приусадебных участках. Огромные стада все время кочуют, так как насчитывают по несколько десятков тысяч голов. Не упрекайте меня, пожалуйста, за ту фривольность, с которой я округляю здесь цифры, но поверьте, что сам владелец такого стада не знает точно, сколько у него коров. При подсчете поголовья всегда учитывается возможность «проглядеть» сколько-то голов — это означает, что стадо может насчитывать две тысячи восемьсот голов, а может и три тысячи. Никто не знает, где какая корова сломала ногу, какой теленок насколько подрос и сколько их прошлой ночью загрызли дикие и хищные собаки динго. Поправка на расстояние тоже учитывается.

Эти хозяйства-гиганты имеют достаточно пастбищ для огромных стад. Но поскольку розы не бывают без шипов, то и упомянутые огромные расстояния представляют серьезное осложнение для скотоводов... Потому что в момент, когда приходит пора животных сложить голову на алтаре человеческой кухни, то есть, попросту говоря, когда они должны идти под нож, то, разумеется, их надо доставить на крупные промышленные бойни. Иначе убой невозможен: в этом климате мясо портится очень быстро. А многодневное путешествие выматывает животных.

Традиционный путь — неделями по степи своим ходом на бойню — очень дорогостоящее предприятие. Приходилось высоко оплачивать труд австралийских ковбоев-стокменов; стадо значительно уменьшалось из-за несчастных случаев, нападений динго, а когда в конце концов оно уже добиралось до места, потеря в весе оказывалась так велика, что все предприятие переставало окупаться. Кроме того, как утверждали знатоки, форсированный марш очень плохо влиял на качество самого мяса. Говорят, если коровы не бредут неделями под знойным солнцем в цех, где им предстоит расстаться с жизнью,

а сохраняют приятные воспоминания о своих последних днях, то бифштекс гораздо вкуснее.

И вот в 1919 году в Австралии появляется Ян Грабовский, уроженец Филяндии. Он выходец из семьи, которая почти два века назад эмигрировала из Польши в Шотландию. Хотя эта семья и сохранила польскую фамилию, а также сознание польского происхождения, после столь долгого пребывания на чужбине было уже трудно считать ее польской. Ян Грабовский — специалист по разработке особых проектов в дирекции ТАА (Trans Australian Airways), мощной государственной авиакомпании, которая обслуживает только внутренние линии Австралии и Папуа — Новую Гвинею.

Но в то время он был летчиком, демобилизованным после первой мировой войны. Сначала летал над деревеньками жителей Новой Гвинеи. Его помнят там и сейчас. Он доставлял людей и оборудование для приисков, бары для пивных в небольших поселках, гофрированное железо для крыш бараков, а позже даже скаковых лошадей: ведь там, где есть австралийцы, должны быть и скачки.

В 1936 году Грабовский разработал проект боев, которые располагались прямо в скотоводческих хозяйствах и обслуживались самолетами. Проект этот был реализован в 1949 году, и теперь говядина «летает».

Итак, смерть ожидает стада прямо на пастбищах «AIRBEEF» (букв. «летающая говядина») — название предприятия, которое занимается перевозкой грузов подобного рода. Его самолеты приземляются на крошечных аэродромах и сразу же после убоя забирают мясо, запакванное по четверти туши в герметически закрытые целлофановые мешки. После непродолжительного полета оно попадает или прямо в мясные магазины крупных городов Австралии, или в порты, где дожидаются своего груза корабли-рефрижераторы. Таким образом, мясо попадает в Европу в прекрасном состоянии. Страдают от такой транспортировки, конечно, только динго и хищные птицы, которые обычно сопровождали стадо на всем его пути. Благодаря самолетам говядина попадает теперь не в пасть хищника, а прямо в кастрюлю.

Над Грабовским смеялись, когда он мечтал о «летающей говядине». Теперь же задуманное им предприятие стало в Австралии необходимым и незаменимым. Самолет нашел себе еще одно применение...

Для усердного почтальона любого государства почтовая служба в Австралии показалась бы кошмарным сном. По своей площади район доставки почты равен здесь пяти территориям Польши. А населяют его столько же людей, сколько проживают в одном лишь районе Варшавы. В городах и поселках, где, разумеется, существует нормальная почтовая служба, сосредоточено каких-нибудь пятнадцать тысяч человек, остальные пятнадцать рассеялись по бескрайним просторам Северной Территории — таково официальное название этой части страны. Кстати, это не отдельный штат, территория подчиняется непосредственно союзному правительству.

Я хочу напомнить читателю, что наш рассказ относится к Южному полушарию, поэтому, если на Юге Австралии по вечерам на прогулку выходят пингвины, то на Севере стоит или жаркая или очень жаркая погода. В то же время, как раз в центральной части Северной Территории — прекрасные условия для скотоводства. Именно здесь возникли такие гиганты, как ферма «Victoria River Downs», где стада пасутся на пастбищах площадью почти в тридцать четыре тысячи квадратных километров. Правда, сейчас это всего-навсего остатки огромнейшей когда-то фермы...

Сто километров — обычное здесь расстояние между домами. О расстоянии между поселками лучше и не упоминать. И все-таки в этой пустыне должна быть почта. Раз в неделю почтальон обязан являться в самый отдаленный и одинокий дом. Но как?

Австралийцы создали службу доставки почты, дав ее работникам необычное название «почтальон Никогда-Никогда». А поскольку маршрут, который обслуживается этим почтальоном, соединяет Алис-Спрингс с крупными молочными хозяйствами, его называют иногда «Млечным Путем».

Здесь, где тонкая ниточка узкоколейки обрывается в Алис-Спрингсе, а сеть автодорог очень редка, самолет, как уже говорилось, стал универсальным средством транспорта. На самолете прибывают и почтальон, и врач, и ветеринар, и даже полицейский...

В Алис-Спрингсе до сих пор вспоминают жуткую историю, которая произошла с миссис Боумэн. В декабре 1957 года она вместе с дочерью и сыном отправилась на машине в Аделаиду, столицу штата Южная Австралия. Дорога здесь идет большей частью через пустыню. Поезд узкоколейки преодолевает этот путь за тридцать шесть часов довольно быстрой езды. На машине, и притом без сменщика за рулем, ехать значительно дольше. Однако прошло уже два дня после того, как они должны были прибыть, а никаких известий не поступало. Обеспокоенный муж и отец пассажиров поднял тревогу.

След обрывался на одной из заправочных станций по пути следования, где миссис Боумэн видели в последний раз, когда она пополняла запас бензина. Над шоссе кружились самолеты в поисках бесследно исчезнувшего автомобиля. Наконец Джеральд Санти, штурман бомбардировщика, заметил какую-то машину, неподвижно стоящую в тени деревьев, вдалеке от дороги. Деревья закрывали машину, и ее невозможно было опознать. Бомбардировщик стал пикировать на другую машину, которая шла по шоссе в направлении неподвижного автомобиля, и бросил записку со следующим текстом: «В пятнадцати милях от вас под деревьями поблизости от главного шоссе находится машина, похожая на ту, что исчезла вместе с пассажирами. Мы покажем дорогу. Прошу установить, не „вангард“ ли это за номером N 3049; если так—прошу подать знак чем-нибудь белым».

Водитель отправился вслед за самолетом и подтвердил предположение летчика. Радист уведомил о находке Алис-Спрингс, и оттуда немедленно вылетел на легком самолете известный пионер авиации Северной Территории мистер Эдди Коннеллаи. Точности ради необходимо упомянуть, что, как и полагается во всяком порядочном поселке с пятью тысячами жителей, в Алис-Спрингсе есть собственный ипподром, без которого трудно себе представить австралийский город, а также три аэродрома. Один из них — государственный; здесь приземляются тяжелые машины регулярной линии, обслуживающие трассу в две тысячи шестьсот семьдесят три километра, соединяющую два города Австралии — Дарвин и Аделаиду. Другой — для планеров, которые выводятся на

старт с помощью машин, обслуживающих окрестности города. И наконец, третий — это база «почтальона Никогда-Никогда»...

Итак, именно мистер Коннеллан полетел расследовать происшествие. По пути он захватил с ближайшего поста полицейского по имени Комми. И это нуждается в пояснении: укомплектованный единственным полицейским, ближайший пост находится в Финке, то есть в двухстах километрах от места, где нашли машину... Я опускаю здесь подробности погони за убийцей, ибо Комми нашел трупы пассажиров; я хотел только показать, насколько необходимым стал самолет в повседневной жизни этих мест...

С мистером Коннелланом я познакомился в Алис-Спрингсе и обязан его любезности тем, что в течение двух дней развозил почту по Стране Никогда-Никогда.

Это было накануне Рождества, и почты было очень много. Я должен был помогать пилоту-почтальону, который всегда испытывает трудности с сортировкой соответствующих мешков с почтой для отдельных хозяйств. За это я получил возможность лететь почтовым самолетом. Договор был устный, заключен стоя, в баре «Stuart Arms», обмыт двумя большими кружками пива и припечатан взаимным дружеским похлопыванием по спине.

Мешки с «королевской почтой»

Было еще совсем темно, когда я прибыл на аэродром. Машина связи вышвырнула прямо на бетон кучу мешков с нарисованной короной и жирной надписью: «Королевская почта». Она лихо отъехала, так что взвизгнули шины на повороте, и, не сбавляя скорости, помчалась в направлении поселка.

Я взялся за сортировку мешков, предназначенных для нашего самолета. Несколько других машин ждали на поле своего груза. Я должен был быть очень внимательным, так как допущенную ошибку можно исправить только через неделю. А это значит, что нечаянно оставленный мешок дойдет до адресата лишь через две недели. Этого клиенты никогда не простят, ведь почта в пустыне — целое событие. Регулярность обслуживания здесь удивительна. Если известно, что в Юэпдуму почту вручают и забирают каждый вторник в двенадцать пятнде-

сят, то только «высшие силы» могут нарушить этот порядок, что случается крайне редко.

Самолет служит только для перевозки почты. Правда, он имеет от одного до трех пассажирских мест, но людей берут лишь в том случае, если мешки с почтой не перегружают его. Поэтому заранее составляется список желающих лететь. Примерно за десять-двадцать часов до вылета первых по списку пассажиров уведомляют о рейсе, а те, кому не хватило места, слышат только слово «sorry»³² и ждут, как минимум, еще неделю. В предпраздничные дни, когда мешки с почтой становятся значительно объемистей, шансы на полет для пассажиров минимальны.

Короткие «прыжки» с фермы на ферму, стоянки и новые старты проходят так четко и так ритмично, что невольно начинаешь признавать такую доставку почты совершенно обычной...

Собачья «корреспонденция»

Ритуал очень прост. Летящий под знойными лучами солнца самолет ныряет в облако пыли над землей, которая редко орошается дождем. Замирает мотор, останавливаются пропеллеры. Автомобиль уже ждет нас, из него выходят люди, передают свои мешки с почтой и забирают те, что мы привезли. Местные жители иногда бегут к нам, иногда идут с достоинством, но их собаки всегда несутся со всех ног! Они тоже пользуются летающей почтой, чтобы сделать свои дела, если употребить это выражение в несколько более широком смысле слова.

Войдите в горькое положение пса в этом уголке мира, пса, который тяжко работает за барабую кость: сторожит стада и воет с кровожадными динго. А светская жизнь поистине собачья. Ведь до ближайшего уличного фонаря отсюда тысяча километров, а другие собачки, проживающие в соседнем хозяйстве, не ближе... Собачья жизнь, говорю вам точно!

Собаки из Страны Никогда-Никогда переписываются друг с другом тоже с «помощью» воздушной почты. Разница лишь в том, что люди употребляют для соответствующих целей тонкую бумагу, а собаки — исключительно массивные нагретые каучуковые колеса самолета... На сле-

³² Извините (англ.). — Прим. пер.

дующем аэродроме четвероногие внимательно все изучают, прочитают и «допишут» кое-что от себя. Собаки в буквальном смысле слова заливали нас восторгом. Зато люди сдержанны. Именно здесь живет и процветает этот удивительный тип неразговорчивого человека, потому что он неделями кочует в одиночестве со стадами и говорить ему не с кем. Именно здесь существует этот «silent Aussie» — молчаливый австралиец, источник десятков анекдотов, взятых из жизни. В этих местах и произошел — как гласит молва — знаменитый разговор между фермером, который только что вернулся из города, и его женой. Когда женщина, жаждущая услышать новости о большом мире, узнала, что супруг был на богослужении, она замучила его расспросами о проповеди.

— Пастор говорил о грехе.

— Ну и что он сказал?

— Был против.

Чашитие в Хартс-Рейндже

В этом пустынном крае разговаривают редко, даже с почтальонами. А ведь в почтовом мешке находятся не только письма и газеты.

Например, в мешке, взятом из одинокого дома в среду, передали письмо с заказом для универмага в Аделаиде. Оно наверняка будет вручено адресату в пятницу, а в понедельник посылка отправится вторым пассажирским самолетом из Аделаиды в Алис-Спрингс, куда попадет во вторник на рассвете. Таким образом, она успеет к самолету, который, как обычно, в среду доставляет почту этому адресату. Таким путем попадают на фермы косметика и лакомства, лекарства и материал на платье, соска для малыша и лосьон от комаров, журналы мод и корм для золотых рыбок, батарейки для радио и жевательная резинка... Итак, я летал в среду с утра до обеда, развозя почту. Мы добрались до самой границы штата Квинсленд. В четверг с утра я был свободен, а после обеда мы снова вылетели.

В четверг, уважаемый читатель, почту доставляют по трассе «1285». Самолет вылетел из Алис-Спрингса точно по расписанию — в тринадцать часов. В этот день пассажирские лайнеры из Аделаиды и Дарвина прибыли вовремя, поэтому и почговая машина, которая курсиру-

ет между государственным аэродромом и нашим, успела привезти мешки к этому времени.

Через три четверти часа мы были в Рингвуде. Собачки, обмен почтой, запуск мотора, старт. Четырнадцать двадцать — Кварцевый Холм. Пилот заметил, что на посадочной площадке никого нет, и в гневе пролетел так низко над постройками фермы, что едва не зацепил крылом высокую стальную вышку ветряка, который качает воду и приводит в действие генератор.

— Спят они, что ли? — возмущался летчик.

Правда, к посадочной площадке сразу же помчался вездеход с почтой. Оказалось, что какая-то барышня заканителилась с письмом, а ведь у нее для этого была целая неделя!

Plenty River, или Река Изобилия. Прибытие — в четырнадцать сорок, стоянка — четыре минуты. Сын фермера сказал нам даже «Hello, how are you?»⁸³ До чего же болгливый малый!

В Макдоннелл-Даунс мы прибыли в пятнадцать десять — по расписанию, но полет был трудный. Мы летели очень низко, под нами висела туча песку, проникающего через все вентиляционные отверстия. Следовало их закрыть, но ведь тогда мы не смогли бы прислонять к ним запотевшие ладони, что хоть немного освежало нас.

Пятнадцать тридцать — Делмор-Даунс. Пятнадцать пятьдесят — Суон-Хилл. В Хартс-Рейндже мы должны быть в шестнадцать пятнадцать. Сразу после старта пилот обращается ко мне:

— Пора пить чай.

Я согласился и стал оглядываться, ища термос. Пилот посмотрел на меня с укоризной. Разве нельзя рассчитывать на добрые обычаи этих мест? Ведь само собой разумеется, что если мы появляемся в Хартс-Рейндже к вечернему чаю, то он будет нам подан. Именно там!

Осторожно — банки!

В Хартс-Рейндже — боковой ветер. Однако мы изящно приземлились, подняв тучи пыли. Когда она осела, передо мной развернулся пейзаж в лучших традициях сюрреализма.

⁸³ Привет, как поживаете (англ.). — Прим. пер.

Пустыня... Ни одного дерева на добрую версту от постройки. И вдруг—стол, настоящий стол, застланный скатертью. Все приготовлено для чая, укрыто от пыли целлофаном. За столом какая-то женщина и двое белоголовых малышей. Мы с пилотом прямо от самолета идем к столу. Женщина не обращает на нас особого внимания: просто пришел почтальон... Она откладывает вязанье, снимает целлофан. Какие-то печенья, мармелад, сахарница, молочник со сливками. По всем правилам, как полагается. Она молча указывает нам места на складных стульях, молча вынимает из сумки еще один прибор и ставит передо мной. Молча разливает чай.

Пилот обращается к ней:

— Миссис Мак-Робертсон, этот господин приехал из самой Польши...

— Хоу, правда? С сахаром?

Она, естественно, не собиралась выяснять, не привез ли я из Польши сахар. Имелось в виду более существенное, не терпящее отлагательства дело: установить, какой чай я буду пить — сладкий или несладкий.

Однако пилот не сдавался:

— Миссис Мак-Робертсон, этот господин напишет потом в газете о полете к вам...

— Хоу, правда? С молоком?

Я выпил чай (с сахаром, без молока) и через несколько минут оживленного разговора («погода, в общем, ничего, отличная, могло быть попрохладнее... на следующей неделе, пожалуйста, будьте поосторожней с мешком, заказаны банки с джемом...») мы попрощались, поблагодарив за угощение. Собачки пролаяли на прощанье, заревели двигатели, взвыли пропеллеры. Пилот передал по радио, что в Хартс-Рейндже «все о'кей», мы берем направление на Маунт-Риддок. Посадка через пятьдесят минут. Алис-Спрингс дал согласие на старт, теперь он ждет вызова из Маунт-Риддока.

И снова земля ушла из-под ног, постройки фермы завалились под крылом самолета, потом все снова аккуратно выровнялось — и вот мы изящно и спокойно парим над Страной Никогда-Никогда, распугивая стада эму и диких ослов.

В сумерки, когда мы вернулись на базу в Алис-Спрингс и только собирались ступить на землю, из ангара вышел механик и сказал пилоту, что для него есть

посылка из Сиднея. На государственный аэродром она пришла фрахтом. Можно получить хоть сейчас. Я наивно подумал, что мы поедем туда на машине — ведь это на другом конце поселка. Но пилот снова запустил мотор. Даже не успев как следует набрать высоту, он стал садиться. Мы приземлились между большими рейсовыми лайнерами, забрали посылку, контрольная вышка благоговела наш вылет, и меньше чем через минуту снова оказались на базе. Самолет «пошел спать» в ангар.

Если так пойдет и дальше, то, наверное, скоро все маленькие австралийцы из Страны Никогда-Никогда станут рождаться с крылышками.

Призыв о помощи пришел с Бугенвиля (группа Соломоновых островов). Сообщалось, что там свирепствуют крысы и пять миллионов этих прожорливых грызунов набросились на плантации какао, которым грозит полное уничтожение. Ни крысоловки, ни ядохимикаты не помогают в борьбе с нашествием. Не может ли город Сидней, запрашивала администрация острова, управляемой территории Австралии ³⁴, прийти на помощь, прислав две тысячи кошек из несметного числа бродящих по улицам города? Ведь дикие кошки Сиднея известны своей хищностью и живучестью.

Кто кого съест?

Прежде чем на далеком острове дело дошло до единоборства кошек и крыс, в самом Сиднее схватились между собой элюрофилы и элюрофобы, или, проще говоря, любители кошек и их противники.

Миссис Мэри Кей-Купер, председательница Общества охраны кошек Нового Южного Уэльса, воспротивилась реализации замысла. Она заявила, что даже сам переезд на Бугенвиль окажется для кошек тяжелой травмой. Кроме того, они будут плохо себя чувствовать в чуждой среде. Ведь кошки совсем не ловят крыс, а делают это лишь иногда, только ради спорта, для движения. Именно отсюда и идет игра «в кошки-мышки». Кроме того, крысы так кровожадны, что могут пожрать кошек...

Больше всех волновались городские ветеринары, которым пришлось бы в случае осуществления этой идеи обследовать каждую кошку, командированную на Соломоновы острова. А попробуйте-ка обследовать дикую кошку!

³⁴ Остров Бугенвиль входит теперь в состав территории Папуа — Новая Гвинея, получившей права самоуправления 1 декабря 1973 г. — *Прим. пер.*

Специалисты были озабочены и другими аспектами проблемы. Допустим, наши энергичные кошки не обманут возлагаемых на них надежд и пожрут крыс. Но не успеем мы оглянуться, как на Бугенвиле вместо крысиной возникнет кошачья проблема, потому что через пять лет там будет уже два миллиона кошек. Другими словами, на каждого человека придется по тридцать пять кошек! Это немыслимо! Потом возникнет проблема посылки из Сиднея бездомных собак, чтобы одолеть кошек, затем размножатся собаки и... Нет, нет! Кто может предсказать, к чему это все приведет?..

Вомбат, осел и брамби

Этот эпизод помогает нам понять те бесконечные проблемы, с которыми австралийцы встречаются почти каждый день, когда их охватывает «благородная» мания преобразования природы. Животных завозят, чтобы они размножались, потом оказывается, что их слишком много, и начинается безжалостное уничтожение.

Брамби, или дикие лошади, — украшение животного мира. Это одичавшие потомки скакунов, привезенных человеком. У них дух независимости настолько силен, что они — о диво! — предпочитают носиться по степи, а не тянуть груженые везы. Претензии людей к брамби довольно основательны. Лошадки поедают траву и пьют воду, а также самозабвенно плещутся в мелких ручьях, которые служат водопоями. Более всего, однако, австралийцы скорбят о том, что брамби своим недостойным поведением ставят крест на всех попытках улучшения породы лошадей, уводя кобыл из табунов, опекаемых человеком. Видно, кобылам по праву неотесанные разбойники, кстати без труда одолевающие жеребцов, стерегущих свой гарем.

Поэтому брамби безжалостно истребляют. Из крупного хозяйства «Буллу-Даунс» за сравнительно короткое время было доставлено на копские бойни в Сиднее несколько тысяч этих прекрасных животных. Охоту организовали с размахом. Два самолета на рассвете напали на диких лошадей, когда они спустились с холмов к водопою. Пикируя на табуны, самолеты гнали их почти тридцать пять километров, где вконец измученных животных, среди которых было много кобылиц с жеребятами, уже жда-

ли мотоциклисты и охотники, прибывшие на вездеходах. Лошадей согнали в загоны. Отсюда в вагонах узкоколейки отправили прямо на бойню-комбинат, выпускающую консервы для домашних собак и кошек...

Таким же бедствием считаются и ослы, без которых никогда не были бы освоены территории, охваченные в прошлом столетии «золотой лихорадкой». Почтенные животные проходили тогда сотни километров, доставляли воду и оборудование для золотоискателей. Осликов отпустили на все четыре стороны, когда началась эпоха моторизации и люди предпочли шестьдесят лошадиных сил под капотом машины работающему ослику под седлом. Выяснилось, что одичавшие ослы тоже слишком много едят, и сейчас их убивают тысячами.

Уничтожаются стада рогатого скота, населяющего полуостров Коберг недалеко от Дарвина. Между 1827 и 1839 годами там пытались создать поселки и завезли из Индии рогатый скот для колонистов. Однако климат этих мест оказался неблагоприятным, колонисты погрузились на корабли и отбыли в более гостеприимные края, оставив домашних животных на произвол судьбы...

У местных зверьков тяжкая жизнь. Вомбат — это флегматичное создание, немного похожее на сурка, только значительно крупнее. Днем вомбаты дремлют, собравшись по семь-восемь штук в одной норе; норы соединены подземными ходами. Вечером они обедают разными травами и корешками, что, конечно, не нравится людям. Я знал одного вомбата лично; если и остальные такие же симпатяги, то, право, мне их очень жаль!

Люди безжалостны к вомбатам. В хозяйстве «Налларбор-стэйшн» (штат Южная Австралия) за несколько дней было убито тринадцать тысяч зверьков. По разрешению владельца этих земель темнокожие аборигены обитающего там племени охотятся на вомбатов и получают по два шиллинга за каждое убитое животное. Кстати, мясо вомбатов считается у них деликатесом; аборигены запекают его в горячей золе костра. В норы вомбатов бросают горящие тряпки, а потом стреляют в разбегающихся зверьков. Автомобилисты тоже наслаждаются подобного рода охотой. Мистер Норман Харрел за полтора часа застрелил прямо из своей машины пятнадцать вомбатов, ослепив их светом фар.

Это безумство распространилось также на эму и кенгуру, хотя они и изображены на австралийском гербе. Кенгуру нарисован еще на гербах штатов Виктория и Новый Южный Уэльс и столиц некоторых штатов, как Хобарт, Мельбурн и Аделаида. А небольших городов, где изображение кенгуру украшает герб, всех и не назовешь.

Эму — крупная птица, даже страус уступает ему по величине. В гневе он раздает страшные по силе пинки, а удар его клюва разбивает самый прочный череп. Эму мчится крупной рысью, достигая скорости шестидесяти пяти километров в час, что совсем неплохо, если учесть, что у него всего две ноги. Однако несмотря ни на что, кенгуру, должно быть, не очень хорошо чувствует себя в обществе эму на австралийском гербе, потому что последний отличается довольно странными привычками. Дама эму сначала обольщает своего кавалера, а потом бросает его, как тряпку, каждый год меняя партнера. Зато она оставляет соблазненному кавалеру плоды их любовных игр — до дюжины яиц. Правда, пока несет яйца еще по-прежнему самка, но высиживает их самец, который и окружает проклюнувшихся птенцов отцовской любовью.

Эму считается необычайно глупым созданием. В Леймекотте, что неподалеку от Йеларбона, в двухстах тринадцати милях от Брисбена, эму мужского пола в течение нескольких недель высиживал пять дынь. Еще более существенную ошибку совершил другой эму, который на полигоне, где во время войны тренировались войска перед отправкой на фронт, нашел и стал высиживать... ручную гранату. Это занятие прервали случайно проезжавшие мимо люди, которые спугнули терпеливого отца, а смертоносное «яичко» передали полиции для обезвреживания.

Пойманного в молодом возрасте, эму легко приручить, и его можно держать дома. Однако он пожирает все, что попадается на его пути и может поместиться в клюве. Во время первой мировой войны конники знаменитой Австралийской легкой кавалерии носили на шлемах перья этой птицы. На вопросы любопытных кавалеристы, не моргнув глазом, отвечали, что это перья... кенгуру.

Кенгуру тоже уничтожаются. Разумеется, не для добычи перьев, а совсем для других целей. Из их шкур делают дамские сумочки. Только за один год австралийцы продали за границу, преимущественно в США, семьсот семьдесят одну тысячу шкур сумчатых. Мясо кенгуру в огромном количестве вывозится в ФРГ, а также в Японию, Гонконг и Малайю. Хвост считается деликатесом и служит для приготовления супа.

Фунт кенгурятины стоит шиллинг и десять пенсов, но мясо продается главным образом в магазинах, торгующих провизией для собак и кошек. Здесь можно купить также сухари в форме костей, импортированные из Европы травы для собак, страдающих запором, а также таблетки, облегчающие трудные роды животных. Шампунь для Азора стоит шестнадцать шиллингов бутылка, замшевая курточка для Шарика — три фунта, фланелевая, отделанная нейлоном, — тридцать шиллингов. Под масть собачки можно подобрать платочек, который вкладывается в специальный кармашек. Есть здесь курточки по типу мундиров вооруженных сил, с погонами и военными пуговицами. Искупать собачку стоит восемнадцать шиллингов, цена зависит от размеров клиента, зато в нее входит и стрижка коготков.

Наиболее выгодное дело — поставка провианта для комнатных животных. На территории Австралии работают на полную мощность пятнадцать фабрик, чтобы удовлетворить спрос покупателей. Они выпускают банки с готовой едой для собак и кошек. Этикетка черным по белому указывает, какому животному предназначена банка — лающему или мяукающему. Мне кажется немного странным такое разделение. Насколько мне известно, ни собаки, ни кошки читать не умеют или, во всяком случае, — по причинам, только им известным, — никогда не обнаруживают этой способности. Оборотистые фабриканты добавляют якобы в эти лакомства какие-то витамины в разных сочетаниях для разных животных.

Однако для кенгуру это уж совсем безразлично. Ведь они — внутри банок. Их мясо — главное сырье для собачьих консервов. Пес Тимофей, принадлежавший одним моим знакомым из Сиднея, наевшись кенгурятины, скакал, как в цирке. Ведь кенгуру прыгает на три метра

в высоту и на девять в длину. Преследуемый, он мчится со скоростью восьмидесяти километров в час. Речь идет, разумеется, о красных гигантских кенгуру, а в Австралии обитает сорок видов этих животных. Самец красного кенгуру весит до ста пятидесяти килограммов. Есть еще горные кенгуру, прыгающие по камням, как футбольные мячи; валлаби, или карликовые кенгуру, которые лучше всего чувствуют себя на деревьях.

Самые крупные из существующих ныне видов — карлики по сравнению с остатками тех, которых выкапывают иногда во время горных или других работ, когда выворачивается земля Австралии. Около миллиона лет назад исчез вид кенгуру, отдельные экземпляры которого имели рост три с половиной метра, а весили около четверти тонны!

В третичном периоде, то есть около шестидесяти миллионов лет назад, во всех частях света жили исключительно сумчатые млекопитающие. Некоторые из них достигали размеров современных слонов или гиппопотамов. Лишь в более поздние эпохи природа снабдила этих животных плацентой, и потому брюшная сумка стала не нужна. Непосредственными потомками древних сумчатых и стали сумчатые Австралии, которые не пошли нормальным путем эволюции.

Такая уж мода у животных Австралии — носить детей в сумках. Здесь живет две трети всех сумчатых мира. Все австралийские млекопитающие (за исключением животных, завезенных позже человеком) принадлежат к этому большому отряду, отличающемуся тем, что самки донашивают детенышей в брюшной сумке. Главная причина этого явления — то обстоятельство, что у сумчатых после оплодотворения не формируется плацента и плод удаляется уже через несколько недель, так как не может питаться, находясь в матке.

Сумчатые, особенно кенгуру, известны уже несколько веков, но подробности появления на свет их детенышей выяснены лишь недавно. Долгое время думали, что маленькие кенгуру рождаются прямо в сумке матери, прикрепленные к соску, и растут, как почка на дереве. Позднее утвердилось мнение, что кенгуру появляется на свет, как и все млекопитающие животные, а затем мать берет своего потомка в передние лапы и прикрепляет его к соску. В действительности же дело обстоит несколько ина-

че, как выяснили совсем недавно (после нескольких лет исследований) два австралийских зоолога из Канберрского университета — Шарман и Кэллэби.

Ученые наблюдали главным образом вид красных кенгуру, рост которых на пятнадцатом году жизни равен двум метрам, хотя в момент рождения это животное имеет около двадцати миллиметров в длину и весит меньше грамма.

Самка, которая достигает половой зрелости к двадцатому месяцу жизни, носит плод тридцать три дня. Она никогда не рождает больше одного кенгуренка. Когда запас питания в матке исчерпан, крошечное создание, похожее на червячка, выходит наружу и, когда мать перегрызет пуповину, взбирается в сумку, пользуясь микроскопическими коготками передних ног. Несмотря на ничтожные размеры, поворожденный обладает необычайной живучестью и за две минуты без помощи матери преодолевает путь, отделяющий его от сумки. Однако если он упадет, что случается крайне редко, то погибает, так как мать ничем ему не поможет.

По окончании первого опасного путешествия маленький кенгуру прикрепляется к одному из четырех сосков, в который немедленно начинает поступать молоко. Остальные три соска молока не выделяют. Сначала кенгуренок жигет в колыбели, которая потом превращается в нечто похожее на детские ясли. Мама все чаще предлагает ему выйти и поиграть с приятелями, пока наконец не отказывает в квартире навсегда.

Мама-кенгуру может затевать романы сразу же после перехода новорожденного в сумку, но, пока там место занято, она не рождает следующего детеныша, а откладывает роды. Как только ребенок запрыгает по земле самостоятельно, в сумке появляется новый квартирант.

Пинок кенгуру

Выселение детеныша иногда бывает очень жестоким: самка-кенгуру, преследуемая охотниками, выбрасывает его в сторону, а преследователи гонят взрослое животное, более интересующее поставщиков мяса или меха.

Если на кенгуру нападают динго или домашние собаки, он опирается спиной о скалу или дерево и бьет своих врагов сильными задними лапами и мощным хвостом.

Кенгуру легко приручаются. Трудно представить себе более трогательную картину, чем маленький древесный кенгуру в час дойки коров, когда хозяева гонят их в стойла. Малыш потешно ковыляет вместе с людьми, держа в передних лапках свою мисочку для молока...

На ферме «Мэнсфилд» в штате Виктория живет кенгуриха Касси; ей уже двадцать восемь лет, и она отличается отменным здоровьем. Холодными вечерами Касси любит посидеть у камина, угощаясь печеньем, которое сама достает из буфета. Она умеет отпирать двери и калитку в заборе. Ученые из Канберры сделали ей рентген с помощью переносного рентгеновского аппарата и предсказали долгую жизнь.

Кенгуру, живущие вдоль железной дороги Таунсвилл — Маунт-Айза в штате Квинсленд, сами пополняют недостаток железа в рационе: они отгрызают гайки, которыми рельсы крепятся к шпалам. Дорожным инженерам очень не нравится такое «лечение» витаминами. На ракетном полигоне Вумера поставили душ для работающих на страшном пекле сотрудников. Когда наступают сумерки и работники расходятся по домам, на полигоне появляются местные кенгуру. Кенгуру — миролюбивые животные, они не производят испытаний ракет. Зато разработали собственный научный метод мирной эксплуатации душ. Так, кенгуру установили, что если нажать задней лапой педаль стоящего под открытым небом душа, то можно не только вдоволь напиться, но и великолепно искупаться...

Кенгуру легко научить боксу. В большинстве штатов Австралийского Союза подобные матчи в настоящее время запрещены по требованию любителей животных. Во время войны, когда в Австралии находилось множество американских гарнизонов, в благотворительных целях был организован матч между солдатом США и этим животным. Кенгуру вышвырнул своего противника за канаты ринга, прежде чем тот успел вымолвить слово...

На острове Вити-Леву (Фиджи) я видел кенгуру, которого один австралиец, работник метеорологической службы, привез с собой как талисман. Я был удивлен тем, что животное содержится в клетке. Оказалось, что кенгуру замечательно усвоил приемы бокса, которым научил его хозяин. В результате у него помутилось в голове, и кенгуру стал наскакивать на посетителей иссле-

довательской станции, время от времени награждая их пинками или прямым левым.

Однажды посмотреть этого кенгуру пришла какая-то пожилая дама с внучком. Свидетели утверждали, что она дразнила животное и уколола его острием зонта. Кенгуру ударил старушку передней лапой так сильно, что вбил искусственную челюсть в небо. Секунду спустя от удара хвостом внучек упал с переломанными ногами. В дело вмешалась полиция, которая наказала боксера пожизненной дисквалификацией и заключением в клетку...

Во всяком случае, если так пойдет и дальше, кенгуру можно будет увидеть только на гербе Австралии. Истребители этих животных придерживаются противоположного мнения и с таким энтузиазмом отстаивают его, что никакими аргументами их не убедить. Когда сам принц Эдинбургский поднял голос в защиту истребляемых кенгуру, один богатый землевладелец Квинсленда, мистер К. Д. Лик, официально пригласил супруга королевы Елизаветы пожаловать на охоту в его владения. Он высказал мнение, что если бы на его земле убивали по десять тысяч кенгуру каждую неделю, то «все равно никто не заметил бы потерь...» Между прочим, в этом штате за два года было убито миллион кенгуру. Охотиться разрешено каждому, кто заплатит всего лишь один австралийский фунт за охотничий билет. Люди, поддерживающие тезис о необходимости истребления этих животных, рассказывали мне об одном овцеводе из округа Арамак этого штата. Он испытывал большие трудности с вынасом своего стада в семь тысяч голов, до тех пор пока приглашенные овцеводом профессиональные охотники не уничтожили четыре тысячи кенгуру. Теперь якобы одиннадцать тысяч овец получили корма вдоволь. В стране, которая живет овцами, трудно полемизировать по этому вопросу. И вот между реками Муррей и Кобар действуют сейчас сто профессионалов-охотников, которые убивают по двести тысяч кенгуру в неделю, да к тому же тысячи травят еще и химикалиями, специально разбрасываемыми вблизи водоемов. В Алис-Спрингсе мне рассказывали, что девять охотников за несколько часов убили пятисот кенгуру. Они могли забрать лишь часть добычи, остальное сгнило в пустыне. Интересно, какой ценой и когда начнут расплачиваться австралийцы за это массовое убийство, какой счет представит им Мать-Природа?

Хотя австралийские попугаи не вошли в герб, это не обеспечило им неприкосновенности со стороны человека. Зимородок, называемый здесь *кукабурра*, широко распространен в предместьях больших городов. Его жуткий, громкий смех использован в качестве позывных австралийских программ на коротких волнах, которые каждый день приносят очередную порцию новостей из родных краев австралийцам, тоскующим по родине в Европе. Каждое утро можно услышать, какой савраска пришел первым на состязаниях в Сиднее и сколько заплачено его болельщикам, а также сообщение, в какой форме находится сборная по игре в крикет перед началом матча с Уэльсом или Шотландией...

Если бы кукабурра задумался о судьбе попугаев, ему расхотелось бы смеяться... Австралийцы устали от своих попугаев. Правда, попугаи не позволяют себе никаких проделок над овцами, но зато пожирают посевы, что небезразлично для страны, экспортирующей пшеницу. Более того, эти остроумные, сообразительные птицы освоили современную технику...

Маленький городишко в Квинсленде. Вечером я сижу у телевизора в клубе отеля, помещающемся в одноэтажном здании. Вдруг изображение на экране начинает мигать. Мои соседи, спокойные и невозмутимые австралийцы, словно в припадке безумия, внезапно выбегают с криками во двор и начинают швырять на крышу камни и палки. Потом возвращаются, отирая пот со лба. Оказывается, это попугаи точат клювы о телевизионные антенны. Если их сразу не прогнать, сильная птица может сорвать установку. Телевизионное ателье города опубликовало заявление, в котором решительно отрицает свою причастность к специальной тренировке попугаев для этих целей...

Страна Никогда-Никогда. Мы едем через пустыню в резервацию аборигенов, расположенную на тропике Козерога. Вода в радиаторе кипит. Надо переждать. Усаживаемся под большим камнем и пьем пиво из банок. Вдруг до нас доносится шум заведенного мотора. Мы вскакиваем на ноги, но наша спутница Дороти, девушка, воспитанная в пустыне, спокойна.

— Сидите, сидите — это он шалит...

На капоте устроился крошечный попугайчик, который и имитирует звук разогреваемого мотора. Наверное, слышал его два раза, а ведь известно, что только упорными упражнениями можно достичь совершенства...

Хозяева, работающие в летние вечера в маленьких садиках около аэродромов, падают ничком, слыша прямо над головой характерный свист реактивного самолета. И начинают отчаянно ругаться, когда оказывается, что это вовсе не «Комета» или «Боинг», который слишком рано пошел на посадку, а всего-навсего маленький попугайчик, страдающий манией величия и имитирующий звук, издаваемый гигантом воздушных просторов...

Скажи мне, над чем ты смеешься, и я скажу тебе, кто ты! Если ты рассказываешь забавные истории о попугаях, то ты — австралиец. Я не припомню всех шуток, в которых изображаются перипетии человека и говорящей птицы. Позвольте мне рассказать здесь лишь три анекдота, взятые из огромной книги народного юмора Австралии, точнее говоря, из одного ее раздела, который рассказывает о попугаях и... священнослужителях.

Пастор и попугай

Так вот, клетку одного попугая, репертуар которого состоял из целого букета ужасных ругательств, каждое воскресенье занавешивали, чтобы его нечестивый клюв не оскорблял божьего праздника. Однажды, в среду, попугай беззаботно болтал на веранде, как вдруг хозяева увидели едущего на велосипеде пастора. Они быстро накрыли клетку покрывалом, чтобы избавить преподающего от неприличных речей попугая. Но когда пастор входил на веранду, до его ушей все же донеслось приглушенное бормотание умной птицы:

— Однако эта чертова неделя оказалась дьявольски коротка, однако эта чертова неделя оказалась дьявольски коротка...

Другой пастор, объезжая как-то свой приход, обратил внимание на волов, тянущих плуг без пахаря. На огромных просторах Австралии существует неписанный закон, который обязывает в случае любого происшествия проверить в чем дело. Почему, например, машина стоит на шоссе пустая, не случилось ли что с водителем. Ведь все может быть на дорогах, где иногда неделями не прой-

дет ни одна машина. Пастор стал искать крестьянина — погонщика волов. Напрасно! Зато он увидел, что на упряжи сидит маленький волнистый попугайчик и погоняет волов с помощью набора слов, характерного для завязатого погонщика... Возмущенный пастор снова сел на велосипед и остановился только у ближайших построек. Фермер, которому он сделал замечание за то, что тот оставляет волов без присмотра, был явно задет:

— Но ведь там остался Дудуся, мой волнистый попугайчик, я научил его следить за волами во время вспашки...

Пастор, в свою очередь, дал волю возмущению:

— Ах, так! Ну так я весьма не доволен вами за то, что вы научили неразумную божью тварь таким словам, от которых уши вянут...

Дискуссию закончил хозяин:

— Ну, пусть только Дудуся вернется с поля, я ему все перья из хвоста повыдерну, я же говорил ему, когда пастор близко — клюва не раскрывать...

И наконец, еще одна история из сокровищницы народных побасенок: о пасторской попугаихе, которая знала несколько молитв. Уезжая в город, пастор оставил ее на время у хозяина кабачка. У кабачника был попугай-самец той же породы и тоже знакомый с некоторыми текстами, правда отнюдь не божественного содержания, так как позаимствовал их от посетителей этого заведения. Попугаиха пастора, сидя в клетке, вполголоса начала бормотать молитвы. Попугай кабачника поглядывал на нее исподлобья. Наконец, после получасового молчания, он вспорхнул на жердь, где сидела гостья, и проскрипел ей в ухо:

— Так что, милашка, может, займемся любовью?

— А как ты думаешь, о чем я молюсь уже целых полчаса? — ответила пасторская попугаиха...

Птица-провидение

Восхитительную жизнь ведет птица, которая повсеместно известна как птица-баран. Она получила это название потому, что мясо ее по вкусу напоминает баранину. Эти птицы буквально кишат на островах, расположенных к югу от Австралийского материка, побли-

зости от острова Тасмания. Мистер Ежи Малхарек из Хобарта рассказывает:

«Где-то в середине сентября появляются миллионы *Puffinus tenuirostris*. Они садятся на песчаные берега и начинают строить гнезда, вернее, выкапывают норы глубиной три фута. Норы располагаются так близко друг от друга, что, если посмотреть на остров, где работают птицы, видны только тучи поднимающейся пыли. Строительство гнезд продолжается три недели. В один прекрасный день птицы исчезают. Ученым до сих пор не удалось установить, куда и зачем они улетают. Возвращаются точно 25, 26 и 27 ноября, каждая пара — в свое гнездо. На следующий день самка откладывает одно яйцо. Наступает период высиживания, продолжающийся восемь недель. Птенца кормят планктоном и мелкими морскими животными в течение двух месяцев. За период кормления малыш так прибавляет в весе, что становится тяжелее взрослых птиц. Из птенца можно вытопить килограмм жира.

В апреле родители улетают. Малыши, оставленные в гнездах, ждут их возвращения, худеют, но не умирают, питаясь за счет собственного жира. Так, без корма, они живут четырнадцать дней. Потом выходят из норы и идут к воде. Очутившись в ней, они уже не возвращаются в гнездо, а улетают по направлению к Японии, достигают Сибири и даже Аляски. Так, птица, окольцованная в Хобарте, была поймана через шесть недель у берегов Японии.

Эти птицы улетают в Северное полушарие, чтобы в сентябре вернуться назад. Установлено, что они возвращаются в одни и те же гнезда много лет подряд. Летят по почам и никогда не ошибаются. Садятся всегда в одних и тех же местах. Не так давно недалеко от Тасмании построили радиостанцию с высокой башней. О прутья этой башни ежегодно разбивается множество этих птиц.

Период откорма птенцов — время охоты на птицу-барана. Птенца размером с утку, покрытого серым пухом, вытаскивают из норы и сворачивают ему шею.

В некоторых местах *Puffinus tenuirostris* называют птица-провидение. В 1790 году, когда военные гарнизоны были лишены подвоза провианта, они в течение двух месяцев питались только этими птицами, отсюда и произошло их название. Тогда было выловлено сто семьдесят

тысяч штук. Приблизительные подсчеты их во время перелета из Австралии на Тасманию дали цифру в сто миллионов.

Их называют еще птицы-духи, так как родители кормят своих птенцов только ночью. Ночью же ведутся и птичьи разговоры. Если приложить ухо к земле, можно услышать голоса тысяч птиц. Это производит необычайное впечатление.

Вокруг Тасмании есть островки, представляющие собой заповедники. Здесь запрещено ловить птиц. На других же островах каждому разрешено поймать за один раз не более двадцати штук.

Памятник ночной бабочке

— Особенность нашей страны,— сказал мне редактор небольшой местной газеты, выходящей в поселке Канива (штат Южная Австралия),— состоит в том, что здесь случай как в добрых, так и злых делах значительно чаще, чем где-либо, влияет на судьбы людей. Золото было открыто случайно, а не в результате кропотливых исследований. А невинный кактус с популярным названием «колючая груша», привезенный сюда для удовольствия доморожденных садоводов, так «полюбил» Австралию, что стал бедствием. Сначала его выращивали в горшочках, потом в палисадниках, а в конце концов он начал выращивать себя сам и захватил в двадцатые годы пятьдесят миллионов акров прекрасных земель в штатах Новый Южный Уэльс и Квинсленд. Был образован даже специальный Совет по вопросам «колючей груши». Последний по рекомендации специалистов доставил из Буэнос-Айреса яички ночной бабочки, гусеницы которой питаются как раз «колючей грушей». За пятнадцать лет они без остатка съели этот кактус, за что благодарные фермеры поставили бабочке памятник в местности Бунарга в Квинсленде...

— Окурок, беспечно брошенный из окна едущей машины, может вызвать в нашей стране буквально катастрофические последствия,— продолжал мой собеседник,— а несколько кроликов, которые выбежали через дыру в заборе, чтобы порезвиться, фактически отняли у человека власть над Австралией...

В правдивости этих слов я смог убедиться значительно быстрее, чем можно было предположить.

9 октября 1962 года я со своим другом ехал на его машине по одной из дорог штата Новый Южный Уэльс, когда мы внезапно увидели столб огня, поднимавшийся среди степи. Горело еще довольно далеко от шоссе, но ветер разносил снопы искр и было похоже, что пожар быстро распространяется. Мы подъезжали к ближайшему поселку, когда навстречу промчались пожарные машины. В близлежащем Сатерленде подняли тревогу, и все мужчины вышли на борьбу с огнем. Женщины в поселке поспешно паковали вещи, чтобы быть готовыми в любой момент покинуть оказавшиеся под угрозой дома.⁴

В это самое время два монтера — Томас Хэнли и Леонард Ньюхаус — работали с кабелем высокого напряжения, подвешенным на столбах вдоль дороги. Огонь, который, вероятно, возник в подлеске от сильного западного ветра, обрел такую силу, что оба рабочих едва успели добежать до грузовика и запустить мотор. Они двинулись с места, когда языки пламени уже начали лизать колеса машины.

Возникшая тревога и готовность покинуть свои жилища станут понятны, когда вы узнаете, что только величайшими усилиями продвижение огня было остановлено буквально у самых домов, что если бы не проливной дождь, который пошел во время спасательных работ, помогая пожарным, — весь поселок превратился бы в пепел. А так — всего лишь тысяча двести акров леса пали жертвой огня.

Пять тысяч отрядов добровольцев по борьбе с пожарами в буше действуют на территории Австралии, и, когда наступает сезон пожаров, им не приходится жаловаться на недостаток дел. До недавнего времени в Австралии не было всеобщей воинской повинности в мирное время, зато в большинстве штатов с давних времен можно было призвать мужчин на борьбу с пожарами. Последние приобретают наибольшую силу примерно через каждые семь лет. До сих пор с ужасом вспоминают здесь «Черный Четверг», день 6 февраля 1851 года, когда пылал буш в окрестностях Мельбурна. Жара достигала пятидесяти градусов, в пламени погибло десять человек, а главным виновником был ветер, настолько сильный, что пепел сгоревшего леса был занесен на Тасманию! В январе 1939

года семьдесят один человек погиб во время пожара буша в штате Виктория, пятьдесят один сгорел в 1944 году. В 1958 году огонь поглотил загородную резиденцию губернатора штата Южная Австралия. А все начинается обычно с невинного окурка или кусочка стекла от разбитой пивной бутылки, которая действует, как линза, и разжигает огонь...

Имущество семи братьев

Героя реляции еще об одном бедствии Австралии не надо ни фотографировать, ни представлять. По-научному он называется *Oryctolagus cuniculus*, а в обиходе — просто кроликом... Известно, что кролик пушистый имеет длинные уши, обладает исключительными способностями по части свободной любви и все разговоры о контроле над рождаемостью не достигают пушистых кроличьих ушей, ведь у кроликов демографический взрыв — вечно актуальная проблема.

Именно это стремление сохранить свой род привело к тому, что коренной австралиец подходит к кроличьей проблеме, совсем как коренной англичанин к проблеме погоды: неизбежно, но не смешно.

Эта необычная история началась, собственно, на заре колонизации Австралии, когда кролики попали на борт знаменитого Первого флота. В те времена они вели себя, как воспитанные существа: сидели дома, ели, тучнели, шли на мясо — все, как обычно. В 1834 году в качестве свободных поселенцев в Австралию прибыли братья Хенты из Суссекса. Их было всего семь... Братья поставили себе избы, как полагается людям, которые хотят всерьез заняться хозяйством, и привезли из родной Англии целый корабль с имуществом. Чего только там не было! Овцы, семена, саженцы, птица и... кролики. Кроликов было всего пять штук. Подробные биографические данные о них не сохранились, нет также сведений и о том, что в тот вечер, когда клетки с ними были сгружены на Австралийский материк, показалась в небе комета или вспыхнуло зарево, которое возвестило бы о несчастье, нависшем над страной.

Есть такие, кто утверждает, что происхождение этого бедствия несколько иное. Рассказывают, что в 1859 году, через несколько лет после высадки кроличьего десанта

под началом семи братьев, его преподобие Томас Остин привез из Англии в свои владения поблизости от Джи-лонга (штат Виктория) небольшое количество диких кроликов. Господин Остин любил охотиться на этих животных и считал, что ему будет их не хватать в далекой стране. Он держал кроликов на участке, огороженном забором, чтобы поохотиться, когда появится такое желание. Тем временем у кроликов тоже возникло желание — погулять. Им помогли дети, которые вырвали несколько колышков из забора, ограждавшего кроличье царство господина Остина.

Забор через весь континент

Не вникая далее в подробности происхождения этого самого большого бедствия Австралии, перейдем сразу к наблюдениям за тем, чем занялись эти кролики и их многочисленные потомки, которые на целое столетие нарушили сон австралийцев.

Влюбляясь и размножаясь, кролики ринулись покорять континент. За двадцать лет они достигли границ Нового Южного Уэльса. В 1880 году в штате Виктория были поставлены первые заборы, которые должны были задержать нашествие воинственных грызунов, но армия кроликов смелым маневром обошла препятствие и вторглась в штат Южная Австралия. Через восемь лет после появления первого кролика на территории Нового Южного Уэльса правительство этого штата вылатило премии за уничтожение двадцати семи миллионов этих животных! К концу столетия кролики преодолели равнину Налларбор и вторглись в Западную Австралию.

Они пожирали траву; семь кроликов съедали столько же травы, сколько одна овца. Кролики выгрызали корнеплоды, рыли норы под полями, огромные пастбища превращали в пустоши, разоряли животноводческие хозяйства, объедали плодовые деревья. Подсчитано, что в то время, когда в Австралии было пять тысяч поселенцев, там развилось полмиллиона кроликов, а когда численность населения достигла семи миллионов, на этих землях обитал уже миллиард кроликов и каждый из них съедал за год травы на десять шиллингов. Если бы не было кроликов, прикidyвали скотоводы, то можно было бы удвоить количество овец, только за шерсть которых выручали бы тогда

в год шестьсот тридцать два миллиона фунтов, не считая прибылей от продажи мяса и шкуры...

Парламент обсуждал жизненно важную проблему. В глубокой тишине господы депутаты заслушивали доклады бородатых пастырей, прибывших прямо с поля битвы против грызунов. Обсуждался вопрос, как глубоко надлежит вкапывать в землю колышки заборов, долженствующих представлять собой ограждение от нашествия кроликов.

В такой молодой стране, как Австралия, бурные дебаты на тему техники постройки колодцев или методов ветеринарного контроля над скотом всегда в центре всеобщего внимания. Потому что ухудшение уровня скотоводства немедленно и болезненно сказывается как на докерах, которые занимаются погрузкой шерсти в портах, так и на производителях машин, снабжающих хозяйства оборудованием. Упадок экономики часто зависит от состояния дел на пастбищах, а потому отражается и на всей стране...

В данном случае речь шла не о пустячном деле. Западная Австралия воздвигала забор через весь континент. Это была ограда в три тысячи километров, то есть длинна ее равнялась протяженности железнодорожного пути от Москвы до Парижа через Варшаву и Берлин. Но прежде чем была установлена необходимая глубина вбивания колышков, прежде чем были закончены гигантские работы, по внешнюю сторону забора уже появились настороженные уши кроликов и донеслось шелканье их мощных челюстей...

Было похоже, что кролики захватили континент, что людям не оставалось ничего другого, как погрузить на корабли уцелевшее имущество и вернуться в Европу.

Западную Австралию не защитил ни этот забор, ни два других таких же размеров.

Где черт сам не сможет...

Земля, не защищенная растительностью, подвергалась эрозии. Ветер сдувал плодородную почву, которую не удерживали теперь никакие корни.

Люди хватались за самые необычные идеи. На самолетах и машинах они завозили на переднюю линию «фронта» кошек. Но кошки не желали воевать с кроли-

ками, удирали в леса и там уничтожали птенцов. Люди посылали бомбардировщики, с которых сбрасывали маленькие бомбочки, но урон, понесенный армией кроликов, был ничтожен по сравнению со стоимостью этой операции. Впрочем, все равно побеждала любовь, то есть кролики за очень короткое время заполняли бреши в своих рядах.

Кстати, они не только защищались, но умели и убивать. Гоняясь за стаей кроликов, всадники ломали шеи, когда их верховые лошади спотыкались на кочках у кроличьих нор. Кролики, строившие свои жилища, подкопали опоры моста, и с него рухнул в реку грузовик с отравой для уничтожения ушастых грызунов. Самолет, который вез специалистов по борьбе с кроликами, попал в пыльную бурю и разбился; все его пассажиры погибли.

Один бразильский ученый написал статью о *myxomatosis* — болезни, которой болеют кролики, и только кролики. Она была грозой всех кроличьих ферм... Австралийцы насторожили ушн, совсем как кролики! Это могло оказаться интересным.

...туда пошлет бабу

Уже в 1919 году были сделаны первые попытки заразить кроликов. Они оказались не очень успешными. Правда, кролики погибали, но это не было эпидемией. Надежда на устранение бедствия угасла...

Вновь занялась этим вопросом Джейн Мак-Намара из Мельбурна; ее упорство одолело и бюрократию, и кроликов. Она сломала также сопротивление различных обществ охраны животных, бичующих подобные методы борьбы с кроликами в Австралии. Надо заметить, что Австралия, в свою очередь, при каждом удобном случае осуждает... бой быков в Испании. Но Испания далеко, а овцы, умирающие от голода из-за кроликов, близко, поэтому протестами любителей животных пренебрегли.

Генеральное наступление на кроликов началось в 1950 году. На этот раз люди воспользовались ядом «1080» (*sodium monofluorocetate*) и вирусом *myxomatosis*, о котором вспомнила миссис Мак-Намара. Страшный запах, доносившийся из ям, от разлагавшихся кроличьих трупов доставлял фермерам куда больше радости, чем самые изыс

канные благовония парфюмерии. Через несколько месяцев после того, как зараженных кроликов выпустили на свободу, пришли сообщения о том, что горы кроличьих трупов находят в местах, отдаленных друг от друга на сотни километров. Значит, кролики заражались не у водоемов, как предполагалось. Смерть шла за ними в облике комара, который, кусая зараженных кроликов, переносил инфекцию на других. Комары разнесли *myxomatosis* по всему континенту и перекинулась на мелкие островки у побережья штата Виктория. Неизвестный потомкам безымянный комар сел даже в самолет, следовавший из Мельбурна в Хобарт, и эпидемия начала уничтожать кроликов, спокойно проживающих на острове Тасмания.

Кролик умер, да здравствует кролик!

Наступила зима, а с ней и опасения, что эпидемия угаснет.

Но когда весной зазвенел первый комар, эпидемия снова начала пожирать свои плоды. Опасались, что вирус может пасть на людей. Трое ученых выпрыснули себе *myxomatosis* — и не заболели.

Зато кролики гибли. За три года — семьсот пятьдесят миллионов! Выпрыскиванием *myxomatosis* австралийской экономике было сделано наиболее эффективное влияние. На острове Воскресения, там, где паслось сто двадцать пять овец, сейчас, после уничтожения кроликов, кормится полтысячи. После массового уничтожения этих зверьков поголовье овец в Австралии возросло на одну треть, а стоимость земель, очищенных от кроликов, достигает шестисот миллионов долларов.

Оптимисты говорят, что человек победил. Пессимисты считают, что кролики нашли противоядие! Как это обычно случается при различных эпидемиях, так и в данном случае отдельные особи оказались устойчивыми к вирусу и пережили мор. Это свойство они передали последующим поколениям, а кампанию по проведению предупредительных прививок провели опять же комары! Они высасывали кровь невосприимчивых к вирусу кроликов и вакцинировали тех, кого кусали позднее. И вот уже зарегистрированы передовые отряды этих грызунов там, где они считались вымершими. Не знаете вы кроликов, говорю я вам, с ними лучше не связываться...

Весной австралийские дома посещает страх. Страх ползет по земле, внезапно атакует, наносит удар или убивает. В Австралии живет около ста сорока видов змей, значительный процент из них — ядовитые, укусы которых смертельны. «Черный список» открывает тайпан. Говорят, что из всех змей на свете только королевская кобра опаснее его. Тайпан достигает трех метров в длину, имеет коричневую окраску. Нападает молниеносно.

В зависимости от степени угрозы, которую представляет яд для жизни человека, австралийцы называют следующих змей: тигровая змея, змея смерти, коричневая и медноголовая змея. Могу признаться, что я с некоторым страхом привожу эти названия, прекрасно отдавая себе отчет в том, какая опасность меня подстерегает, возможно, не столько от змей, сколько от перевода их названий прямо с австралийского диалекта на наш язык. Но я не знаю, существуют ли у нас вообще эти змеи и какие имеются соответствия их названиям, вызывающим ужас. Продолжить реестр змей в Австралии — дело довольно интересное, но рискованное. Итак, там существуют еще змеи: бриллиантовая, ковровая, слоновый хобот, слепая, кукольный глаз, крапчатая. Есть, естественно, и питоны, достигающие пяти метров в длину, которые сначала сдавливают жертву с огромной силой, ломая ей кости, а затем заглатывают ее.

Когда я был в поселке Капива (штат Южная Австралия), в течение дня в непосредственной близости от домов было убито целых сорок змей. В Новом Южном Уэльсе средняя цифра змеиных укусов за год колеблется в пределах полусотни. Предместья Сиднея тоже не свободны от этого бедствия: в районе Доуэр Хейтс коричневая змея проскользнула в кухню одного из домов, другая была убита на улице Дарлингхорст, и все это произошло в течение одной недели.

Профессиональный торговец змеями мистер Кен Морган рассказывает, что его покупатели не только научные лаборатории, заклинатели змей и веселые девушки, которым змеи служат партнерами в затасканном номере кабаре о Еве и яблоке... Последнее время владельцы машин покупают совершенно безопасных бриллиантовых змей, которые отпугивают воров. Злоумышленник, вломивший-

ся в машину, увидев в темноте извивающуюся змею, никогда не вступает в подробное исследование ее породы и не заглядывает ей в пасть, а «берет ноги в руки». Бриллиантовые змеи продаются на метры. Иногда пугало удирает из автомобиля, и тогда начинается погоня. Однажды мистера Моргана вызвали на поимку змеи, которая извивалась вдоль забора аллеи Виклифф в Кемпси. Потеря оценивалась в десять фунтов — уйма денег. У мистера Моргана был при себе метр, и он сразу измерил ее.

Однако невинные истории со змеями не типичны. Во время маневров пехотных войск несколько солдат погибли, неосторожно наступив на змею.

В окрестностях Сиднея живут также ядовитые пауки; с 1920 года они убили двенадцать человек.

Змея и канарейка

Рассказы о змеях вошли в фольклор Австралии. Одни из них опираются на действительные события, но основаны на непонимании некоторых явлений из жизни змей, другие представляют собой обычную фантазию.

Поэт Чарльз Шоу рассказывает: «Мы беседовали у костра перед домом в Буберси. Как почти все беседы, так и эта касалась змей. У каждого нашлось что сказать на эту тему. Рассуждали и о питонах Квинсленда, которые сплющивали железные шкатулки, и о десятиардовых черных змеях с реки Муррей, а у местного повара была припасена история об одной змее из западной части страны, которая так объелась канарейками, что издавала не шипенье, а пела...»

Джон Бойль О'Рейли вспоминает о змеях, которые живут образцовыми супружескими парами и так парами передвигаются. Поэтому, убив одну змею, надо непременно отыскать и уничтожить ее партнера. Иначе вторая может проползти несколько десятков километров, чтобы найти убийцу «и так же неизбежно, как Рок или Смерть, убить тебя, как ты убил ее друга...»

Менее фантастичны, но более драматичны сообщения о борьбе с пресмыкающимися первых поселенцев, для которых змеи были особенно грозным врагом в пустынной местности.

21 января 1883 года на ферме Уонганелла в Новом Южном Уэльсе жену хозяина по фамилии Фрум укусила

тигровая змея. Крики несчастной привлекли людей, работавших в поле. Один из пастухов вскочил на коня и во весь дух помчался за доктором, практиковавшим в поселке за пятьдесят километров, а муж жертвы начал спасательную операцию собственноручно. Он наточил нож, простерилизовал его в пламени очага, а потом вырезал кусок мышцы вокруг укушенного места и втер в рану оружейный порох.

Уже одна эта операция свалила бы с ног любого, но в Австралий тех времен не было места для слабых. Спасители еще заставляли женщину ходить, чтобы не дать ей уснуть. Пока нарочный добрался до поселка, пока нашел врача и уговорил его приехать на место происшествия, прошло двенадцать часов... Это была рекордная для местных условий скорость. Медик сделал уколы нашатырного спирта, единственного тогда средства, которое якобы помогало от укуса змеи.

Кошмарный поход

Врач заставил пострадавшую непрерывно двигаться: нельзя было дать ей уснуть. Кошмарное хождение бедной женщины продолжалось всю ночь: она ходила вокруг собственного дома, поддерживаемая сменяющимися друг друга людьми, которые сами качались от усталости. Оставившись разрешалось только для того, чтобы сделать следующий укол.

На рассвете врач позволил больной сесть на стул, но спать все еще было нельзя... Люди гремели над ее ухом жестяными банками, чтобы прогнать сон... Эта спасательная акция продолжалась до четырех часов, когда было решено, что опасность миновала.

Нет ничего удивительного в том, что, живя под вечной угрозой, австралийцы не переставали искать надежное противоядие от змеиных укусов. Этим пользовалось множество шарлатанов, разъезжающих по ярмаркам. Ловкачи демонстрировали действие рекламируемых препаратов следующим образом: змея, предварительно лишенная яда, кусала их, а они на глазах толпы «спасали» себя своими же «лекарствами». Но даже и они, видимо, недостаточно ловко уходили от смерти, притаившейся в двух зубах верхней челюсти змеи, острых, как игла в щипце. опыты заканчивались смертельными случаями

так часто, что был даже подготовлен проект официального запрещения подобных демонстраций.

Проблема противоядия увлекла и Уильяма Джонсона, того самого, которого воспевают известный народный поэт Банджо (Петерсон), говоря об обязанностях пастухов на реке Укус Змеи.

Уже одно название реки звучит не слишком привлекательно, а Петерсон еще добавляет, что там «кишели ядовитые змеи и одна другую хватала за глотку...»

Так вот, этот Джонсон увидел однажды схватку не на жизнь, а на смерть между тигровой змеей и крупной ящерицей. Последняя победила и, избавившись от врага, поспешно удалилась с места битвы. Джонсон, затаив дыхание, побежал за ней. Он заметил, как животное жадно поедает листья с какого-то куста, и решил, что это действие может иметь только одну цель: укушенная в схватке ящерица спасалась от змеиного яда.

Счастливый исследователь нарвал листьев и отправился в ближайший зоопарк. Там он попросил выдать ему самую ядовитую змею, чтобы на себе испытать действие листьев. Ученые посоветовали ему не торопиться, уговаривая сначала провести опыт на собаках.

Привели двух собак. Общим ввели змеиный яд. Одна из них, Стампи, сразу же получила порцию отвара из листьев, которые нашел Джонсон. Стали ждать результата. Через полчаса Стампи был мертв, а другой пес чувствовал себя прекрасно. Когда исследовали листья, то оказалось, что они содержат страшный яд, по сравнению с которым все змеи мира — невинные творения.

Восемьсот метров змей

В конце минувшего столетия в разыгравшемся драматическом представлении «Человек против змей» принял участие Фредерик Фокс, англичанин, приехавший в Австралию пятнадцати лет от роду. Он поселился в предместьях Сиднея, где теперь находится большой международный аэродром Кнингсфорд Смит. Змей там было великое множество, так что Фокс мог изучать их образ жизни, буквально не покидая двора. Он постоянно носил с собой мешок из-под сахара, который заполнял своей ядовитой добычей.

У него была своя система охоты. Фокс никогда не пытался ловить наиболее опасные экземпляры, если ему сразу же не удавалось захватить противника врасплох. Он говаривал: «Лучше уж змея на свободе, чем Фокс на катафалке». Впрочем, змеи жалили его неоднократно, и Фокс шутил, что он нечистых кровей, в его жилах, дескать, течет и английская кровь, и змеиный яд. И действительно, его организм выработал нечто вроде иммунитета, приобрел определенную сопротивляемость к змеиному яду.

Фокс хотел найти универсальное лекарство от укусов всех видов ядовитых змей, обитающих в Австралии. Его коллекция змей была огромна, достаточно упомянуть, что он одно время держал восемьсот метров живых змей! Они поедали шестьсот живых лягушек в неделю.

Как правило, он держал змей в специальных бункерах, но наиболее ценные экземпляры предпочитал хранить дома! Жена его примирилась со своей судьбой, а когда однажды в отсутствие Фокса ее ужалила змея, то воспользовалась сывороткой, составленной мужем, и осталась жива. Дети тоже привыкли к змеям, поскольку ящички с этими тварями он расставлял под... детскими кроватками. Фокс старался получить помощь от правительства на свои изыскания, но безуспешно.

Однажды его пригласили в Сиднейский музей, чтобы передать исследователю мешок с живой змеей. Даже не спросив, к какому виду она принадлежит, Фокс сунул руку в мешок и вытащил разъяренную змею в метр длиной. Восхищенный великолепием полученного экземпляра, Фокс спрятал змею за пазуху и на трамвае вернулся домой...

Его сыворотка была создана на основе яда, смешанного с вытяжками из определенных лекарственных трав. В 1913 году нашелся один финансист, пожелавший сделать бизнес на этом деле. Он командировал Фокса в Индию, страну, где в то время за год погибло от укусов кобр и других змей двадцать тысяч человек. В присутствии представителей властей начались опыты. Сначала на животных. Принесли в жертву козленка, но Фокс спас его жизнь, введя в организм животного свою сыворотку.

Свидетели эксперимента бросились поздравлять исследователя, но тут внезапно выскользнувшая из ящичка змея набросилась на Фокса. Он не убежал... а спокойно вед-

ставил ей руку. Когда змея ужалила несколько раз, Фокс схватил ее и бросил в ящик, а сам спокойно очистил раны собственным перочинным ножичком и без особой торопливости применил изобретенную им сыворотку.

— На этом, джентльмены, мы закончим наш эксперимент; я должен уйти, так как приглашен на обед, прошу меня извинить, — флегматично заявил он собравшимся, которые еще не успели опомниться от случившегося.

Фокс появился в ресторане точно в назначенное время и сел за стол. Но это был его последний обед. Змея укусила исследователя пять раз, а он заметил и обработал только четыре ранки. Через восемь часов после эксперимента смерть унесла человека, который намеревался одним препаратом одолеть всех змей.

Лекция с происшествиями

В менее отдаленное от нас время, 11 апреля 1956 года, произошел следующий случай с работником скорой помощи в небольшом поселке Тугулаво (штат Квинсленд), мистером Лу Борсерини.

Тридцать сотрудников скорой помощи со всего района прибыли в Маккай на профессиональную учебу. Сегодняшняя тема: «Оказание первой помощи при укусе тайпана». Демонстратор отправляется в бетонный бункер, наполненный змеями.

Он показывает их по очереди, объясняя, чем различаются отдельные виды. На ногах врача высокие защитные сапоги, и он совершенно спокойно передвигается среди пресмыкающихся.

Он начинает выжимать яд из пасти тайпана. Но вот одно неосторожное движение — и змея кусает его так молниеносно, что это замечает только сам демонстратор. Он бросает змею в ящик, показывает слушателям укус и продолжает лекцию. Проходит еще четверть часа, можно считать, что опасность миновала. Тайпан, вероятно, не успел впрыснуть яд в ранку...

Но вы не знаете тайпанов! Когда лектор снова вынул змею из ящика, чтобы все-таки взять у нее яд, он внезапно потерял сознание и рухнул на бетонный пол. Именно в этот момент Лу Борсерини, не задумываясь и не приняв никаких мер предосторожности, соскочил в бункер и, не обращая внимания на кишачих гадов, вынес по-

высшее у него на руках безжизненное тело. Машина скорой помощи помчалась в больницу, где врачи накачали человеку сыворотку прямо в вену, чтобы спасти ему жизнь.

Дом тысячи змей

Итак, в настоящее время существует сыворотка против яда австралийских змей. Лаборатория сывороток Австралийского Союза, находящаяся в Мельбурне, производит пять разновидностей противоядий. Один из главных поставщиков змей — Эрик Уорелль, симпатичный человек с бородкой. Я посетил его ферму в штате Новый Южный Уэльс.

Уорелль содержит у себя в Госфорде тысячу змей. Именно у них он добывает яд, или, как говорят профессионалы, доит змей. С 1950 по 1962 год в Госфорде змей были выдоены шестьдесят тысяч раз, причем зарегистрированы лишь четыре случая укусов людей, занятых этим необычным ремеслом. Эти четыре змеиных очка выиграли исключительно тигровые змеи.

Если вам захочется когда-нибудь развлечься доением змей, я могу дать кое-какие советы из первых рук, как к этому подготовиться. Рекомендую сначала написать завещание, попрощаться с близкими и помолиться. Это мои личные советы. А пока мистер Уорелль сообщает, что змею придерживают на земле раздвоенной на конце палкой, которой ее прижимают, не давая свободно двигаться.

Далее мистер Уорелль быстро хватает змею правой рукой за голову, а левой — за хвост. Возможно, мое описание не слишком точно, поскольку известно, что змея состоит только из хвоста. Во всяком случае, после завершения первой фазы операции, если вы еще, конечно, живы, надо переходить к следующей. Так вот, змее подставляют тонкую резиновую пленку, натянутую на стеклянную банку. Именно в ней, когда разозленная змея укусит, и собирается на дне яд, который затем сушат в вакуумном аппарате и отправляют в Мельбурн. Для получения одного грамма яда надо выдоить десять тайпанов, пятьдесят тигровых змей или полтысячи коричневых. Змеи очень не любят дойки, поэтому на ферме довольно значительная текучесть кадров. Выдоенные экземпляры унич-

тожаются, покупаются новые. Мистер Уорелль — постоянный покупатель. Если вы когда-нибудь поймаете тайпана, высылайте его наложенным платежом. Мистер Уорелль просит только написать на ящике: «Самолетом до Сиднея, оттуда по железной дороге в Госфорд».

Я дал ему возможность убедиться лично, что на меня как на поставщика он рассчитывать не может, и учтиво распрощался.

Находясь на другом конце Австралии, вдали от Сиднея, я узнал, что над этим городом пронесся «вилли-вилли», то есть смерч. Я позвонил друзьям в Сидней. Приехавший из Варшавы молодой адвокат Александр Пасельский сказал мне, что крыша соседнего дома была сорвана, угодила в его квартиру и повредила одну комнату. Потом она соскользнула на улицу, по пути зацепив стоящий под окнами «фольксваген».

— Алек,— кричу я в трубку,— а как Пан?

— Все в порядке, побежал за газетами...

Итак, я хочу вытащить из моего австралийского каталога карточку «Животные». Но не ждите от меня рассказов о кенгуру, эму, утконосах или коала. Это были бы, пожалуй, грустные истории, ведь множество представителей «живых ископаемых» австралийской фауны уже уничтожено, а утконос и коала находятся под строжайшей охраной. Оставшихся в живых коала можно еще увидеть, но только в заповедниках. Они питаются исключительно листьями эвкалипта, поэтому все время либо пьяны от одурманивающих компонентов этого дерева, либо находятся в сильном похмелье. А если к этому добавить, что стихия этих очаровательных сумчатых — ночь, то станет понятно, почему их можно видеть в основном только спящими. Те же, которые пусть нехотя, но все-таки карабкаются по стволам деревьев, вероятно, страдают бессонницей. Они смотрят на публику, посещающую заповедники, с таким же презрением, как оркестранты на посетителей питейных заведений. Ведь этих несчастных созданий зачастую стаскивают с дерева и тискают так, что понимаешь ту безграничную тоску, которую всегда выражают глаза коала.

Вернемся лучше к животным моих австралийских друзей. Так вот, Пан — это симпатичный пудель супру-

гов Насельских. Он не имеет никаких притязаний на цирковую славу, а его образование ограничивается умением подавать лапу и приносить газеты. Утром Пан тащит из садика на второй этаж рулон газет, который почтальон швырнул через заборчик. За доставку Пан получает одно собачье пирожное. Я безрезультатно пытался взбунтовать пса против эксплуатации, когда установил, что он получает тот же гонорар и по воскресеньям, когда газеты весят куда больше килограмма. Подать лапу Пан считает самым надежным средством, оберегающим его от всех житейских неприятностей. Если на улице на него вдруг набрасывается огромный пес, Пан присаживается и трогательно подает агрессору лапу.

Пан любит ездить на машине, тогда ему не угрожают атаки других собак, и он может удовлетворить собственные снобистские капризы. Он садится на заднее сиденье и громко лает, чтобы на него обратили внимание коллеги, прогуливающиеся на собственных четырех лапах. Во всяком случае, все происходило именно так, когда хозяева возили его на старой колымаге, с трудом одолевавшей крутые подъемы Роз-Бей и других районов Сиднея. Наконец Пану удалось уговорить хозяев купить новую машину. Наверное, он воображал, что соседские псы лопнут от зависти. Однако, вручая супругам Насельским ключ от новой машины, продавец искося посмотрел на собаку, которая вместе с хозяевами выбирала цвет, и сказал:

— Я бы советовал не впускать в автомобиль собачку, она обдерет обивку в салоне...

Хозяева последовали совету продавца. А Пан держится по-мужски — и вида не подает, какая это для него трагедия. Но он провожает машину далеко за границы своего квартала. На прямой Пан не может настичь ее, зато наверстывает на поворотах. Его коллегам такая погоня не по вкусу. С состраданием смотрят они, как запыхавшийся Пан мчится за автомобилем. Такова собачья жизнь.

Лающий попугай

В Кэрнсе, в тропической части Австралии, в доме мистера Леона Кулаковского настоящий зверинец. В ванне, рядом с душем, живет даже огромная зеленая ля-

гушка. По вечерам она появляется в гостиной. Там на потолке, рядом с лампой, у нее собственный бар, работающий по принципу самообслуживания: лягушка поедает аппетитных москитов, мух и бабочек. По полу бегают пять китайских пинчеров. Один чистой породы, а остальных следовало бы, пожалуй, отнести к типу сторожевых. Их размеры определил не столько местный климат, где все растет очень буйно, сколько известный соседский соблазнитель собак. Каждый вечер всю пятерку тщательно осматривают, чтобы обнаружить клещей, настолько опасных, что, если их не удалить вовремя, может наступить паралич и смерть животного. Лай всей этой псарни вдохновлял старого попугая супругов Кулаковских, который после ухода хозяев на работу обычно сидел на суку дерева перед домом. Можно вообразить себе ужас жуликов, забравшихся на участок, когда они неожиданно услышали бешеный лай собак, который раздался к тому же из листвы высокого дерева...

В настоящее время перед домом разгуливает молодой попугай, который сам зовет себя по имени, без конца приговаривая:

— Хелло, Джордж, хелло, Джордж!

Два раза в день миссис Кулаковска подвязывает на шею юному попугаю нагрудничек и запикивает ему в клюв овсянку и другие вкусные вещи. С окрестных деревьев раздаются громкие комментарии сказочно ярких диких птиц, которые больше всего ценят свободу, тем более что совершенно безнаказанно могут таскать из мисок у собак и попугаев лучшие куски.

Однажды к Кулаковским приехал гость, молодой австралиец, демобилизованный из армии после службы на Малайях. Поздно ночью у него начался сильный приступ малярии. Измученный и ослабевший, грелся он на следующий день на солнышке. Внимательно приглядевшись к оперению разгуливавшего по двору попугая, гость изрек:

— George is a lady³⁵.

Известие о том, что Джордж — барышня, вызвало в доме естественное замешательство. Выход можно было найти только переименовав птицу в Джорджину. Однако по-

³⁵ Джордж — леди (англ.). — Прим. пер.

пугайха не хотела понять, почему ей изменили имя, и поправляла нас, в отчаянии стараясь всех перекричать:

— Хелло, Джордж, хелло, Джордж!

Как-то раз мы заметили, что Джорджина вся усыпана блохами, да так, что у нее даже перья шевелились, и привезли из города средство для уничтожения насекомых. Джорджину искупали, и, когда она обсохла на солнце, насекомые исчезли.

Вечером этого дня нас навестил капитан Честермен, командир корабля «Кейп Мортон». Ему рассказали, как удалось избавиться от блох попугайху.

— Это очень плохо, что вы вывели их,— заявил капитан.

Огорченные, мы попросили его разъяснить нашу ошибку.

— Раньше у попугая клюв был занят постоянной работой, он целый день искал насекомых. А теперь ему будет скучно, бедная птица...

Муха в бутылке

Австралийские овчарки келпи необыкновенно сообразительны. Говорят, что такая собака может загнать муху в откупоренную бутылку. У этой породы в крови инстинкт загонять овец; они повинуются свисту и другим «условным» знакам пастуха многотысячного стада, который зачастую не вылезает из вездехода. В Австралии регулярно устраиваются конкурсы на сообразительность овчарок.

В начале нашего столетия знаменитые скотоводы братья Кинг, собаки которых получили множество наград на выставках, совместно с неким Мак-Леодом демонстрировали достоинства своих овчарок следующим образом: они заставляли их загонять курицу в банку из-под мармелада.

Смышленость животных иногда ведет к конфликтам. Мистер Абламович, инженер из Ясс, однажды нашел на дороге полуживого щенка келпи. Он выходил его, и собака необыкновенно к нему привязалась. Когда мы гуляли по Сиднею, она всегда останавливалась на перекрестках и ждала у светофора, когда мы подойдем.

— У меня с ней постоянные неприятности, приходит-

ся держать собаку на привязи, когда я езжу на разведку нефти в пустыню, — сказал мне этот бывший пилот РАФа.

Было непонятно, зачем надо держать пса на цепи в пустынном месте, когда он в многолюдном городе не доставляет никаких забот.

Оказывается, когда начинается бурение и инженер Абламович занят своими делами, песик отправляется на дальнюю прогулку. Ее цель — найти приличное стадо овец, которое пощипывает себе травку. Пес берется за дело и с пзществом пригоняет на буровую все стадо. Никто никогда не учил его этому искусству — откуда бы...

— Поднимаю глаза от пробных скважин, смотрю — на горизонте туча пыли, в туче виднеется большое стадо овец, которое собачка ловко ведет прямо на мою палатку. Вслед за овцами скачет владелец стада и всеми словами клянет меня за то, что я научил своего пса заниматься грабежом, — пожаловался мне, правда не без некоторой гордости, хозяин умного животного.

Австралийцы из буша, обожающие своих келпи, рассказывают любому, кто готов их слушать, о достоинствах этих собак. Говорят, однажды в пивной кто-то поведал совершенно невероятную историю о своем верном четвероногом друге. Пес якобы мог отличать стриженных овец от тех, что еще не побывали у «овечьего парикмахера». Более того, показывал своему хозяину больных животных, чтобы отделить их от остального стада, за несколько десятков миль бегал за почтой, сам находил удобные места для стоянок... Сейчас он ждал своего хозяина в машине перед пивной.

— Если это действительно такой гениальный пес, что же ты не пригласишь его сюда, мы бы с ним немножко выпили?

— Как бы не так, нашьется еще — кто тогда поведет машину?

К вопросу о почесывании

В Перте, в Западной Австралии, в доме супругов Табачинских множество кошек. Кошка необыкновенно снисходительна к хозяевам, которые ей принадлежат. Она мирится с тем, что ночью, когда всякое порядочное существо выходит на охоту, люди идут спать. А вместо того чтобы спать днем, они крутятся по дому и злятся,

когда точишь когти о кресло или другой предмет, подходящий для этого важного дела. Люди часами смотрят телевизор, в то время как кошка не видит там ничего достойного внимания, даже когда демонстрируются приключения Микки Мауса. Люди такие странные.

Я лично подружился с одной кошкой, которую прежние хозяева перед отъездом из Перта хотели усыпить. Почесав ее за ухом, я услышал, как кошка включила аппарат для мурлыканья, что по отношению к новоприбывшему всегда служит знаком особого расположения. Миссис Табачинска спасла животное от смерти, и кошка очень почитает ее. Зато вспоминая своих старых хозяев, кошка призналась мне однажды, что целиком разделяет мнение Оскара Уайльда, который считал, что, создавая человека, господь бог переоценил свои силы...

Из знакомых собак мне необыкновенно симпатичен боксер по имени Ода, дама необыкновенной красоты. Если бы я был псом, то влюбился бы в нее без памяти. Шерсть у нее самая красивая во всем штате Западная Австралия, глаза — сама верность; мне она дружески помахивает обрубок хвоста, тогда как обычно бросается на чужих людей. Правда, я знаю тайну боксеров: весь вечер я чесывал собаку прямо под выпуклым лбом — есть там такое углубление, которого ни один пес не достанет собственными лапами. Наверное, чесание было и вправду высокого качества, если часов в пять утра меня разбудило страстное сопение. Это, опершись передними лапами о край кровати, ждал меня боксер. Спросонья я уж совсем было собрался рывкнуть на собаку, да не позволила совесть. Ее глаза говорили, что я не должен отказать ей в этом маленьком удовольствии.

Получив свое, она облизала мне руку и вернулась к своим обязанностям, то есть в комнату сынишки Табачинских, потому что считает себя мамой малыша. В ее понимании, это маленький щеночек, который очень медленно растет. Ее собственные дети уже давно вступили в жизнь на своих нетвердых лапах. А это дитя все еще крутится дома! Собака любовно и бескорыстно ухаживает за ним. Ну разве иногда, когда мальчик был еще очень мал и, путешествуя по дому, засыпал на подстилке боксера, Ода необыкновенно деликатно вынимала из его кулачка конфету и угощалась, даже не разбудив владельца. Конечно, она прежде всего заботилась о том,

чтобы спящий ребенок не подавился лакомством. Надеюсь, вы не подозреваете ее в алчности?..

Все это совсем не означает, что у австралийцев не бывает огорчений из-за животных. Я был как раз в Калифорнии, когда там происходили международные соревнования по прыжкам лягушек. Лучшие спортсмены прибыли самолетами из разных стран мира. К сожалению, спортсменку, которая прыгала под цветами Австралии, дисквалифицировали, так как она оказалась жабой. Я не смог установить, отослали ее домой или выпустили на ближайшем лугу...

Люди и людоеды

Я несколько раз отправлялся на ловлю акул вместе с мистером Феликсом Писаревским, в прошлом боксером одной из варшавских команд, уже более двадцати лет проживающим в Сиднее. Всю неделю он много работает, а по воскресеньям отдыхает на своей великолепной яхте.

Яхта стоит на якоре у причала, принадлежащего одному весьма изысканному клубу. В прилепившемся к скале домишке, обставленном с элегантною простотою, члены клуба потягивают разные крепкие напитки, беседуют в кругу друзей, а иногда даже выходят на большую воду, что следует понимать буквально.

Каждый, кто в Сиднее имеет приличную лодку, может охотиться на акул. Выловленных морских чудовищ привозят на берег, где взвешивают на больших весах. Рекорды дня тщательно записываются, толпы людей наблюдают это зрелище, наслаждаясь видом безопасных теперь морских страшилищ. Впрочем, и здесь надо соблюдать осторожность. Известны случаи, когда акулы оказывались живы и через тридцать часов после извлечения их из воды; лишь удачно пущенная пуля крупного калибра может прервать акулю жизнь.

Когда я сообщил мистеру Феликсу, что вновь собираюсь в Австралию, ответ был лаконичным: «Непременно приезжай, акулы и девушки уже ждут...»

Это был намек на очаровательных девушек, которые охотно соглашались участвовать в экспедициях за акулами-людоедами. Термин — весьма вольный, так как в водах Австралии водится сотня видов акул: от вызывающей ужас «Белой Смерти» до совсем безопасных.

Наши путешествия никаких тайных целей не имели. Обычно сразу же после выхода из залива в открытое море прелестные девушки не возбуждали никакого другого чувства, кроме бесконечного сострадания. Волна в этих местах очень высокая, и яхту порядком качает. Правда, обаятельный хозяин умел смягчить даже морскую болезнь; в этих путешествиях все, кроме акул отлично могли отдохнуть. Стремление к исторической правде заставляет меня подтвердить, что и акул никто из нас особенно не терзал. Несмотря на вылитые в море ведра бычьей крови, акулы обычно игнорировали как нас самих, так и цель нашего путешествия.

На этот раз мои приготовления к отъезду несколько затянулись, так что, когда я наконец прилетел в Сидней и позвонил другу, мистер Феликс набросился на меня с упреками. Я узнал, что из-за моего опоздания он понес существенные убытки, потому что акула, привязанная за хвост к столбу в порту, жрет только бифштексы по-татарски, а девушки, которых он тоже держит наготове, не желают пить ничего, кроме шампанского...

Может показаться, что мистер Феликс в этих путешествиях больше ценил приятную компанию, чем думал о преждевременной смерти акулы. А между тем он непримиримый враг акульего рода. Он участвует в изысканиях химических средств против акул и считает серьезной опасностью, которая подстерегает людей в глубинах австралийских вод.

«Белая Смерть» бросается в атаку

Сэр Виктор Коплсон, австралийский знаток акул, заявляет, что страх перед акулами, опирающийся на примитивные выдумки, принял в наше время самые широкие масштабы.

Это вовсе не означает, что он пренебрегает опасностью. Хроники полны сообщений о нападениях акул. Австралийские города, а вернее, целые штаты держат на жалованье профессиональных охотников на акул так же, как в европейских городах следят, чтобы бездомные собаки не угрожали здоровью людей. Штат Квинсленд имеет двух профессиональных ловцов акул, которые получают двести пятьдесят австралийских фунтов в неделю плюс по два фунта с каждой акульей головы,

Ловлей занимаются отец и сын, Кирилл и Брус Харрисы из Гампльтона, которые раньше ловили креветок, а потом перекинулись на более крупную добычу. Дела идут хорошо; за десять дней они убили сто сорок одну взрослую акулу и двести тридцать акульих детенышей. Точно зарегистрировано, что только три взрослые акулы были меньше четырех метров. Рекордным был день, когда они убили сорок пять акул.

Майк Горшенин имеет договоренность с правительством штата Новый Южный Уэльс, которое платит ему двадцать тысяч австралийских фунтов в год за охрану от акул посетителей пляжей в Сиднее, Ньюкасле и Вуллонгонге. Это не такое простое дело; в Сиднее в погожие праздничные дни на морские пляжи выходят сотни тысяч людей. Именно тогда внезапно и является смерть...

На пляже в Колдейле, в пятидесяти километрах южнее Сиднея, спасатель Рей Джойс услышал крики о помощи. Он увидел, что метрах в двадцати пяти от берега неподвижно стоит какой-то мальчик. Тринадцатилетний Реймонд Шорт купался вместе со взрослыми, как вдруг остался совершенно один: все убежали. Спасатель, бросившийся к мальчику, пытался его успокоить, но тот продолжал истошно кричать:

—Моя нога, смотрите, моя нога!

Спасатель наклонился, чтобы посмотреть, что случилось, и увидел, что в замутненной воде лежит акула «Белая Смерть», около трех метров в длину, и держит в зубах ногу мальчика... Необычная ситуация потребовала и необычных действий. Джойс с четырьмя коллегами из спасательного патруля стали сначала кулаками, а затем доской лупить акулу, но рыба не пожелала отказаться от своей добычи.

Убита и разрублена на куски

Решение было принято молниеносно: морскую разбойницу и ее жертву необходимо вынести на берег. Трое мужчин тащили акулу за хвост, а остальные помогали мальчику и держали ее челюсти, чтобы не дать защелкнуться пасти с невероятно острыми зубами и таким образом завершить начатое, откусив ребенку ногу!

На берегу акуле разжали челюсти с помощью деревянных колышков, парнишку завернули в одеяло, и ма-

шина скорой помощи отвезла его в больницу. Три врача были наготове и немедленно приступили к операции. Несмотря на настойчивые уговоры, спасатели не пошли отдыхать, хотя и находились в состоянии шока после страшного напряжения. Восемь часов прождали они на скамье рядом с операционной, пока измученные врачи не сообщили, что после бесчисленного количества переливаний крови и швов мальчик не только останется жив, но и будет ходить на своих собственных ногах...

Реймонд Шорт пришел в себя через тридцать часов после операции. Его первый вопрос был:

— Акулу убили?

— Убили и зарубили на куски, — ответили ему.

Это первый случай, когда акула была поймана сразу после нападения на человека. Предполагают, что она была ранена и приливом ее выбросило на пляж.

Я много раз наблюдал в море акул, атакующих различные цели, но никогда не видел, как они бросаются на людей. Известный австралийский журналист польского происхождения Евгениуш Байковский рассказывает: «Акулы высоко ценят *homo sapiens* в своем, в общем, довольно непритязательном меню. Летом акулы особенно опасны. Голодные и быстрые, подilyвают они к самым пляжам и могут схватить жертву даже на глубине чуть ниже пояса. Австралийцы, как правило, никогда не забывают о такой опасности. Поэтому купаются только днем и только на охраняемых пляжах, которые снабжены прекрасно налаженной системой предупреждения об опасности и спасательной службой. Ночью купаются только в бассейнах. Против акул ставят сети — ежедневно, после наступления сумерек. Каждый день утром вытаскивают из них по несколько запутавшихся хищников. В акул стреляют с прибрежных скал...»

Акула и реклама

Я хотел бы добавить от себя, что лучшей системой предупреждения акулей опасности обладает сиднейская радиостанция «2SM», которая занимается передачей радиорекламы. На собственные средства она посылает самолеты, которые летают низко над поверхностью моря и в случае обнаружения акул в непосредственной близости от пляжа передают сообщение на студию, а послед-

няя транслирует их в эфир. Другими словами, каждый, кто не хочет быть проглочен акулой, сам вынужден глотать колоссальные дозы рекламы, которую беспрестанно передает эта радиостанция. На пляжах маленькие транзисторы настроены преимущественно на эту станцию, которая смело может считать, что акулы поставляют ей клиентов, хорошо оплачивающих каждую минуту передачи рекламы...

Разумеется, каждому понятно, что никакая служба предупреждения не заменит надежного средства от акул. Но где его взять?..

Дэвид Десбаркс рассказывает, как в прекрасный солнечный день вблизи одного из австралийских пляжей можно было увидеть странную картину.

Доктор Стэн А. К. Уотсон посмотрел на свой хронометр и подал условный знак. Тогда его ассистент выпустил гарпун в сторону серой массы, едва заметной в море. Вода забултыхала, на лебедку стали быстро наматывать шнур от гарпуна, пока не вытащили на берег крупную акулу-людоеда.

Доктор Уотсон приложил стетоскоп к скользкому боку неподвижно лежащей рыбы.

— Сердце еще бьется,— сообщил он собравшимся.

Через несколько минут ученый нажал кнопку хронометра, останавливая секундную стрелку, равномерно описывающую круг на циферблате.

Корзиночка с завтраком

— Господа,— сказал Уотсон,— акуле был нанесен удар за полминуты, восемь минут мы ждали ее смерти, таким образом, эксперимент можно считать удачным...

Еще один этап борьбы человека с акулой был завершен.

Много лет морской флот Австралии ведет исследования в этом направлении. Опытная лаборатория весьма просторна, она называется Тихий океан... Этим вопросом занимаются не только военные; со времени окончания второй мировой войны акулы погубили у берегов Австралии более ста человек. Постоянная «игра» с акулами-людоедами в кошки-мышки опасна. Обратились к ученым с просьбой что-нибудь предпринять.

Сэр Виктор Коплсон считает, что наиболее опасно для человека купаться поблизости от устьев рек, особенно после окончания сезона дождей. В этих местах мелкая рыбешка поджидает корм, который выносят воды реки, за ней появляется более крупная, поедающая эту мелочь, далее размеры рыб и их алчность растут до тех пор, пока на конце этой нормальной в природе цепи не появляется акула, чтобы пожрать последних в ряду победителей. Ученый предупреждает, что акул особенно привлекают аквалангисты с их убитой острою добычей — кровоточащей рыбой. Не рекомендуется также свешивать из лодки в воду ноги, потому что плеск от них воспринимается акулами как конвульсии раненой рыбы.

В очень старой шутке говорится о том, как одна дама осрамила рассказчика, похвалившегося тем, что он бросился на грозную акулу с ножом:

— Фи, милорд, где это слыхано, чтобы ножом резали рыбу!

Так вот, сэр Коплсон того же мнения. Он считает, что значительно лучшим оружием, чем нож, является увесистая дубина, которой нужно лупить акулу по носу — это единственное чувствительное место людоеда.

С ним согласен и доктор Уотсон. Он добавляет, что кожа акулы необыкновенно толста и удар палкой по тыльной части головы для нее значительно более опасен, чем удар ножом. Эта теория звучит вполне убедительно, хотя я не совсем уверен, что испуганный пловец сумеет нацелиться в нос или в заднюю часть головы акулы, когда та нападет на него в море.

Такого же мнения, должно быть, был и сам Уотсон, поскольку его работы направлены на создание гарпуна с отравленным острием. Точнее говоря, он сделал в острие углубление, а в нем поместил отраву, заключенную в капсулу из парафина. Теперь оставалось установить, какой препарат окажется самым надежным. Ученый знал, что для такого холоднокровного животного, каким является акула, необходима доза яда, в сто раз большая, чем для животного такого же размера, но с теплой кровью.

В каждую опытную экспедицию против акул Уотсон брал в свою моторку корзиночку с ампулами, содержимое которых могло погубить целые города с многомиллионным населением. Любопытным он отвечал, что в корзиночке держит завтрак... С упорством Лукреции Борд-

жиа³⁶ он испробовал на акулах множество смертоносных ядов: но эти морские «подопытные кролики» продолжали пребывать в добром здравии...

Этикетка — но какая?

Однажды в 1961 году Уотсон «нашпиговал» гарпун отравой из своей кошелки, нырнул и тут же наткнулся на четырехметровую акулу. Рыба бросилась в атаку, но пловец успел пронзить ее своим гарпуном. Акула попыталась всплыть на поверхность моря, но тут вдруг перевернулась брюхом кверху и пошла ко дну... Обрadowанный доктор Уотсон вскарабкался в моторку, чтобы посмотреть, каким препаратом он убил хищника. Однако оказалось, что из-за высокой влажности морского воздуха все этикетки отклеились и вперемешку валялись на дне корзины!

Пять долгих месяцев прошло в попытках исправить оплошность, пока не удалось установить, что молниеносно убивает акулу нитрат стрихнина при дозе семь миллиграммов. Ученый предусмотрительно стал покрывать свои «снаряды» толстым слоем вазелина, так как этот яд, растворенный даже в массе морской воды, может оказаться опасным для жизни пловцов, находящихся поблизости.

Официальный публичный эксперимент с новым препаратом был проведен на пляже неподалеку от Балморала. С воздуха заметили большой косяк акул. За несколько минут три пловца убили отравленными гарпунами сорок штук. Среди них были экземпляры особо опасного вида, которые атакуют молниеносно, не поворачиваясь брюхом кверху, как это делают другие акулы.

Массовое истребление акул явилось большим шагом вперед в борьбе с бедствием австралийских вод. Но пришел ли конец всем подводным опасностям? Чтобы быть совершенно спокойным, можно, пожалуй, последовать лишь совету сэра Виктора Коплсона, который сказал, что, «если хочешь быть уверенным на сто процентов, что тебя не тронет акула, не лезь в воду!»

³⁶ Лукреция Борджиа (1480—1519) принадлежала к аристократическому семейству, которое, стремясь подчинить Италию своей власти, широко применяло подкуп, убийства и отравления.— *Прим. ред.*

ЭЛЕГИЯ НА ЖИЗНЬ КИТА

Окрестности города Олбани (штат Западная Австралия) знамениты пшеницей, фруктами и картофелем. Более полутора веков прошло с того дня, когда его превосходительство капитан Джордж Ванкувер завернул сюда и воспользовался удобной естественной гаванью. Здесь запасались когда-то углем быстроходные почтовые корабли, связывающие Австралию с Британскими островами, сейчас через порт идут грузы мороженой баранины, отсюда вывозятся благородные сорта дерева. В радиусе сотни километров ученые-ботаники насчитали целых три с половиной тысячи видов дикорастущих великолепных цветов.

Таков облик этого края для нас, людей. Однако если в мрачных глубинах океана киты исповедуют какую-нибудь религию, то я твердо убежден, что именно в Олбани помещается китовый ад. Сразу за городом, в заливе Френчмен, дымятся большие котлы. Здесь поджаривают мощные туши самых крупных млекопитающих нашей планеты.

Нет, мы не говорим о грешниках. Похоже, что единственной причиной «вины» кита явилось использование человеком его жира в промышленности. Морская вода содержит растворимые минеральные соли, которые входят в пищу невидимых простым глазом микроскопических растений; за ними, в свою очередь, охотятся крошечные живые существа. Эти крошки становятся добычей креветок и так далее, и так далее, пока не дойдет до кита. Тогда появляется человек, который убивает кита, а из его жира получает глицерин. Последний в соединении с другими материалами образует взрывчатые вещества, которые изобретательные люди применяют для разных целей. Раньше из китового жира приготавливали свечи, горевшие во славу господина как в придорожных часовенках, так и перед алтарями храмов с остроконеч-

ными башнями. Жир, вытопленный из колосса морских глубин, освещал жилища до того времени, пока не появились керосиновые лампы. От крупного кита получают сырье для производства четверти миллиона кусков мыла. Китовый ус поддерживает стройность женщин всего мира. Натянутые на него ткани создают «парижскую фигуру». Все это рассказывал мне Йоганн Дайзруд во время беседы на борту корабля-базы «Космос-IV» в Сандефьорде (Южная Норвегия). С 1920 года ходит он на китовый промысел в район южного тропика.

Майские дети

Сандефьорд живет промыслом китов. Отсюда уходят норвежские китобойные флотилии. Они отплывают в октябре, а возвращаются всегда в мае. Весь город собирается в порту, чтобы приветствовать китобоев, лучших из лучших. Как обычно, в мае цветет сирень, и, как обычно, после долгой разлуки сильнее бьются сердца светловолосых женщин, мужья которых возвращаются из дальнего рейса. Именно поэтому в Сандефьорде большинство детей появляются на свет в феврале или марте: в эти месяцы местный родильный дом всегда переполнен. Возможно, что теперь здесь кое-что изменится, потому что в последнее время норвежцы начали переоборудовать корабли-базы на транспортные суда для доставки из Германии автомобилей марки «фольксваген» в Соединенные Штаты. Такие рейсы, конечно, значительно короче. Намного спокойнее жилось китам во время войны, когда люди ожесточенно истребляли друг друга и из сорока одного судна-рыбозавода двадцать восемь пошли ко дну.

Как норвежцы из Сандефьорда охотятся за китами, так и я много лет охотился за возможностью описать китобойный промысел. Вступительный курс перед репортажем я прошел у Курта Сейерстедта в Норвегии, на родине современного китобойного промысла. Дьявол в китовой мифологии имеет, наверное, облик некого Свенда Фойна, который в 1973 году разработал способ стрельбы гарпуном из пушки.

Следующим моим учителем был Эдвард А. Стэкпол, хранитель музея в Майстике (штат Коннектикут, США). Долгие часы корпел я над оригиналами записей американских китобоев, которые были постоянными гостями

у берегов Австралии. В Салеме я искал не свидетельства о процессах ведьм, а глотал книги, где рассказывалось о мужественных людях, которые на деревянных судах отправлялись на край света за огромными млекопитающими. В Нью-Бедфорде (штат Массачусетс) я видел сохранившиеся до сих пор котлы «китового ада», куда бросали когда-то колоссов, раскроенных на куски чудовищной величины, которые на профессиональном языке назывались «листочками Библии». У китобоев существует много терминов, заимствованных из религиозных текстов. Собственниками кораблей часто бывали богобоязненные кватеры. До наших дней сохранились инструкции, которые они составляли для капитанов: «Мистер Старбак, не забывайте о молитве, прошу также присмотреть, чтобы плотник берег заклепки. Люди, не занимайтесь промыслом слишком усердно в праздник Господень, однако если случится к тому оказия и в этот день, то промышленяйте также и в воскресенье, в противном случае может показаться, что вы пренебрегаете дарами божьими...» Преподающий Генри Т. Чивер в своих записках, озаглавленных «Кит и охотник», тоже сетует, что моряки бьют китов по воскресеньям. Его приводит в отчаяние повсеместное употребление китобоями непристойных ругательств.

Я осмотрел прекрасно сохранившееся китобойное судно «Чарльз В. Морган», которое восемьдесят четыре года служило для промысла огромных животных, главным образом в австралийских водах. За это время оно совершило тридцать девять рейсов, то есть в среднем подобная экспедиция продолжалась двадцать семь месяцев!

Это очень существенная деталь, если учесть, что на судне было двадцать восемь человек экипажа, ютившихся в тесных каютах. В первой половине прошлого столетия владельцы американских судов специально подбирали экипажи китобойцев так, чтобы они были как можно пестрее. Рассчитывали на то, что заговор или бунт маловероятны там, где служат люди с разным цветом кожи, принадлежащие к различным национальностям. Многие китобойи американских судов впервые видели свой корабль, находясь уже в открытом море, вдали от суши. Они приходили в себя от винных паров после пьянки в трактирах или публичных домах, владельцы которых подрабатывали поставкой матросов на корабли, обреченные на долгие годы скитаний в поисках китов...

Всего на борту этого корабля побывала тысяча мужчин, которые по очереди служили владельцам судна, и, несмотря на особый подбор кадров, на «Чарльзе В. Моргане» было поднято несколько бунтов. Кроме того, его выбрасывало штормом на берег, разбивало ураганом, и несколько раз в него попадали молнии. Сплоченность экипажа обуславливалась не только общей опасностью, но и заинтересованностью в прибыли — как это практикуется на австралийском китобойном промысле до нынешнего дня. Ведь за каждое убитое животное китобой получают премию.

Не так уж много существует профессий на земле, так захватывающих людское воображение, как китобойный промысел. Мне наверняка не удастся вскрыть причины этого явления, но, возможно, нас увлекает элемент азарта, который всегда присутствовал и сохраняется по сей день при охоте на самого крупного животного в мире.

На заре американского китобойного промысла у берегов Австралии китов атаковали с маленьких кедровых шлюпок, которые спускали с корабля в открытом море. Кит, раненный гарпуном, брошенным вручную с близкого расстояния, пытаясь спастись от охотников, тянул за собой шлюпку.

Иногда кит переходил в контратаку. 10 ноября 1965 года было опубликовано сообщение ТАСС о том, что в северной части Тихого океана крупный кашалот, раненный гарпуном, внезапно повернул к кораблю и изо всей силы ударил в борт советского китобойного судна «Циклон», которое едва не перевернулось вверх килем.

Раньше, когда на китов охотились в полном смысле слова на деревянных скорлупках, подобные атаки часто кончались трагически. В 1821 году китобойное судно «Дессекс» спустило шлюпки поблизости от острова Питкэрн, чтобы приступить к охоте, как вдруг крупный кит внезапно нанес ему удар такой силы, что разбил корабль...

При огромном риске охоты на китов страховые ставки были очень высоки. Банк в Майстике, скромное здание которого существует и поныне, часто настаивал на страховых ставках, достигавших во время войны тридцати процентов стоимости груза. В то же время он соглашался выплачивать причитающиеся суммы... ромом...

Китобойный промысел в Америке убила нефть. Ее было легче добывать, чем китов, она была дешевле и давала больше доходов. Последний удар китобойному промыслу нанесла гражданская война. Только крейсера «Алабама» и «Шенэнд» послали ко дну полсотни китобойных судов Новой Англии, тридцать семь других командование направило в Чарлстон и Саванну и там затопило, чтобы помешать вторжению в эти порты.

Человек, отправлявшийся в морское путешествие, должен был в борьбе со стихией надеяться только на самого себя. Мир быстро признал моряков людьми особой породы. Море стало наезженной дорогой, а те, кто отваживался отправиться в неизвестность, нашли свое место на страницах истории. Именно китобой были первопроходцами, они открывали новые морские пути, первые появились на островах Южных морей, где до них никогда не видели белого человека.

Нет никакого сомнения в том, что «Чарльз В. Морган» — бесценное свидетельство истории китобойного промысла. И хотя не слышно уже прежнего крика из бочки на мачте и громкие команды не поднимают экипаж, гордый корабль не утратил достойного облика.

В Нантакете жива память о китобое по фамилии Чарльз Грант, который провел в море пятьдесят шесть лет; тридцать из них его сопровождала жена. Он умер в возрасте девяноста одного года и девяти месяцев! Из Нью-Бедфорда уходил в плавание капитан Джордж Тилтон, известный своим переходом протяженностью в пять тысяч километров через снежную Аляску, когда стоял вопрос о спасении жизни двум сотням людей с четырех китобойных судов, затертых во льдах Арктики. Он говорил о себе как о единственном китобое, вернувшемся домой из рейса... пешком.

Иона ³⁷ из Люблина

Когда я сдал экзамен по теории, наступила очередь практических занятий — на австралийской китобойной флотилии.

³⁷ Иона — в библейской мифологии пророк, выброшенный за неповиновение богу Яхве в море во время бури. Будучи проглочен китом, он пробыл в его чреве три дня и три ночи, после чего морское чудовище выплюнуло его на сушу.— *Прим. ред.*

В Олбани проживают двести пятьдесят польских семей. В это воскресенье, во второй половине дня, я выступал в роли болельщика на футбольном матче, в котором принимал участие местный клуб «Полония». Однако меня не очень увлек кожаный мяч, который футболисты безжалостно гоняли по зеленой травке: сегодня вечером я должен явиться на борт китобойного судна «Чейнз III», чтобы выйти на промысел.

Мистер Вацлав Козинец, родом из Люблина, сейчас исполняет роль дьявола, помешивающего в котле «китового ада». Прямо на берегу лежат вздутые туши кашалотов; их блестящая кожа разодрана в нескольких местах, и оттуда выглядывает обнажившийся белый жир. На убитое животное обычно набрасываются акулы, они всплывают из глубин, чтобы вцепиться своими страшными зубами в тело гиганта, который уже не может защищаться.

Мистер Козинец — современный Иона. Когда очередную жертву втягивают по слипу прямо в котел, механической пилой вспарывают брюхо кита, и мистер Козинец входит в его чрево. Он выбрасывает оттуда крупных осьминогов, на которых кит охотится на большой глубине в стране вечного мрака; на бетонную плиту шлепаются еще не переваренные могучие пупырчатые щупальца головоногих. Их попуганчи клювы печально опущены, как бы свидетельствуя о вечном фатализме природы. Охотник сам стал добычей. Пожирающий сам сожран. Еще не найден способ использовать запах кита — кроме него, используется все. И белый жир, и темное мясо, напоминающее по вкусу говядину, — все идет в котел. Из костей получают костную муку, из толстой кожи — искусственные удобрения, различные отходы идут на корм для скота, жир уже не освещает жилища, но из него изготавливают маргарин.

Похоже, что в этой ситуации — «съедай или будешь съеден сам» — победителем всегда будет человек. Именно он швыряет огромные куски, на которые расчленен кашалот, в разверзшиеся прямо под ногами люки огромного котла, где в «китовом аду» вечный огонь пожирает «тела грешников».

Но бывают исключения. Однажды Вацлав Козинец споткнулся и соскользнул прямо в большой котел. Каким-то чудом он удержался на огромном куске еще не

растопившегося жира. Прошло около минуты, пока товарищи вытянули его теми же крюками, которыми он сам до этого цеплял туши тысяч кашалотов. Санитарный самолет немедленно вылетел в столицу штата — Перт, где современному Ионе целыми кусками пересаживали кожу вместо его собственной, спаленной «адским огнем». Долго лежал он без сознания, прежде чем смерть отступила от китобоя. Он сам вернулся в свой домик на Грей-стрит в Олбани, но теперь уже не ходит на промысел, работает на базе, бродит в чреве китов и снова балансирует на стенке котла. Козинец является на работу рано утром, его механическая пила стучит до тех пор, пока не скатится в «ад» последний кит, подтянутый к берегу кораблями флотилии. Обычно это бывает уже в конце дня, а то и поздно вечером, но мистер Козинец, как правило, не возвращается домой, а идет «подхалтурить»: он ловит молодых акул и потом поставляет их в магазины по три шиллинга за фунт. «Это хорошее мясо», — говорит он. Итак, человек ест акул, пожирающих китов, а иногда даже человека. Я ем, ты ешь, он ест — мы все едим... Трудно установить, кто кого ест и в какой последовательности.

Последний кит-горбач

Мистер Козинец вытащил из шкафа свою старую одежду китобоя, и я получил три толстых свитера, которые надеваются один на другой, как луковая шелуха, две пары шерстяных носков, толстые штаны, две пары шерстяного пижмого белья, высокие резиновые сапоги и теплую шапку. Нет, жарко не будет: рейс-то предстоит в направлении Южного полярного круга!

Перед тем как я поднялся на борт корабля, меня критически осмотрел Росс Фримен, капитан всей флотилии. Я узнал от него, что теперь промысляют только кашалотов, последний горбач отправился в котел 17 июля 1963 года. Мистер Козинец проводил меня на «Чейнз III», нашел удобное местечко, вверил меня заботам кока (очень важно!) и близких друзей из экипажа, с которым ходил на китов несколько лет.

— Когда старик кончит работу, надо будет ему представиться... — сказал он,

Затем участливый земляк оставил меня на борту китобойца. Он помчался назад, даже не сказав, куда спешит: прямо к своим акулам или к жене, симпатичной пемке, в ожидании мужа коротающей время за чтением.

«Старик» — это капитан Стаббс. Я видел, как он договаривался с кем-то о поставке топлива. После полупочти заработали машины, послышались радиосигналы на всех трех кораблях флотилии. Они четко проделали необходимые маневры и наконец оказались в открытом море. Я стоял на корме, глядя, как на далеком горизонте исчезают мерцающие огни Олбани.

Час спустя я отправился поговорить с капитаном. Его положение, рассуждал я, довольно трудное. Даже если я приду к нему не по вкусу, он ничего не сможет сделать. Материк мы уже оставили далеко позади, впереди на нашем пути только ледяные пустыни южного заполярья, а под нами... Ну, до такой степени скверно, пожалуй, не будет, чтобы пришлось высаживать меня прямо в открытом море!

Холодный ветер глушил звуки радио, доносящиеся из рубки, проливной дождь превратился в ливень, закрывший водяной стеной судовые огни. Но там, где царил капитан Стаббс, был оазис тепла и света. Каждый, кто хочет писать и печататься, должен хотя бы один раз поклониться секретарю редакции, чтобы начать жизнь репортера. Каждый, кто хочет плавать, должен когда-то поклониться капитану, чтобы войти в сообщество моряков.

Капитан ел — принимая во внимание время суток, мне просто трудно определить, что это было — поздний ужин или ранний завтрак. Когда я вошел, он жевал как раз мощный кусок баранины и, несмотря на то что рот его был набит мясом, гаркнул, чтобы принесли еще один прибор. На стол въехала порция дымящегося деликатеса; кусок был такой огромный, что я невольно оглянулся, нет ли где соломенной подстилки, чтобы на ней спокойно съесть это блюдо... Не тут-то было! Приходилось воевать с отдавшим богу душу бараном при помощи ножа и вилки, а защищался он отчаянно, почти что бодался! Капитан первый справился с едой, запил ее большими глотками горячего чая, отодвинул от себя пустую тарелку, старательно обтер жир, стекающий по его пышной бороде... Потянулся за кексом, обернутым

в герметическую упаковку, отрезал себе мощный ломоть, а другой ножом подвинул в мою сторону. И тут же задал мне вопрос:

— Первый раз в море?

— Не совсем. Я уже плавал, немного.

— С китобоями?

— Никогда. С исландским рыбацким флотом.

— Сельдь?

— Нет, треска. Северная Атлантика.

— Валяло?

— Страшно. Мы становились то на корму, то на нос, волна перехлестывала через трубу.

— Весело. Все?

— Почти. Еще два месяца на польском спасательном корабле. Поднятие судов со дна фьорда у полярного круга...

Разговор прервался так же внезапно, как начался. Лучше всего меня рекомендовало для рейса на китобойном судне, видимо, то обстоятельство, что я не квалифицированный китобой, а совсем еще «зеленый моряк». Профессия китобоя, несомненно, имеет свои секреты, разные приемы, непонятные для профана, но, вероятно, ценные для опытного специалиста.

Капитан Стаббс взял порядком потренированный номер какого-то еженедельника; его ярко-голубые глаза пробежали страницу за страницей. Крупной рукой с короткими пальцами он сбросил с бумаги крошки. Сквозь шум машины, заставляющий дрожать весь корпус корабля, донесся сигнал точного времени, который подает радиостанция. Капитан поставил часы, укрепленные на стене, и снова вернулся к столу. Швырнул в угол газету, потер дальние зоркие глаза, утомленные чтением.

— Рассказов ждешь? Тебе надо что-то написать, так? Рассказов не будет. Не сейчас. Времени нет. Надо еще немного поспать до рассвета. Романтики ищешь. Я читал «Моби Дик»³⁸ да и другие разные книжки. Наверно, все так оно и было. Даже наверняка. Сейчас и радар на бор-

³⁸ Герман Мелвилл (1819 — 1891) — американский писатель. В молодости служил матросом на китобойных судах. «Моби Дик, или Белый Кит» — крупнейшее и наиболее известное произведение писателя о китобоях, о китах, об охоте на китов — принадлежит к наиболее выдающимся произведениям романтической литературы XIX в. — *Прим. пер.*

ту есть, и другие приспособления, самолет наводит нас на цель. У кита — никаких шансов. Может рассчитывать только на жалость. Но жалости у нас нет, мы получаем премиальные с каждой добытой штуки. Один голубой кит весит столько же, сколько тридцать взрослых слонов. Добываем кашалотов, правда они меньше, но все равно им не спрятаться! Они должны время от времени всплывать на поверхность. Поэтому, понимаешь, приходит конец всему этому китобойному промыслу. Американцы уже не ловят, англичане и голландцы, в общем-то, тоже, норвежцы вынюхивают, каким бы еще делом заняться.

На промысле остались лишь мы с русскими и японцами. На всех хватит ненадолго, уже точно известно, сколько китов пойдет за год в котел. Где тут романтика? Да ты сам увидишь, когда промысел начнется. Ну а теперь о более важных делах. Здесь ты будешь заботиться о себе сам: лазай, где хочешь, фотографируй, что хочешь, ешь, что поставлено на стол, спи, когда спится. Но помни, что палуба скользкая, а поручни есть не везде, что я обслуживаю пушку и что, когда начнется лов, ты не должен мешать. Ни мне, ни другим. Орудие поворачивается на триста шестьдесят градусов, нельзя стоять в зоне обстрела. Здесь решают секунды; если проморгать, все надо начинать снова. Каждый живет своим делом. Ты пишешь — мы промышляем китов. Понял? Вот и все. Как поешь, иди спать...

Он стащил с себя толстый свитер. Лег на койку, отвернулся к стене.

— Ну и разговорился старик, — буркнул высокий финн, который пришел собрать со стола. — Он за неделю не скажет столько, сколько произнес сегодня за одну ночь.

Он подождал, когда я кончу есть, и начал рассказывать вполголоса, как прежде плавал на Балтике и даже заходил в польские порты. Затем мы встали, погасили свет в каюте и пошли мыть посуду. Флотилия шла на юг, сквозь дождь и мрак мигали огни «Чейнза I» и «Чейнза II» — товарницей по промыслу. Китовая смерть шла навстречу огромным животным. Те, кто должен был погибнуть, ныряли пока в погоне за осьминогами. Поддерживался огонь под котлами в Олбани, всегда готовыми к приему добычи.

В потемках, не зажигая света, чтобы не будить соседей, пробрался я к своей койке. Но спать не мог: мешал ровный шум работающей машины. Я думал о том, что отрицает сегодняшний день, о том, чего уже не замечает капитан Стаббс, и о том, что решало судьбу его страны.

Король Исландии

Китобойный промысел возник в Австралии не в последние годы. Напротив, это было первое, а многие годы и единственное занятие ее жителей. В своей классической книге «Моби Дик» Мелвилл замечает, что китобойное судно — «истинная мать этой могущественной ныне колонии...»

Британские китобойные корабли, плывущие к местам ловли в австралийских водах, не брали с собой товары на продажу, потому что в противном случае нарушили бы монопольное право Ост-Индской компании и весь груз мог быть конфискован.

По этой причине владельцы кораблей старались застаться совсем другим «товаром». 22 ноября 1791 года капитан китобойного судна Томас Мелвилл пишет хозяевам фирмы «Самюэль Эндерби и Сыновья» в Лондоне: «Я чувствую себя прекрасно, благодарение богу, весь экипаж пребывает в прекрасном настроении. За всю дорогу из Англии мы потеряли двадцать одного ссыльного и одного солдата». Поразительна лаконичность капитана, добавляющего в конце письма, что китобойное судно «Британия», которым он командует, осталось «целым и невредимым».

Правда, его послание может выглядеть как пустая болтовня по сравнению с дневником капитана Джамберта Пэндлтона, командира корабля «Элеонор», тоже промышлявшего у берегов Австралии. Человек, его написавший, без сомнения лучше владел гарпуном, чем пером. Отсюда и лаконичные записи:

«Воскресенье 29 октября 1848.

Один час пополудни. Португалец, который был лучшим гарпуником, унал с мачты.

Восемь вечера. Похороны».

Та же бесстрастность судового журнала чувствуется и в тех его местах, где речь идет о жене капитана — ведь

жены часто сопровождали мужей в плаваниях. Ниже следующий текст переписан из судового журнала судна «Фрэнсис», также промышлявшего в австралийских водах:

«24 октября 1847. Полночь, бриз. Четыре утра, миссис Коннор произвела на свет сына. Шторм. Широта 37°55'', долгота 151°32''.

11 ноября 1847 г. Шторм. Дитя миссис Коннор умирает. Широта 36°39'', долгота 151°30''.

Когда колония была еще очень молода, китобойные суда занимались охотой не только на китов... Так, в 1799 г. корабли «Корнуэлл» и «Кингстон» захватили в качестве военной добычи испанское судно «Ностра Сеньора де Бетлеем», груженное хлебом, который очень пригодился умирающему от голода населению Тасмании. Жители Сиднея ликовали, когда китобои захватили испанский корабль «Эуфемия» с грузом вина и водки.

Это были времена, когда совсем рядом с берегами Тасмании весело резвилось такое количество китов, что его превосходительство вице-губернатор жаловался на шум, учиняемый фырканием и плеском гигантов в воде, который не дает ему спать по ночам. И вот в австралийских водах появились китобои, главным образом американцы.

Историк Пол Мак-Гир сообщает: «Капитаны судов из Нантакета и Нью-Лондона в первые десятилетия XIX века прекрасно знали отдаленные острова у берегов Австралии. На острове Кенгуру сохранилось название «Американская река», и разведывательные корабли Его Королевского Величества уже застали американцев, вытапливающих китовый жир по обе стороны пролива Короля Георга V, а также на Тасмании...»

Итак, возникали базы китобоев. Строились склады, баржи для экипажа; за ром и табак покупали женщин у местных племен. Китов убивали с небольших лодок. Гребцы подплывали очень близко к киту, затем гарпуник метал орудие убийства в тело гиганта. Китов вытягивали на берег и вытапливали из них жир. Случалось, что в теле гиганта торчали гарпуны четырех разных экипажей. Доходило до стычек, и только закон определял принцип дележа добычи, но, как пишет Кэйли Теннант, «победителями в спорах чаще всего были те экипажи, у членов которых кулаки были больше...»

Однако первого кита у берегов Австралии поймал не американец, а датчанин Ёрген Ёргенсен. Это необыкновенно красочная фигура да же на фоне тогдашней австралийской действительности.

Он был политическим заключенным, аптекарем, автором книг о путешествиях, книг теологических и трактующих вопросы политической экономии, агентом британской разведки и участником битвы при Ватерлоо, товарищем знаменитого исследователя Мэтью Флиндерса в его путешествиях. Я чуть не забыл сказать, что в свое время его называли «Королем Исландии», которую он захватил во славу Великой Британии. Прежде чем озабоченное этим даром британское правительство успело отделаться от него, датчанин провел реформу системы исландского просвещения, организовал суды присяжных, именуя себя при этом губернатором. В Лондоне Ёргенсеном до такой степени овладела страсть к азартным играм, что он заложил мебель своей хозяйки, и по суровым законам того времени был сослан пожизненно в Австралию. Кроме упомянутого первого кита у берегов Австралии на его счету был целый ряд смелых открытий первостепенного значения. Наконец, из ссыльного он стал... полицейским и завербовал в свою агентурную сеть одну из заключенных. Как видно, сотрудничество было достаточно тесным, коль скоро датчанин женился на своей осведомительнице. Здесь и пришел конец бесстрашному герою. Старые хроники города Хобарта упоминают, как «Король Исландии» мчался со всех ног вдоль главной улицы города, чтобы избежать гнева супруги, которая на бегу громко клялась, что «обломает палку о его башку...»

Шайка Старого Тома

История, которую я хотел бы здесь передать, настолько необычна, что я предпочитаю сразу указать источник. О ней нас подробно информирует профессор Уильям Джон Дикин, которого считают крупнейшим авторитетом в области истории китобойного промысла Австралии. Его книге о китах предпослано предисловие доктора Читтлборо, занимающего высокий пост в учреждении, которое ведет исследования китобойного промысла в Австралии. «Научный подход к данному вопросу, — пишет Джон Дикин, — может заранее вызвать скептическое от-

попешне к рассказу, который я хотел бы здесь привести. Но в то же время мне хотелось бы установить истину».

Теперь, когда, надеюсь, я пробудил любопытство читателя, можно приступить к делу. Так вот, профессор Дикин утверждает, что проверил правдивость сообщений по совершенно различным источникам, причем его информаторы, являющиеся очевидцами событий, находились в полутьсяче километров друг от друга, когда он собирал у них эти сведения. Однако все детали предлагаемой истории абсолютно совпали.

Речь, собственно, идет о китах вида, который по-польски называется *орка*, по-латыни — *orka gladiator*, по-английски — *killer whale* (то есть что-то вроде «китубийца»), а по-русски — *косатка*. Эти киты любят лакомиться не осьминогами, как их кузен-кашалот, а сеют опустошение среди собратьев, охотно удовлетворяя свой аппетит в кругу семьи. Более того, случалось даже так, что косатки из залива Туфолд в Австралии вступили в союз с людьми, чтобы охотиться на китов. С этой целью они «создали шайку», во главе с косаткой, известной в заливе по прозвищу Старый Том. Эта «шайка» сотрудничала с китобоями в течение восьмидесяти лет! В «шайку» входили Стрейджер, Хуки, а также Хампи — косатки, имевшие особые приметы, которые позволяли китобоям безошибочно различать их. Время от времени в охоте принимали участие безымянные косатки, но тоже наиболее активные в своих группах.

Косатки очень умны; в отчетах о полярных путешествиях упоминаются случаи, когда они общими усилиями перевертывали огромные льдины и пожирали все, что надало с них в воду. В заливе Туфолд «шайка» Старого Тома обычно появлялась в июле (австралийская зима) и занимала позиции при входе в залив.

И вот появляется беременная самка горбача, она направляется на мелководье. Чуть брезжит рассвет, но косатки уже заметили ее издали и сообщают об этом китобоям, несущим вахту на площадке наблюдательной башни на морском берегу. «И они действительно сообщают, — утверждает профессор Дикин. — Выскакивают из воды, явственно демонстрируя свое возбуждение, а когда убеждаются, что их знаки поняты и китобои на шлюпках вышли на лов, косатки организуют облаву, отрезая животному путь в открытое море, на большую глубину.

Они явно наводят китобоев на след, избавляя тем самым гребцов от лишнего тяжелого труда. Не проходит и часа, как охотники уже у цели. Обычно такой лов продолжался по меньшей мере часов двенадцать, если китобой действовали без помощи шайки косаток.

Самка кита измучена преследованием косаток, а они упорно не оставляют ее в покое, особенно когда она выходит на поверхность, чтобы вдохнуть воздуха. В этот момент самка получает удар гарпуном! Теперь косатки переходят к следующему этапу охоты. Одни по-прежнему мешают раненому животному дышать, а другие плывут непосредственно под ним, не позволяя нырнуть на дно. До чего же невелики шансы кита сохранить свою жизнь, когда кроме деревянной скорлупки с гребцами и брошеного вручную гарпуна он должен еще опасаться своих кровожадных родственников!»

Проделки шалуна

Китобой рассказывали, что при всем своем трудолюбии Старый Том был большим шалуном. Чаще всего он хватал зубами канат гарпуна и подолгу заставлял судно идти на буксире для собственного удовольствия и к большой ярости китобоев. Покойный теперь китобой Логан вспоминал, что за эти шуточки Старый Том несколько раз получал по башке багром. И эти слова находят подтверждение. Когда Старый Том скончался и китобой вытянули его на берег, чтобы сделать скелет, оказалось, что у косатки не хватает нескольких зубов, выбитых в играх с коллегами-китобоями. Кроме того, по состоянию зубов зоологи подтвердили предположения о преклонном возрасте косатки...

Охота продолжалась до тех пор, пока измученного кита не добивали несколькими ударами длинной пики. Кровь струей заливала китобоев, что на профессиональном жаргоне называется «вывесить флаг». Смерть кита не означает конца работы ни для людей, ни для косаток. Косатки разжимают челюсти животного и выедают язык. Наверное, это деликатес, так как они радостно плещутся вокруг шлюпки, время от времени отхватывая кусок лакомства. Китобой закрепляют канат гарпуна на берегу и уходят домой. Косатки затягивают добычу на дно, таща ее за плавники, хвост и голову. Там они получают остат-

ки «гонорара», обгрызая губы добычи. Через сутки начинается процесс разложения и газы вновь выталкивают кита на поверхность. Тогда к делу приступают люди...

Флаг с двумя пчелами

Все эти события происходили на территории, находящейся в ведении известного китобоя по имени Бенджамин Бойд. Он приказал поднимать на своих кораблях особый флаг с эмблемой, изображающей двух пчел. Бойд воздвиг город Бойдтаун, но не закончил строительство маяка, так как понял, что он послужил бы указателем пути не только в его собственные владения, но и в другие края...

Бойд похищал множество островитян Южных морей, которые, попав на его суда и быстро оценив условия жизни на борту («много-много работать — мало-мало есть»), дезертировали с судов, шатались в Сиднейском порту, побирались и искали попутные корабли, чтобы добраться до своих родных островов. Бойд намерен был учредить на островах Южных морей собственное королевство. Однако его будущие подданные съели своего монарха в 1851 году на Соломоновых островах. Череп Бойда выкупили по сходной цене — за двадцать топорков. Долгие годы он был экспонатом музея в Сиднее, пока один дотошный исследователь не установил, что череп этот принадлежал женщине меланезийской расы...

Работа на китобойных судах так тяжела и опасна, что было нелегко укомплектовать экипаж — особенно во времена «золотой лихорадки», когда китобои бежали из австралийских портов и шли на прииски. Тогда в Австралии стали применять «американскую» систему, то есть затаскивать моряков на корабль в состоянии полного опьянения. Под сиднейскими кабаками были сделаны специальные подвалы, где капитаны могли осмотреть и приобрести за наличные упившихся до бесчувствия матросов.

Одним из оптовых поставщиков был Слоджер Болл, обычно прогуливавшийся по Сиднею в безупречном кителе с выражением достоинства на лице. Когда заказ был срочный, а под рукой не случалось настоящих матросов, он спаивал пастухов из буша, только что пригнавших в город стадо овец. Пьяного матроса трудно отли-

чить от пьяного пастуха, поэтому такое мелкое жульничество сходило с рук, хотя пригодность на судне человека, всю жизнь имевшего дело с одними овцами или волами, была по меньшей мере проблематична.

Однако китобои предпочитали именно этого поставщика всем прочим, которые среди пьяных поставляли иногда на отплывающий корабль обыкновенные трупы, купленные у могильщиков в море. Поставщика разоблачали обычно лишь далеко в открытом море, когда боцман пытался выгнать на работу «товар», оплаченный наличными и доставленный на судно прямо перед поднятием якоря. Если оказывалось, что «пьяный» спит вечным сном, его выбрасывали в море, а капитан обходил потом стороной ненадежных поставщиков...

Океан или буш?

Дикими побоищами славились портовые кабаки Сиднея «У черной собаки» или «У китобоя». Старые хроники вскользь упоминают о том, как один китобой, который начал было увиваться около девушки главаря местной бандитской шайки, был в буквальном смысле слова забит на смерть. Его привязали к бочке, били чулком, наполненным песком, а в свежие раны втирали соль...

История Австралии связана с китобойным промыслом еще и по причинам... политическим. Героя последующих событий зовут Джон Бойл О'Рейли; в 1863 году он находился в рядах десятого гусарского полка. Ирландец по происхождению, О'Рейли вступил в армию, чтобы организовать движение сопротивления среди своих соотечественников, несших службу под британским флагом. Заговор был раскрыт, и в 1866 году, накануне своего двадцатитрехлетия, О'Рейли был приговорен военным судом в Дублине к смертной казни, которая впоследствии была заменена двадцатилетней ссылкой. Вместе с другими участниками заговора он оказался в Западной Австралии, поблизости от центра китобойного промысла.

Бежать можно было в двух направлениях: в океан или в буш. Местный пастор предупредил его о тех опасностях, которые ждут беглеца в буше, и он бежал на американском китобойном судне «Газель». Имперский заключенный № 9843 Джон О'Рейли был вынужден при этом прихватить обыкновенного преступника по фамилии

Боумен. Дело в том, что уголовник случайно узнал о готовящемся побеге и под угрозой разоблачения потребовал взять его с собой. Когда «Газель» после двухмесячного плавания пришла к острову Родригес, тамошние британские власти уже получили сообщения о розыске преступников. Боумен был опознан и препровожден на берег. Было ясно, что для смягчения ожидающей его кары уголовник выдаст ирландца.

В сумерках с палубы китобойного судна слышали всплеск воды, раздался сигнал тревоги «человек за бортом», но выловить не удалось ничего, кроме шляпы беглеца. «Бедняга поклялся, что живым его не возьмут», — сочувственно вздохнул капитан. На следующее утро, когда «Газель» приспустила до половины мачты флаг в знак траура, на пристань под охраной был приведен Боумен, который согласился опознать ирландца. Губернатор, уведомленный о самоубийстве О'Рейли, правда, грозился, что прикажет водолазам найти тело беглеца, но дело до этого не дошло. Одни говорили, что он отказался от этой мысли из-за акул, другие считали, что его остановила дражайшая половина, ирландка по происхождению... Был составлен акт о смерти, «Газель» снялась с якоря, а в открытом море «утопленник» вышел из трюма, где отсиживался все это время.

Он поселился в Соединенных Штатах и стал оттуда руководить спасательной операцией, которая должна была обеспечить побег его товарищам по несчастью. Тайная ирландская организация наняла американское китобойное судно, так как появление такого корабля у берегов Австралии ни у кого не могло вызвать подозрения.

Истинная цель путешествия была известна только капитану корабля «Кэтэлп» по имени Джордж С. Антони и корабельному плотнику. Экипаж состоял преимущественно из малайцев, негров и канаков, которым были чужды планы белых людей.

В то же время в Австралию отправились с тайной миссией Джон Бреслин и Томас Дисмонд, выступавшие под именами «мистер Диконс» и «мистер Коллинз». Первый играл роль богача, и благодаря огромному личному обаянию у него вскоре появилось множество друзей. Другой тайный агент осел в Перте, где занимался своим привычным ремеслом колесника. Они старались выведать, где в округе находятся места заключения. Впрочем, это

не составляло особого труда, так как сам губернатор показал «мистеру Джонсу» тюрьму во Фримантле, где, кстати, в то время, кроме тюрьмы, не было ничего заслуживающего внимания.

Тем временем китобойное судно после многих недель плавания достигло берегов Австралии. По чистой случайности капитан «Кэтэлпа» познакомился с капитаном тюремного корабля, перевозившего приговоренных в Западную Австралию, и получил от него карты прибрежных вод. Заговорщики обо всем договорились по телеграфу с помощью условного шифра; связь с заключенными была установлена. Каждое утро они выходили из тюрьмы на работы. Там-то и были приготовлены лошади. Беглецы помчались через эвкалиптовые леса к побережью, где на песчаной полосе ждала их шлюпка с корабля «Кэтэлп».

Погоня достигла побережья, когда маленькая шлюпка уже отплыла от берега, но высокая волна не давала ей приблизиться к ожидавшему в открытом море китобойному судну. Целые сутки боролась со стихией перегруженная людьми лодка. Из Фримантла были высланы полицейские; однако буквально на глазах преследователей беглецы взобрались на палубу «Кэтэлпа». Подошел корабль с солдатами и пушкой на борту. Были даны два предупредительных выстрела. Тогда капитан Антони поднял американский полосато-звездный флаг. Оба корабля находились так близко друг от друга, что капитану американцев по мегафону было передано требование в течение четверти часа выдать беглецов. В противном случае «Кэтэлп» будет обстрелян из орудия.

— Мой корабль находится в открытом море; стреляя в меня, вы стреляете в американский флаг,— ответил Антони.

«Кэтэлп» находился вне трехмильной прибрежной полосы. Его пришлось отпустить. Таков был конец этой истории...

Фонтан! Фонтан!

Бывают годы, когда скверная погода особенно досажает китобоям. В 1964 г. флотилия бездействовала восемнадцать дней в июне, а в июле — целых двадцать. И сейчас вот уже около двадцати дней не могло быть и речи о промысле. Разъяренные бездействием, бьющим по

карману, уставшие от ожидания, экипажи трех китобойных судов со вздохом облегчения услышали заверения радиостанции, предсказывавшей резкую перемену погоды. Чем ближе к рассвету, тем слабее становился ливень, пока наконец не прекратился совсем. Погожий для людей день означал кровавую бойню для китов. Флотилия из Френчмен-Бей близ Олбани снова обрела свои «глаза», наконец-то мог вылететь самолет, который высматривает стада кашалотов.

Было очень рано, очень ветрено и очень холодно, когда над нашими головами затарахтел маленький самолетик. Теперь он не покинет нас по крайней мере часа четыре, а в случае надобности прилетит снова. В инструкциях министерства гражданской авиации ясно говорится, что во время операции самолет, действующий вместе с китобойной флотилией, должен находиться на таком расстоянии, чтобы, в случае если откажет мотор, он мог бы на бреющем полете достичь ближайшего судна. Мы уже не идем тем же строем, что ночью, а растянулись в такую линию, что внешние суда разделяет расстояние миль в семнадцать, так как собираемся искать стадо кашалотов по линии долготы на протяжении около двадцати пяти морских миль. Когда видимость хорошая, китобои замечают с мачты кита на расстоянии до семи миль...

Пока не началась горячка лова, приведу несколько сухих цифр. Все три корабля — водоизмещением в четырехста пятьдесят тонн каждый — имеют двигатели в тысячу восемьсот лошадиных сил, которые обеспечивают скорость до пятнадцати узлов. Они построены в Швеции по норвежским патентам. Конструкция особо прочная, рассчитанная на плавание в антарктических водах. Шансы экипажей равны, они соревнуются между собой из самолюбия, а также ради премии. А каковы шансы кита? Вряд ли можно говорить о равенстве сил, хотя расчеты одного британского специалиста по кораблестроению, который сопоставил водоизмещение кита и некоторые другие данные с его максимальной скоростью, показали, что «двигатель» кита имеет внушительную мощность в тысячу семьсот семьдесят пять лошадиных сил, то есть почти такую же, как и у нашего китобойного судна. Кит, животное млекопитающее, рожденное и выросшее в воде, может просто-напросто... утонуть. Мои товарищи по плаванию высказывают различные суждения,

когда я спрашиваю, как долго кашалот остается под водой. Одни говорят, что самое большее четверть часа, другие набавляют еще несколько минут. Однако, по общему мнению, ему необходимо как можно чаще всплывать на поверхность. А как кит выдерживает резкую смену давления, камнем уходя под воду на большую глубину? Почему, возвращаясь так же быстро с глубины на поверхность океана, он не испытывает кессонной болезни, достающей людей?

Мне пришлось бы долго ждать ответа, все это никому не ясно, но вот уже подает сигнал наш «глаз». Говорит Джон Бэлл, пилот самолета флотилии:

— Доброе утро, как спалось, вижу хорошо, вижу хорошо, как меня слышите, как меня слышите?

Он положил самолет на правое крыло и улетел в сторону «Чейнза II». Волна высокая, и с палубы я не мог видеть этого корабля, но время от времени два китобоя, сидящие в «анстовом гнезде» на мачте, сообщали нам о местонахождении товарищей по лову. Как гончая, вырвался самолет далеко вперед, проверяя связь со всеми тремя судами, рыскал вдали, сообщал различные данные, но все никак не мог навести нас на цель. Прошло добрых полчаса после появления его в небе, когда он снова связался с нами:

— «Чейнз III», сообщите готовность, сообщите готовность...

И люди подготовились к охоте, поставив рядом с пушкой ящик со снарядами, начиненными взрывчатой смесью «Ballistite». Граната взрывается через шесть секунд после выстрела, то есть уже в теле кита. Шнур гарпуна поразительно короток, не более сорока метров, так что смерть как бы заглядывает киту прямо в глаза.

Капитан Чейсс Стаббс, в толстом свитере, в шерстяной шапке на голове, спокойным шагом прошел по узким мосткам, ведущим к платформе, на которой стоит пушка. Он повернулся к нам, сложил руки трубой, чтобы перекричать шум волн и стук мотора:

— Стаббс—Бэллу: готово, начинаем...

Я приготовил фотоаппарат. Мы плыли за чем-то, еще не видимым для нас, но указания самолета, наверное, были вполне конкретны, так как «Чейнз III» в соответствии с настойчивыми, повторяемыми по несколько раз указаниями с самолета неоднократно менял курс. Люди не

разговаривали друг с другом, однообразие рейсов привело к полному взаимопониманию австрало-скандинавского экипажа. Около восьми утра самолет снова пролетел над нами. Мы шли туда, где он заметил китов. Из «аистова гнезда» раздался крик, тот же самый, что давным-давно издал первый человек, который в погоне за китом вышел открытое море:

— Фонтан! Фонтан!

Кровавая пена

Этот крик долго будет звучать в моих ушах. Китобойный промысел похож на скверный роман: сама фабула растянута и монотонна, и лишь несколько действительно захватывающих моментов разнообразят действие.

Крик из «аистова гнезда» вносит напряжение, предвещает драму. Заметить «фонтанирующего» в океане кита нелегко. Самолет сверху замечает черные глыбы стада кашалотов. С переваливающегося на волне судна дыхание кита выглядит как пар, бьющий из паровоза, стоящего на путях. К тому же все это продолжается с минуту; пока мы делаем резкий поворот, чтобы настичь кашалота, уже ничего не видно; милостивый океан скрыл следы жителей своих глубин. Когда они вынырнут вновь, где? Мне рассказывает Росс Фримен:

— Видишь ли, этому не учат в мореходном училище. Капитан китобойного судна — в то же время гарпунщик или, если хочешь, канонир. Здесь цель — последнее, замеченное в долю секунды движение хвоста или плавника, своеобразный след пены или водоворота после внезапного погружения кашалота. Это наблюдают из года в год, и все равно ошибаются. Но другого способа нет. Одни считают, что шум двигателя пугает кита, другие же, наоборот, что самое крупное животное в мире бесстрашно и не боится корабля... Сколько голов — столько умов. И все-таки мы очень редко теряем выслеженное стадо...

Запись в судовом журнале: «08.30. Двадцать коров с телятами». Все стадо величественно плывет совсем рядом с кораблем. Пушка молчит. Нельзя убивать китовых мам, когда они плывут с детьми. Если попадется супружеская пара, китобои всегда стреляют в самку, самец никогда не бросит раненую супругу. Если же попадут в него, она бросается в глубину и больше ее не увидишь.

Нет, не спешите отпускать шуточки по поводу пугливости всех без исключения самок: китобои видят в этом прежде всего инстинктивную заботу о сохранении вида — может быть, самка беременна. Для меня до сих пор остается загадкой, как они различают пол огромных животных, если обычно их можно наблюдать одно мгновение.

Стаббс говорит, что один раз видел стадо из трехсот китов...

Мы идем дальше. Запись в судовом журнале: «10.00. Кит по борту». Сначала был крик, наэлектризовавший команду. Мы понеслись туда, где зверь обнаружил себя, выбросив фонтан воды. Небольшое стадо подпустило нас на близкое расстояние и мгновенно нырнуло вслед за первым в строю китом. Стаббс преследовал беглецов по океану, осыпая страшными проклятиями рулевого. Мы крутились на месте, машины мерно стучали, океан пыхлял нас, как пес тряпку. Я не видел во всем этом смысла, погоня была похожа на анекдот о сумасшедших. И все-таки Стаббс все отлично рассчитал. Прямо перед носом «Чейнза III» океан расступился и на поверхности появилось стадо. Шесть китов плывут, как корабли на параде. Чейсс Стаббс опирается о пушку. Он подает знаки рукой: раз — левой, раз — правой. Как мим, без слов, капитан заставляет корабль нестись или приказывает замедлить бег. Рулевой ловит его распоряжения и легко изменяет курс; вот наш корабль мчится прямо на кита, еще мгновение — и мы врежемся в него носом, стрелять из пушки не потребуется.

Секунды и доли секунды решают в этой игре не на жизнь, а на смерть в океане. Стадо опять под водой. Китобои бормочут себе под нос, что можно было бы и стрелять, такой случай... Но каждый здесь знает свое место, и игра продолжается.

— Старик его не упустит, — говорит коренастый норвежец, держащий в руке что-то вроде косы, закрепленной торчком, подобно оружию наших косишеров³⁹. Откуда эта уверенность? А ведь мы были так близко, что без труда можно было увидеть глаза китов, без признака беспокойства следящих за кораблем, немногим крупнее, чем каждый из них.

³⁹ К о с и н ь е р ы — польские повстанцы, вооруженные косами. — *Прим. пер.*

И все-таки бог китов отвернулся от этого стада. Это произошло так. Мы идем и идем замысловатыми зигзагами. Чейсс Стаббс колдует над своей пушкой, он выглядит так, будто дирижирует оркестром, а все мы танцуем в такт его музыке. У меня окоченели от холода пальцы, и с трудом держу тяжелую камеру и не знаю, смогу ли нажать спуск. И вот кит вдруг всплывает рядом с нами. Грохнул выстрел, мы тотчас же услышали глухой взрыв. Разорвалась граната в теле кита. Стадо как ветром сдуло поверхности океана, раненый колосс не нырнул, а бросился вперед, натягивая канат гарпуна. Это длилось секунду, в следующий момент на поверхности показалась кровавая пена. Кит погрузился в океан и потянул нас за собой. Еще несколько секунд, и фонтан крови предупредил, что он поднимается: на поверхность всплыли внутренности животного, напоминающие размерами шланги пожарных. Он снова показался; с расстояния в несколько метров, которое нас разделяло, были хорошо, может быть даже слишком хорошо, видны его испуганные глаза, всматривающиеся в собственную смерть, от которой уже не было спасения. Пушка выстрелила снова, и, как далекое эхо, донесся до нас новый взрыв.

«Под флагом»

Заработал двигатель. Начали сматывать канат гарпуна. Смерть тянула к себе бьющуюся добычу. Сердце наблюдателя разрывалось от жалости при виде этого зрелища, но умом он не мог не надивиться совершенству бесчеловечной операции. Когда кашалот оказался у самого борта судна, в судорожно бьющееся тело животного была вбита стальная трубка, соединенная с компрессором, который стал накачивать кита воздухом. Норвежец у борта быстро обрезал ножом лапы животного, с необыкновенной ловкостью вырезал в колотящем по воде хвосте большую круглую дыру, через которую протянули путы. И вот кит уже приторочен к судну; даже если он сорвется, то надутый воздухом не уйдет под воду, а без плавников бегство для него вообще исключено.

Чайки, которые сопровождали нас от самого Олбани, ловко выхватывали из воды кровавые клочья мяса побежденного колосса. Одна схватила и подняла в воздух вырезанный из хвоста круг мяса, покрытый жиром. Кит был

еще жив, кровавый фонтан не прекращал бить. Судно двинулось дальше, волоча раненое животное за собой рядом с бортом, его глаз, обращенный к нам, обильно заливала вода. Кит как бы стал частью корабля, к которому прильнул всем своим большим телом. Он рассекал волны вместе со своим убийцей, вместе с нами преследовал свое стадо. Он подпрыгивал на волне, когда нас качало, и в том же ритме мчался по океану. Прошло еще целых двадцать минут, прежде чем его нижняя челюсть отвисла и глаз затуманился. Чайки только теперь отважились сесть прямо на его открытую рану, чтобы отщипнуть длинными клювами лакомый кусочек. Команде «Чейнза III» тоже кое-что перенало. Каждый получает премию в один фунт, тринадцать шиллингов и шесть пенсов при недельной выплате, остальные семь шиллингов и шесть пенсов — при окончательных расчетах в конце сезона.

Над палубой время от времени проносятся стайки летающих рыб. Как раз во время борьбы с китом одна такая рыба задела за антенну радиостанции и свалилась на палубу. Ее жабры часто двигаются. Плохи те полеты, которые заканчиваются в холодильнике корабля.

Запись в судовом журнале: «13.20 — тридцать коров с телятами. 14.07 — кит под флагом». Оказывается, когда судно преследует крупное стадо и дорога каждая минута, надутого воздухом кита не закрепляют у борта, а оставляют в море, вбив предварительно в его тело стальной прут с флагом. В конце лова судно, добывшее кита, забирает его с собой или поручает это дело другому кораблю той же флотилии, особенно в тех случаях, когда само оно перегружено добычей. Тот, которого мы заметили около четырнадцати часов, был добычей «Чейнза I». Он так раздут, что просто непонятно, почему еще не лопнул. Однако время от времени из него вырывается кровавый фонтан, говорящий о том, что кит еще жив. Раздается команда, мы сходим с курса и приближаемся к живому трупу. Капитан Стаббс уже у пушки; умные чайки оставляют кровавые раны на черной блестящей оболочке и с криком улетают прочь. Снова два выстрела, но на этот раз только гранатой, без гарпуна. Чейсс Стаббс подает команду:

— Полный вперед!

Раздаются звонки сигнальных аппаратов, и мы от-

правляемся дальше вместе с притороченным «нашим» китом. Чайки спокойно возвращаются к прерванному пиру: ведь угощение не двигается и не заливают их потоками крови.

Запись в судовом журнале: «15.09 — кит по борту». В этого граната угодила, как в диспетчерскую железнодорожного узла: рельсы целы, но все стрелки перепутаны. Уже после первого выстрела он превратился в кучу клеток, жаждущих кислорода, подача которого прекратилась. Пожалуй, смерть у него была легкая. Этот кит — последний, которого «Чейз III» приторочил сегодня к борту. Наступил конец драмы. Я не хотел бы никогда ее более видеть. Тысячи погибших рыб в сетях менее выразительны, ибо все они для наблюдателя одинаковы. Смерть же одного кита — зрелище, полное трагизма.

О бог морских глубин, охраняющий китов! Вдохнови химиков и сделай так, чтобы люди научились получать жир и удобрения только с помощью колб и реторт. Спаси и сохрани в водном царстве китов, пусть их игры радуют взоры моряков. Не вводи их в олбанский ад, а избави ото зла. Амишь...

Невозможно отрицать тот факт, что каждый поляк знает все и все понимает — разве что он сотрудник справочного бюро железнодорожного, автобусного или авиатранспорта и тогда уже не знает ровно ничего.

Наши земляки в Австралии, которые высоко держат знамя польской нации, тоже в основном знают все. Когда я собирался из Австралии на Новую Гвинею и лихорадочно искал кого-нибудь, кто ввел бы меня в курс дела, рассказал бы об условиях жизни на этом большом острове, имеющем прекрасное и «многообещающее» название «Могила Белого Человека», то поделился своими заботами с одним поляком, с которым случайно познакомился в Мельбурне.

— Новая Гвинея? Все складывается просто великолепно, вам крупно повезло, я сейчас все подробно объясню...

После этого вступления я услышал почти часовую лекцию на тему о Новой Гвинее. Правда, рассказ был не слишком складным, поэтому я робко спросил земляка, когда он в последний раз был на Новой Гвинее. Оказалось, сам-то он там и не был, но когда еще учился в гимназии в Александрове-Куявском, в Польше, то там в седьмом классе господин учитель географии, человек старой школы, рассказывал все подробно...

Спорт — но какой?

Несколькими днями позже меня посадили в ресторане отеля в Брокен-Хилле за один столик с каким-то пожилым и не слишком разговорчивым человеком. Суп был съеден в глубоком молчании, за вторым блюдом мой собеседник разговорился настолько, что попросил передать соль. За компотом мы общими усилиями установили, что на дворе жара, но если ветер прекратится, то зной

будет еще сильнее. А за чаем... Вы, наверное, не поверите! Меня бросило в жар от волнения, когда мой собеседник вскользь заметил, что провел на Новой Гвинее четверть века и теперь приехал в Австралию, чтобы прожить остаток своих дней в условиях цивилизации...

Итак, случай свел меня со знатоком острова, о котором еще мало что известно. Я пригласил его в бар, где нерешительно попросил ввести меня в удивительный мир папуасов. Пенсионер задумался на минуту, потом отер с усов остатки пивной пены и решительно произнес:

— Новая Гвинея? Хэй, не думаю, что после столь краткого пребывания на острове я могу считать себя вправе высказываться на эту тему. Однако если вы настаиваете, то мне кажется, я не слишком погрешу против правды, если рискну утверждать...

И здесь начался рассказ, который окончился далеко за полночь...

Мой собеседник не был ни писателем, ни болтуном. Но когда он говорил, медленно, короткими фразами, то уводил меня с собой на далекий остров. Издали доносилась музыка, транзистор бармена сообщал интимные подробности из жизни скаковых кобыл и жеребцов, звенели монеты, брошенные на стойку. А в нашем углу воскресали дни великого «синг-синга» людоедов, ужас перед болезнью под названием «смеющаяся смерть» и история кровавых схваток с десантом солдат японского микадо, которые шли сквозь джунгли «Дорогой Кокода», в направлении Порт-Морсби... Бармен крикнул:

— Джентльмены, время!

Мы стали прощаться, мой консультант заметил:

— Разумеется, я могу ошибаться, у меня, знаете ли, там было полно работы и не слишком много времени, чтобы глазеть по сторонам...

С тех пор я стараюсь очень осторожно высказываться на всевозможные темы. И если вы спросите, какие виды спорта я считаю наиболее австралийскими, то я подумаю. Я знаю точно, что, несмотря на определение, повсеместно распространенное среди самих австралийцев, я не назову спортом конные бега. Конечно, это спорт, но только для коня. Он бегаёт себе на свежем воздухе: и полезно, и приятно. Но по моему скромному мнению, наиболее типичны для Австралии два вида спорта, которые прибыли из-за рубежа и пышно расцвели на австралийской почве.

Бухгалтер Грэхэм Митчелл из Австралии в 1964 году неожиданно получил звание чемпиона мира по знанию Библии, победив в Иерусалиме очень сильную команду Израиля. Но это событие прошло без особого шума на далекой родине новоиспеченного чемпиона.

Австралию занимало тогда другое. Именно в это время отправлялись в восьмимесячное путешествие проагандисты высокой идеи. Каждые четыре года лучшие из лучших членов некоего союза отправляются в большой мир, чтобы сеять «истину» среди чужих и далеких народов. Они уже побывали в Бангкоке, Рио-де-Жанейро и Нью-Йорке, и вот сорок пять молодых «миссионеров» выезжают в Москву, чтобы там — как они обещали — «заразить русских самой благородной страстью...»

За те четыре года, что прошли со времени последнего «крестового похода», в долгие вечера был разработан план операции обращения. Итак, все начнется с молодежи, которая раньше всех схватывает всевозможные идеи. А потом уже истина сама станет распространяться среди этого способного, смышленного народа. Когда мы явимся туда несколько лет спустя, рассуждали миссионеры, нам уже будет с кем играть!

Эти деятели принадлежат к Australian Old Collegian's Cricket Association, а их апостольство состоит в обучении основам игры в крикет. Меня несколько раз водили на матчи этой игры как в Австралии, так и в Новой Зеландии. Лучшие проповедники мягко и без угроз втолковывали мне суть этого «Евангелия» от «Святого Крикета». Мистер Алек Хэдли из Мастертона два вечера занимался со мной теорией, а потом устроил мне в своем клубе экзамен, который я провалил. Мое понимание этой игры кончается там, где исчезает ее сходство с лаптой и игрой в чижик. Поэтому не ждите от меня изложения ее принципов.

Зато я понял, почему крупнейшие соревнования по крикету получили название «Прах». Сама игра завезена из Англии, сначала в нее играли военные, дислоцированные в Сиднее. При случае, разумеется, не обходилось без ставок «по маленькой» — башмаков, масла или рыбы, что было совсем неплохо в трудных условиях жизни молодой колонии. Австралийцы тренировались мно-

го десятков лет и наконец составила собственную сборную, направив ее в Англию. Сначала сборную никто не принял всерьез, во всяком случае до того известного исторического события, о котором до сего дня может рассказать со всеми подробностями любой фанатик этого вида спорта.

А именно: после австралийско-английских соревнований в английском журнале «Спортинг таймс» появился в траурной рамке некролог следующего содержания: «Святой памяти Английский Крикет скончался в Овэл дня 29 августа 1882 года, искренне оплакиваемый группой безутешных друзей и знакомых. Тело будет сожжено, а прах перевезен в Австралию».

Семеро братьев Грегори

Вот поэтому-то соревнования и получили название «Прах». В народе живет память о том дне, когда австралийское яичко оказалось умнее английской курицы. С глубоким уважением вспоминают в Австралии имена героев, которые будут жить в песнях...

Взять хотя бы целую династию Грегори. Рыцари без страха и промаха. Сначала был Эдвард Грегори, прославившийся еще в 1826 году. И он родил Дэвида и Уолтера, и Чарльза, и Эдварда II, и Артура, которые играли в сборной Нового Южного Уэльса и родили Фреда и Альберта, также защищавших цвета своего клуба. На этих семи братьях почетный список не кончается. Потому что Эдвард II родил сына по имени Сидней, который играл против Англии больше, чем кто-либо другой во все времена, описанные хроникой; родил он и другого сына — Чарльза, выигравшего 383 очка в матче против Квинсленда. И Чарльз родил сына Джека, который сначала двинулся на войну за короля и отчизну, а потом с небывалым успехом воевал на английских крикетных полях...

Вот, например, спортсмен по фамилии Грампер, который вместе со своей собакой играл против троих соперников и выиграл при ставках 1 : 5. В чем состояло участие песика в этом матче, для меня не совсем ясно. Может быть, он хватал за икры противников хозяина? Мысль неплохая, вместе с хорошим и верным доберманом или бульдогом я готов разогнать сборную Польши по футболу или выиграть чемпионат по теннису в Уимблдоне.

Есть еще один вид спорта, который только пускает глубокие корни в Австралии, поскольку он — приобретение сравнительно недавнее. Впервые его ввел в Австралии, как говорят, в 1954 году актер Питер Лоуфорд, шурин убитого президента Кеннеди.

Поросенок и девушка

Он посвятил австралийцев в тайны прекрасного спорта, состоящего в езде на доске по морской волне. Такая доска весит больше десяти килограммов, обычно имеет двести восемьдесят сантиметров в длину и своим видом напоминает гладильную доску: ее передняя часть заострена, а задняя — тупая. Любители этого спорта, требующего необыкновенно быстрой реакции, храбрости и ловкости, издают собственный журнал «The Surfer»⁴⁰. После острова Оаху на Гавайях Сидней стал вторым мировым центром серфинга, как называется этот вид спорта.

В декабре и январе — самый жаркий период австралийского лета — я старался вырваться на какой-нибудь из многочисленных пляжей Сиднея. Хочу сказать с самого начала, что подавляющее большинство людей приходит туда не ради спорта, а для того, чтобы поваляться на солнце, позагорать и подремать. Поскольку известно, что билет на пляж легко потерять, так как не совсем понятно, куда его деть, практичные австралийцы дают покупателям билета кусочек шерстяной нитки, которую те привязывают к купальному костюму. Тогда можно выбежать с пляжа за лимонадом или мороженым и без затруднений пройти через контроль обратно. Цвет нитки меняется каждый день, и, таким образом, любителей пройти «зайцем» с питкой другого цвета немедленно разоблачают на месте.

Можно часами смотреть, что выделывают серфингсты, ловко используя морские волны и ветер для увлекательного и красивого катания.

Не происходит ничего нового на свете — в том числе и в Австралии. Ведь еще сам капитан Кук писал о «просто необыкновенных трюках» гавайских островитян, которые те проделывают на узких досках. Известно также,

⁴⁰ «Серфинг» (англ.). — Прим. ред.

что еще в то время регулярно проводились соревнования и вождь племени вручал награду победителю — поросенка и девушку.

Как кататься на доске? Спортсмен несет ее на самый берег моря. Его сопровождают друзья, девушки; они весело прощаются с ним и дают ценные советы на профессиональном жаргоне, который уже возник в этом виде спорта. Доску бросают в воду, серфингст ложится на нее и, подгребая руками, медленно удаляется от берега.

Когда он отплывает метров на сто пятьдесят, наступит самый напряженный момент. Серфингст поджидает нужную волну, которая вынесет его на берег. На профессиональном жаргоне она называется «roller»⁴¹ в противоположность «dumper»⁴², которая не годится для катания. Выбор должен быть мгновенным! Вот подходит волна, серфингст молниеносно поворачивает доску, вскакивает на нее и дает волне подхватить себя! Он стоит на доске на широко расставленных ногах, руки его распростерты, словно у боксера на ринге, отдыхающего перед тем, как снова броситься на противника.

В долю секунды волна не просто направляет его доску к берегу, а несет со скоростью шестьдесят километров в час! Бывают минуты, когда мы совсем не видим спортсмена с пляжа, потому что он мчится между огромными волнами по водяному туннелю, несколько бессмысленно названному «трубой банзай». Наконец серфингст на мелководье, еще момент — и он возвращается на пляж.

В этом спорте много красоты и много радости от ощущения полета. Поклонники серфинга рассказывают, что это чувство можно сравнить лишь с ощущением прыгунов с трамплина, в тот момент когда они летят по воздуху.

Необходимо сразу сказать, что это спорт не для всех. В прибрежных водах Сиднея попадаются очень опасные подводные течения, которые буквально в одно мгновение относят пловца далеко от берега. В этом случае надо броситься поперек течения и плыть изо всех сил, потому что обычно вода здесь движется сравнительно узким потоком. Менее опытные или просто ошеломленные и перепуганные пловцы пытаются плыть не в сторону, а к пляжу, и тогда волна отбрасывает их далеко в океан, что может

⁴¹ Крупная волна, бурун (англ.).— Прим. ред.

⁴² Мелкая волна (дробится по дороге к берегу).— Прим. ред.

кончиться трагически. Если же серфингст выбирает вместо округлой, скользящей волны какую-нибудь более строптивую, то она с силой швыряет его в воздух. Спортсмен летит, как из пращи, и должен быть доволен, если отделается ушибами. Удар тяжелой доской по голове почти всегда означает потерю сознания, а на глубине, при большой волне это тем более опасно. Именно так в 1943 году погиб старейший серфингст Дик Кросс, которого захлестнула двадцатиметровая волна.

Впрочем, и те, кто просто плещется в воде рядом с берегом и даже загорает на берегу у самого моря, тоже подвергают себя опасности.

Пляжи австралийских городов охраняются командами спасателей. Это добровольцы, работающие здесь на общественных началах. Желающих обычно больше, чем надо. Условия приема очень строгие, даже хороший пловец не всегда становится спасателем. После сурового экзамена принятые в кандидаты должны пройти специальное обучение по оказанию первой помощи, сигнализации и технике спасания в прибрежных водах. Спасатель работает в группе. Когда он бросается в воду для оказания помощи, за ним тянется шнур, который раскручивает с лебедки другой спасатель, оставшийся на берегу. К шнуру привязан спасательный круг. Тонуший хватается за него, и шнур подтягивают лебедкой. Таким образом, спасатель должен только доставить круг; отпадает необходимость тащить пострадавшего на берег, что очень тяжело при большой океанской волне.

После обучения спасатель сдает последний экзамен и только тогда может надеть специальный костюм. Впрочем, океан сам предоставляет этим людям широкие возможности испытать свои таланты: несчастные случаи довольно часты, а иногда приходит время и для «Великого Испытания», о котором вспоминают потом долгие годы. На пляж в Бонди такое испытание пришло 6 февраля 1938 года. Жители Сиднея до сих пор называют этот день «Черным Воскресеньем».

Увертюра к трагедии

Уже в субботу гневное море грозило поглотить купающихся в Бонди людей. Только за один час спасателям пришлось вытащить из воды семьдесят четыре пловца,

которые из-за больших волн не могли добраться до берега своими силами. Увертюра к трагедии продолжалась и в воскресное утро; много раз принимались спасатели за свою работу — волна все еще была высокой.

Около трех часов дня на пляж пришли на еженедельную тренировку шестьдесят спасателей. Эти молодые люди имеют самые разные профессии и только в выходные дни могут участвовать в соревнованиях по плаванию, которые поддерживают их в хорошей форме. Они стояли у самого берега океана и наблюдали, как лодка их клуба разбрасывает буй по трассе заплыва. В будний день на пляже были только дежурные, и то, что здесь именно в этот день находилось такое количество спасателей, оказалось тем самым добром, без которого не бывает худа. Другим счастливым стечением обстоятельств было распоряжение капитана клуба спасателей, который командовал соревнованиями. Незадолго до трех часов он приказал принести со склада и установить на пляже семь дополнительных лебедок, готовых к действию. Для чего? Он и сам не мог ответить позже на этот вопрос.

Часы на здании клуба пробили три раза, вот-вот начнется заплыв. Но вместо борьбы за первенство между молодыми людьми началась борьба со смертью...

Волна была такая высокая, что никто не купался. Толпы отдыхающих бродили у берега по щиколотку в воде. Более осторожные вообще оставались на берегу, куда не доходили волны. И вдруг совершенно неожиданно три огромные волны обрушились на пляж одна за другой. Отхлынув, они захватили с собой триста человек, которые в мгновение ока очутились в океане.

Просто как пену...

«Людей смыло с пляжа, просто как пену», — рассказывали свидетели трагедии, которые уцелели. На их глазах смытые волнами, охваченные ужасом несчастные тонули, а их крики о помощи заглушал грохот волн, продолжающих биться о берег.

Спасатели, забыв о соревнованиях, бросились на помощь. Около двадцати групп обслуживало стоящие на пляже лебедки, многие бросились в море без всякой страховки, рассчитывая только на собственные силы. Они хватали все, что попадало под руку: пробковые пояса,

резиновые матрацы, даже доски для езды по волнам. Лодка, расставлявшая буи, понеслась на место катастрофы, многие ухватились за ее борта и тем самым спасли свою жизнь.

На пляже началась паника. Люди, увидев своих близких в волнах, потеряли голову и стали судорожно крутить лебедки с такой быстротой, что, если бы их не отогнали, они утопили бы и спасаемых и спасателей, которых подтягивали на тросах к берегу. Несколько спасателей оказались на краю гибели, когда тонувшие скопом набросились на них. «Они вцепились мне в руки, а один схватил за шею, и, если бы я не ударил его, мы все бы утонули», — рассказывал позже один из них. Другой добавлял: «Мужчины плакали, как маленькие дети, безумными голосами звали на помощь, зато женщины сохраняли присутствие духа — каждая старалась, как могла, удержаться на поверхности, пока не подойдет помощь».

Кроме специально обученных спасателей на помощь бросились и случайные свидетели несчастья. Один немец спас молодую девушку, вытащив ее за волосы, но сам заплатил жизнью за ее спасение.

Замок из песка

Сигналы аварийных сирен привлекли новые команды спасателей с соседних пляжей. Молодые люди мчались по берегу океана в Бонди. Там они увидели настоящее побоище. Несколько десятков людей без сознания лежали на песке. Борьба за их жизнь продолжалась более полутора часов, в то время как новоприбывшие команды спасателей все еще находились в воде, разыскивая жертвы трех губительных волн.

Измученные борьбой со стихией, люди присели теперь около спасенных из омута людей, пытаясь вернуть им признаки жизни. Маленькая девочка стоит на коленях рядом со спасателем, который делает искусственное дыхание какому-то мужчине.

— Это мой папочка, спасите его, он пошел в море принести воды, он хотел построить мне замок из песка, — громко рыдала девочка.

Он был спасен. Когда отец открыл глаза и начал глубоко дышать, спасатель сам был почти в обмороке. Из трехсот человек, смытых волной, только пятерых не смогли спасти. Они стали жертвами «Черного Воскресенья». Надо признать, что эта спасательная операция — невиданный подвиг. До нынешних дней в «Бонди Сорф Клуб» сохранилась маленькая табличка, на которой написаны имена тех, кто пришел на помощь людям. Среди них Билл Батлер, Джек Кокс и Тэд Митчелл.

Я привожу эти имена потому, что полтора года спустя, когда другая волна — вооруженного фашизма — выплеснулась из Третьего рейха на мир, эти спасатели опять, по доброй воле, поспешили на помощь. На этот раз речь шла о спасении не трехсот человек, а миллионов людей. И снова они плыли вместе. Ни один из них не вернулся на пляж в Бонди. Они пали смертью храбрых, защищая свободу, которую узнали на огромных пляжах, в морском просторе, залитом лучами солнца. И наверное, именно так понимали ее...

Другая драма, связанная с песком, разыгралась уже во время моего пребывания в Сиднее. В рассказе об Австралии я избегаю легковесных обобщений, которые всегда представляют ловушку для обозревателя. Мне не хотелось бы походить на репортера из незамысловатого австралийского стихика:

В Перте пустил клуб дыма сигары,
Плюнул в Мельбурне, у входа в доки,
А дома, не тратя времени даром,
Весь край описал с размахом широким.

Однако я решаюсь утверждать, что готовность в любой момент прийти на помощь, традиционно укоренившаяся в сознании старых поселенцев Австралии, которые могли рассчитывать только на себя, сейчас передалась широким массам населения городов и поселков. Я думаю, что это соответствует их понятию о братском обществе...

Рональд Миллс работал барочником. Он присматривал за транспортером, который доставал песок со дна реки и сваливал его в огромную кучу. Вскоре после полудня Миллс влез на эту гору, чтобы поднять какую-то деталь, которая сорвалась с машины и упала на песок. Он был уже почти на самом верху двадцатиметровой горы,

как вдруг песок начал сыпаться, завалив рабочего. Синий берет Миллса остался на поверхности, как вешка над местом трагедии.

Джон Уайтхэм, его товарищ по работе, сразу же взобрался на гору и стал руками разгребать песок, освобождая голову засыпанного. Он обеспечил ему доступ воздуха, но предусмотрительно отказался от дальнейших действий на свой страх и риск, так как понимал, что над засыпанным человеком нависло несколько сот тонн песка. Если вся эта масса рухнет вниз, Миллса спасти не удастся. Другой рабочий, оказавшийся на месте происшествия, побежал звонить по телефону. В течение нескольких минут была приведена в действие вся четко организованная спасательная система.

Сначала из близлежащего комиссариата прибыла полицейская машина. Вслед за ней появилась группа, специально обученная и снабженная всеми средствами для оказания помощи в условиях многонаселенного города при несчастных случаях на производстве. Радиостанция прервала передачу концерта и призвала жителей близлежащего района явиться с лопатами на место происшествия. Через четверть часа на помощь Миллсу прибыло несколько сот мужчин из окрестных домов, с соседней стройки подошло пять бульдозеров, поступивших в распоряжение командования спасательных работ. Все приступили к работе, через громкоговоритель полицейской машины передавались команды. На наиболее высоких точках у места происшествия были установлены рефлекторы на тот случай, если операцию не успеют закончить до темноты. Из машины скорой помощи ко рту пострадавшего подвели резиновый шланг, чтобы в случае необходимости немедленно дать ему кислород.

Каждый неверный шаг угрожал катастрофой. Правда, Миллс находился в нормальном положении, головой вверх, но, когда его хотели уже обвязать веревкой под мышками, стало ясно, что тащить рабочего таким способом из песка нельзя. Это вызовет обвал. Люди продолжали осторожно удалять песок, сменяя друг друга. Полицейские с трудом уговорили восьмидесятилетнего старца, который явился с лопатой, оставить эту работу для тех, кто помоложе... Последние слои песка отгребали руками, чтобы не рухнула огромная гора. Наконец после многочасовой работы Миллс был освобожден. Он ослаб, но не получил

никаких повреждений. Когда его положили на носилки, Миллс с улыбкой сказал спасателям:

— А что, похоже, мне полагаются сверхурочные...

Сделка в Чарлвилле

Умение прийти друг другу на помощь в момент опасности имеет в повседневной жизни Австралии родную сестру, имя которой — Практичность. В этой стране, где много места и мало людей, всегда умели организовать всякие мелкие на первый взгляд дела, чтобы облегчить жизнь.

Впервые я очутился в Брисбене, столице штата Квинсленд, проездом. Я только переночевал там по пути из Сиднея в Чарлвилл, важный центр овцеводства в глубине страны. Сразу после взлета в Сиднее стюардесса начала разносить жестянки с пивом, а потом попросила в микрофон всех, кто хочет в Брисбене заказать такси, поднять руку. Я был в числе желающих. Каждый из нас получил листок бумаги, на котором надо было написать свою фамилию. Таких листочков оказалось двадцать семь, стюардесса отправилась в кабину пилота, и радист передал в Брисбен эту цифру. Листки сложили в пластиковый мешочек. Как только самолет приземлился, еще до того как подвезли трап, листки были выброшены через люминатор.

Администрация аэродрома уже сообщила по телефону в местный таксопарк, что к определенному времени нужны двадцать семь машин. Такси не регистрируют, если в нем нет радиопередатчика и приемника. Поэтому стоянки не нужны. Доставив пассажира в нужное место, водитель такси сообщает на базу по радио, где он находится, его положение отмечают на карте города, после чего таксист ждет дальнейших распоряжений, не тратя бензин на порожние рейсы. К нам на аэродром база направила те машины, которые оказались ближе всего.

Один из водителей поднимает мешочек с листками, выброшенный из самолета, и раздает их товарищам. Водители становятся в ряд у входа, и каждый выкрикивает «своего» пассажира. «Мой» подводит меня к своей машине, я сажусь и отдаю ему багажную квитанцию. Он сам получит чемодан и уложит его в багажник. Затем мы отправляемся в город. Совсем как в кино, правда?

По пути водитель сообщает на базу, что едет в такой-то отель, на месте будет через двадцать минут, пассажир его отпускает. Но я, очарованный такой организацией, предлагаю водителю заехать за мной еще и завтра в шесть утра, чтобы опять отвезти на аэродром, так как я собираюсь продолжить полет в Чарлвилл. Водитель крутит головой: исключено — он работает только до полуночи. Приедет товарищ. Он снова соединяется с базой сообщает, что есть пассажир на такой-то рейс и называет цель путешествия. Зачем? Водитель объясняет: если ночью будет туман и парушится расписание рейсов, водитель № 116, который должен везти меня на аэродром, сначала позвонит в справочную аэровокзала и убедится, что вылет состоится во время. Иначе зачем будить меня понапрасну?

На рассвете на ночном столике в номере гостиницы звонит телефон. Портье сообщает, что водитель № 116 ждет в холле, через полчаса нам выезжать. Я одеваюсь, пью чай, мой чемодан отправляется в багажник такси. Водитель говорит «доброе утро», и мы выезжаем. По дороге он сообщает, что атмосферные условия хорошие и меня ждет приятный полет.

Меня интересует подоплека такой добросовестности. Шофер объясняет:

— Вы вчера заказали такси на нашей базе. Была договоренность. Вы обязались заплатить — мы обязались доставить вас. Если бы я не приехал вовремя, и мне не помешали бы при этом высшие силы, и не случилось бы серьезной аварии в последний момент, и сложилось бы так, что некем было бы меня подменить, вы могли бы привлечь нас к суду. Вы опоздали на аэродром и не смогли вылететь. Вы пишете в жалобе, что в Чарлвилле должны были заключить сделку, которая принесла бы вам десять тысяч фунтов прибыли. Вы не смогли прибыть вовремя, мы ввели вас в убытки. Судья наверняка поверит вам, и нашему предприятию пришлось бы платить...

Вы не знаете, кто я такой!

Наверное, со времен первых поселенцев в Австралии сохранилась и непосредственность в общении, которая может показаться на первый взгляд несколько грубоватой. Если австралиец как следует саданет по плечу нового знакомого, это надо понимать как: «Дорогой мой,

ты мне пришелся по душе, парень ты хоть куда. Может, рванем еще по одному светлому, а может, пойдём красть лошадей или еще что-нибудь — лишь бы вместе, лишь бы не расставаться с тобой...»

Ведь это очень молодое общество, хотя за последнее время оно повзрослело. Австралиец-горожанин не носит, как англичанин, черный цилиндр, черное пальто и зонтик-трость, чтобы продемонстрировать свою значительность. Австралиец из буша обходится без серебряных шпор, умопомрачительного седла и очень высокой шляпы, которую носят в Техасе, чтобы покрасоваться. Я встречал людей, хорошо знакомых, вместе попивающих пиво в кабачке на углу, вместе делающих ставки на лошадей на бегах и посещающих матчи крикета, которые не знают друг друга по фамилии. А зачем? Обычно хозяин дома, совершая ритуал представления, произносит два слова:

— Это Джо, а это Джек!

Оба джентльмена обмениваются рукопожатиями — и они уже знакомы.

В этой стране, там, на другом конце света, решительно не любят людей, которые важничают. Рассказывают историю, как перед закрытием бара, когда все теснятся в очереди у стойки за пивом, вошел какой-то мужчина, бросил монету и потребовал себе кружку. Бармен вежливо заметил, что для этого надо встать в очередь. Прибывший гневно закричал:

— Вы не знаете, кто я такой!

Но бармена это не тронуло. Он спокойно обратился к хозяину:

— Шеф, тут тяжелый случай, парень забыл свою фамилию...

Просто безумие

На Леди Лону приятно смотреть. У нее каштанового цвета очень блестящие волосы, тщательно вычесанные щеткой. Она явно нервничает, переступает с ноги на ногу, хотя, чтобы поддержать ее перед предстоящим испытанием, мистер Дэрси ласково похлопывает ее по мускулистому телу и дает кусочек сахару.

Ах да, прошу извинить меня, я забыл с самого начала упомянуть, что Леди Лона — кобыла, выступающая во втором заезде в двенадцать часов пятьдесят минут на беговой дорожке в Уорвик-Фарм под Сиднеем. Сейчас

Леди Лона пойдет на весы, затем на ее спину вспрыгнет жокей, одетый в белую куртку со светло-голубым мальтийским крестом на спине и розовыми рукавами. На голове у него розовая шапочка. Леди Лона будет бороться за свое доброе имя и четыреста шестьдесят пять фунтов награды, включая несколько шиллингов, которые я на нее поставил с небольшой компанией земляков.

Я с ненавистью смотрю на ее соперников. Настоящие клячи все эти Блюм Эгейн, Тинсел, Тейямалко, Кунэмбл, Гленд'Ор, Смок Эвей, Свифт и Мисс. По-моему, они годятся только на бифштексы, не то что Леди Лона! Уже здесь, на месте, я изучил родословную всех лошадей, затем мы обсудили их в компании земляков и поставили на верного скакуна этого дня. Верховодит у нас мистер В., за-всегдай четырех ипподромов, разбросанных вокруг Сиднея.

— На деньги, выигранные на скачках, я ездил на три недели к родственникам в Польшу, — вскользь замечает мистер В.

Затем он отправляется на паддок, чтобы лично присмотреть за четвероногими участниками скачек.

В забегаловке, где стоя потягивают пиво, нельзя кашлянуть, когда из репродуктора, поставленного на стойке бара, доносится голос, в невероятном темпе комментирующий события на дорожке. Вот он умолкает, а за-всегдай с увлечением обсуждают новости. Жеребцы, мерины, кобылы, жеребята — только о лошадях.

На самой верхней ступени общественной лестницы Австралии стоит жокей. В этом не может быть никаких сомнений. В субботний вечер телевидение передает интервью с маленьким невзрачным человечком. С благоговением слушают жокея, который благодаря лошади достиг огромного богатства.

— Правда ли, что вы зарабатываете больше, чем премьер-министр Австралийского Союза? — задается вопрос.

— Да, это так, — без лишней скромности отвечает герой шпор и кнута.

— Вы считаете, что это правильно?

— Конечно. Я думаю, что, если бы премьер, как я, вкакивал бы каждый день в четыре утра и скакал галопом по грязи, он тоже заслуживал бы надбавки...

Когда в 1962 году австралийский жокей Нэвил Селвуд упал с лошади и разбился насмерть на беговом поле под

Парижем, то оказалось, что за двадцать четыре года он заработал целое состояние. Селвуд оставил семье в наследство недурную сумму в двести тысяч австралийских фунтов, то есть около четырехсот пятидесяти тысяч долларов. Интересно отметить, что свою карьеру он начал в качестве конюха с жалованьем в один фунт в неделю...

! Жокей Джордж Мур, лучший в Австралии, представляет дело следующим образом: «Меня лично интересует только Джордж Мур, остальные пусть позаботятся о себе сами, это не игра для слабых...» Поклонники таланта Мура называют его «Ватные Пальчики», а враги — «Артистом», потому что он, если случится проиграть, бесильно разводит руками перед зрителями.

Увлечение скачками в Австралии беспредельно. Один геолог, в одиноком домике которого я провел несколько дней, когда приехал на Новую Гвинею, очень огорчился, узнав, что у меня с собой нет радио. Его приемник «забастовал», кончились батарейки, а ему послезавтра непременно надо слушать радио, поэтому он отправляется в поселок Вивак... Решение было твердое. Идти в Вивак означало по крайней мере два дня форсированного и небезопасного перехода через джунгли. А услышать он должен был не важное сообщение о войне и мире или вести о погибшем корабле, на борту которого находились его близкие, а результаты скачек на ипподроме во Флемингтоне под Мельбурном.

Только в одном штате Виктория тридцать тысяч человек зарабатывают себе на жизнь на скачках. Четыре тысячи конных состязаний в год устраиваются на территории Австралии. А ведь первые «лошади» были завезены сюда на судах Первого флота, позднее рысаков привозили из Чили и Южной Африки.

Это безумство началось в 1810 году в Параматте, хотя есть любители, яростно утверждающие, что первые скачки состоялись годом раньше в Хоуксбери-Ривер. Первый букмекер начал «доить» соотечественников в 1882 году. Скачки в известном смысле стали проявлением светской жизни. Наивысшей наградой является Кубок Мельбурна, стоимостью семьсот фунтов плюс денежная премия в двадцать пять тысяч.

А в первые годы наградой был мешок с различными хозяйственными мелочами. «Обычно там было положено

и детское приданое для поощрения браков, так как в скачках принимали участие только холостяки и джентльмены», — писал хронист времен первых поселенцев...

«Лошадиные» сны

Сейчас в забегах участвуют лошади, выращенные на специальных заводах. Скаковая лошадь — дорогое удовольствие. В 1963 году двухлеток Паго-Паго был продан австралийцами в США за кругленькую сумму в двести тысяч долларов.

А в первые годы лошадей не хватало и скачки проводить было трудно. Однако, жадные до скаковых эмоций, австралийцы и тут нашли выход. Они стали устраивать скачки на коровах. Полтора века назад солидная «Сидней газетт» сообщала: «На прошлой неделе состоялись скачки, участники которых мистер Д. и мистер Б. скакали на своих коровах. Скачки проводились на дистанции восьмьсот метров, однако соревнования пришлось прервать на средние трассы, так как мистер Б. был выброшен из седла. Как видно, его скаковая корова оказалась плохо обьезжена»...

Обычно люди во сне видят прекрасных женщин, быстходные машины, дальние страны... Австралийцы же в сновидениях идут на... ипподром.

В 1870 году владельцу пивной города Балларат мистеру Уолтеру Крэгу приснилось, что его лошадь Нимблфут завоевала Кубок Мельбурна, но жокей, скачущий на победительнице, был в трауре... Иеремия Слэк посмеялся над мистером Крэгом и заключил пари против Нимблфута: тысяча фунтов против... трех сигар! И что же вы думаете? За неделю до скачек мистер Крэг скоропостижно скончался, по причине чего его жокей надел траур. Тут уж мистер Иеремия перестал дурачиться и галопом полетел в кассу, чтобы поставить на осмеянную им лошадь. Он выиграл пятьдесят тысяч фунтов и проявил такую порядочность, что отдал вдове Крэга ту тысячу фунтов, которую проиграл покойному...

В 1913 году произошел следующий случай: мистера Фреда Коппеля навестил знакомый полицейский. Стражу общественного порядка приснилось, что забег выиграла лошадь под номером восемь. Он лихорадочно листал бюл-

летень и наконец установил, что под этим номером пойдет жеребец Позинат. Оба приятеля вместе поставили на лошадь из сна, и мистер Фред выиграл целое состояние — сто тысяч фунтов.

Жульничество за фунт

Крупные суммы, которыми ворочают на скачках, привлекают к ним разных мошенников. Игра стоит свеч: сумма ставок только за один забег на Кубок Мельбурна в 1962 году, ежегодно разыгрывающийся в первый вторник ноября, составляла пять миллионов австралийских фунтов, то есть одиннадцать миллионов американских долларов. Австралийские газеты живут рассказами «из конюшен», они печатают с продолжением лошадиные родословные, жокейскую геральдику и сплетни, услышанные чуть ли не от самих лошадей; они постоянно информируют своих читателей, притом всегда на первой странице, когда женится кто-либо из жокеев или когда состоится случка известного жеребца со знаменитой кобылой. Без конца пересказываются легенды о пяти кобылах, которые участвовали в скачках всю жизнь и ни разу не проиграли; в народе жива память о тренере Этьене де Местре, воспитавшем этих лошадей, призеров Кубка Мельбурна.

Значительно скромнее сообщения о попытках отдельных паездников любой ценой преуспеть в жизни. Время от времени обнаруживают электрические батарейки, подключенные к шпорам, или шприцы, наполненные сильным возбуждающим средством. Эти предметы, найденные у жокеев скаковых лошадей, возбуждают вполне понятные подозрения. Можно услышать самые разнообразные объяснения. Говорят, что батарейка куплена для фонарика сыншики, который он хочет взять с собой в лагерь, а жидкость в ампуле — для укрепления здоровья жены, и совсем непонятно, каким образом она очутилась в сапоге ее супруга и как раз за несколько минут до начала скачек. Однако такого рода объяснения никого, конечно, не удовлетворяют.

Большие забеги привлекают людей с большими масштабами. Джим Кингсли был исключительномышленым ребенком, коль скоро уже в начальной школе в родном городе Мейтленде (штат Новый Южный Уэльс) организовал отлич-

но действовавший тотализатор и принимал ставки от детворы. Это было скромное начало, несколько позже Джим поднабрался опыта. Сначала он приобрел двух лошадей, потом проделал туннели под весами на ипподромах в Сиднее и Ньюкасле, где бегали его кобылы. С вечера накануне скачек в такой туннель пробирался маленький мальчик, который за скромную плату в один фунт и щедрое снабжение сладостями делал из Джима Кингсли «счастливчика Джима»... Уловка была проста. Когда собирались взвешивать жокея, скакавшего на одной из лошадей жулика, мистер Кингсли условным стуком подавал знак. По этому сигналу мальчик в подкопе подвешивал снизу к весам оловянный балласт. Как знаменитая козочка из сказки выбивала копытцем золотые дукаты, так и Джим, притоптывая по полу, выбивал себе фунты...

Конюшня Фар Лапа

Один раз мистер Кингсли поссорился с кем-то из букмекеров, который позавидовал его постоянному везению. Оба джентльмена сначала перебрасывались словами, а потом сбросили пиджаки и сцепились врукопашную. В пылу боя мистер Кингсли пропустил время и не присутствовал при взвешивании. Сигнала не было, мальчик в туннеле спокойно уписывал лакомства из своих запасов, а жокей получил плохие цифры. Примчался запыхавшийся Кингсли, разыграл сцену возмущения и добился повторного взвешивания. На этот раз сигнал был подан и вес получился какой надо. Однако этот случай заронил подозрения. Туннели были обнаружены. Но прием Кингсли, который на профессиональном жаргоне Австралии называют «облетывать голубка», не был забыт и повторялся еще несколько раз при разных обстоятельствах.

Однако эти темные дела не должны бросать тень на истинно благородных животных. На вечные времена останется героем Фар Лап, родившийся в 1926 году в Новой Зеландии, угасший в Мэнло Парке в Калифорнии 5 апреля 1932 года. Что это был за конь! Наисвятейшие реликвии его заботливо сохраняются. Скелет этой лошади можно видеть в Данидине в родной Новой Зеландии. Его сердце, огромное, как мешок букмекера, находится в

Институте анатомии в Канберре. Шкура Фар Лапа, натянутая на искусственный остов, занимает почетное место в Национальном музее в Мельбурне. Стеклянным окном взирает Фар Лап на толпы поклонников, роняющих слезы воспоминаний, и на продавцов цветных открыток, делающих на них педурной бизнес. Владелец пивной напротив Национального музея широко разрекламировал свое заведение, назвав его: «У конюшни Фар Лапа». Удачнее нельзя было и придумать.

Фар Лап (по-сингалезски «Молиния») выиграл в общей сложности шестьдесят шесть тысяч семьсот восемьдесят три фунта. Неизвестные злоумышленники еще в Австралии обстреляли его дробью, а жизнь свою он окончил при весьма таинственных обстоятельствах в Калифорнии. Когда весть об этом дошла до Австралии, сразу же были подняты американские матросы, которые в это время находились в порту Сиднея. Весь народ надел траур. Был выпущен фильм о лошади, погубленной завистниками-конкурентами. Народный поэт П. Ф. Коллинз опубликовал в Сиднее элегию в стихах «для увековечения памяти Фар Лапа, самого великого коня в мире»... Из-под пера поэта лилась на бумагу слова искреннего волнения:

«Может быть, будущее покажет, каковы были истинные причины этой кончины коня в расцвете сил, и вдобавок ко всему — в стране янки, там где умер Лес Дэрси, чемпион ринга... Может быть, пройдет еще много лет, пока родится другой конь, который сможет сравниться с Фар Лапом, тем, кого нет уже среди нас. А если человек отранил Фар Лапа, то пусть сгниют его кровь и тело, пусть могилу ему выроют на горном склоне, куда никогда не заглядывает солнце...»

Я добавлю только в качестве комментария к этой легенде, что упомянутый в ней вскользь Лес Дэрси был не конем, а всего лишь человеком, австралийским боксером, которого плохо приняли в Соединенных Штатах и который умер там во время турне...

Маневры и скачки

День скачек на Кубок Мельбурна всегда нерабочий. Отели в городе переполнены до предела, администрация не принимает заказов на номера уже за несколько месяцев до скачек. Наверное, не случайно скачки совпадают по

времени с маневрами Королевского военного флота Австралии в прибрежных водах вблизи Мельбурна.

В этот день вся страна пребывает в глубоком волнении. Мусульмане не празднуют так своего Рамадана, а французы — День 14 июля...

Невозможно нарушить экстаза последних минут, когда весь огромный континент вслушивается в топот лошадиных копыт, долетающий из Флемингтона. Часты случаи обмороков у репродукторов, передающих вести с ипподрома, иногда дело кончается даже смертью какого-нибудь слишком взволнованного радиослушателя или телезрителя с больным сердцем.

С самого утра по дорогам, ведущим к ипподрому, движутся тысячи автомобилей. Их номера говорят о том, что пассажиры прибыли из самых отдаленных районов Австралии. При здешних расстояниях фанатику скачек приходится жертвовать всем своим отпуском для того, чтобы собственными глазами увидеть великий забег и, вернувшись назад в родной поселок, весь следующий год предаваться воспоминаниям... Полиция с геликоптеров старается руководить лавиной машин, мчащихся во Флемингтон.

А ведь в 1862 году, когда лошадь по кличке Арчер выиграла Кубок Мельбурна, газеты посвятили этому событию заметку всего в десять строк. В следующем году она выиграла десять забегов, и на этот раз о ней написали несколько подробнее.

Чарльз Хоуви проиграл ставку

Чарльз Хоуви — невероятный счастливчик, он выиграл на скачках несколько миллионов долларов. В 1935 году Хоуви считался самым элегантным мужчиной в Сиднее, у него была прекрасная вилла в аристократическом районе города; он посещал лучшие рестораны. И продолжал играть на скачках...

В 1953 году перед сиднейским судом предстал ободраный бродяга, который украл бутылку с молоком из-под двери какого-то дома. Тот же человек был найден двумя годами позже на мусорной свалке. Он был мертв. Этим несчастным оказался Чарльз Хоуви, веривший в свою счастливую звезду. Его похоронили на средства ипподрома...

На скачках случается всякое. Когда мистер В., очень азартный игрок, отошел на минутку, другой мой земляк сказал:

— Да, да, это правда. Он действительно ездил тогда на три недели в Польшу на деньги, выигранные в тотализатор, а один только перелет сколько стоит! Это факт... Он только забыл «похвалиться», сколько раз возвращался с ипподрома в Сидней пешком...

Оказывается, мистер В. всегда прячет в жилетный карман деньги на обратный билет в Сидней — из Уорвик-Фарма добрый час езды по железной дороге. Однако, проиграв все наличные деньги, он идет еще раз попытать счастья на сумму, оставленную на обратную дорогу. И отдает эти деньги в кассу тотализатора, а они переходят к кому-нибудь из джентльменов с тупыми лицами, которые с большими мешками стоят по всему ипподрому. Затем мистер В. наблюдает за поражением своего фаворита и отправляется в Сидней пешком. Когда-то он был унтер-офицером и сохранил еще форму. Мистер В. марширует всю ночь. Утром, придя домой, едва успевает побриться и вымыться, как уже пора бежать на работу

Кто ты, Матильда?

По созвездию Южный Крест вычисляли свой путь в океане Васко да Гама и многие другие известные моряки. Данте воспел это созвездие в «Божественной Комедии». А сейчас Южный Крест — этот предмет вдохновения поэтов и моряков — перешел на государственный флаг как Австралии, так и Новой Зеландии. Мне кажется, что это единственное созвездие, которое сделало такую удивительную карьеру на земле...

Зато с национальным гимном Австралии все время происходят недоразумения. Гимн Австралии — «God Save the Queen» («Боже, храни Королеву»), хотя в этой же роли выступают иногда и песня, написанная мистером Мак-Кормиком, под названием «Advance Australia Fair» («Иди, Австралия, вперед»). Если гимн рождается не в огне борьбы или революционных событий, а возникает в кабинете композитора по заказу, то, несмотря на свою внушительность, обычно бывает не слишком захватывающим.

Многие австралийцы считают своей истинно национальной песней совсем другое произведение. Когда на Олим-

пийских играх в Мельбурне побеждал кто-нибудь из представителей страны хозяев, оркестр играл «Боже, храни Королеву», но как только утихали последние звуки гимна, воодушевленные зрители затягивали «Вальсирующую Матильду». Австралийские солдаты пронесли эту песню через две мировые войны, вместе с ними она штурмовала Дарданеллы, шла по полям Фландрии, ее пели под Тобруком и на Крите. Эту песню играют обычно в австралийских портах, когда приходит очередной корабль с эмигрантами из Европы.

Греческие города не спорили так о том, в каком из них родился Гомер, как австралийцы об авторстве мелодии «Вальсирующая Матильда». Одни музыковеды утверждают, что в основе ее лежат шотландские мотивы. Другие усматривают в ней элементы марша английских солдат XVIII века.

Самое интересное заключается в том, что песня эта не воспевает никакой девушки, как можно было бы предположить по ее названию. В ней речь идет об одиноком скитальце, одном из тех, которые пешком пересекали огромные просторы Австралии, иногда подрабатывая, а иногда другими способами добывая себе на пропитание.

Все имущество они носили с собой завернутым в одеяло. Обычно такие одеяла были синие или голубые, отсюда в австралийском словаре слово «blue» означает одеяло, независимо от его цвета. Скиталец мог быть горняком, пастухом или стригалем. Этим людям в разное время давались разные прозвища, но больше всего к ним подходило одно из них — «sundowner»⁴³, потому что именно к заходу солнца они старались добраться до какого-нибудь жилища, рассчитывая, что там в это время готовится ужин, а если немного помочь по хозяйству, то можно будет и получить еду.

В годы экономической депрессии, которые с удивительной последовательностью повторяются в Австралии, наступали плохие времена и для этих бродяг. Именно в один из таких дней какой-то скиталец сказал хозяйке дома, который попался ему на пути:

— Хозяюшка, дай мне кусочек хлеба, совсем маленький, я хочу только п о к а з а т ь его моему желудку.

⁴³ Лентяй, приходящий на ферму после окончания рабочего дня прямо к ужину (англ.). — *Прим. ред.*

Так что «Матильда» — это узелок скитальца; танцевать с Матильдой — значит идти по дорогам без конца и без края, с палкой на плече, на конце которой пляшет и подпрыгивает жалкий узелок. Песня, столь дорогая сердцу каждого австралийца, воспеваает именно такого скитальца, который уселся под деревом и напеваает, дожидаясь, когда в котелке над костром закипит вода...

Средство от людоедов

Надо сказать, что чувство юмора не покидает австралийцев даже в тех обстоятельствах, когда другие народы применяют высокопарный и патетический стиль. Вот что пишет солидная австралийская энциклопедия об очень интересной личности — Луиджи Мария Д'Альбертисе, еще сто лет назад без охраны, вдвоем с одним итальянцем посетившем недоступные районы Новой Гвинеи: «Чтобы разогнать враждебно настроенных туземцев, путешественники обычно давали залп из огнестрельного оружия. Д'Альбертис же распевал арии из опер, что, по мнению обоих путников, было самым действенным средством устрашения...»

Слова «Матильды» вышли из-под пера Эндрью Бартон Петерсона, выступавшего под псевдонимом Банджо, автора множества баллад, основанных на австралийском фольклоре. Петерсона упрекали, правда, в том, что он изображает только светлые стороны жизни в буше, что якобы не замечает, как дым костра разбедает глаза скитальцев, а башмаки их всегда влажны. Поэт отвечал своим оппонентам историей собственной полной приключений жизни, которая сама могла стать темой для баллады. Он был уже известным поэтом, когда в качестве военного корреспондента отправился в Африку во время кампании против буров⁴⁴. Вместе с уланами Нового Южного Уэльса Петерсон скакал по равнинам на коне и был первым

⁴⁴ Б у р ы (а ф р и к а н е р ы) — потомки европейских, главным образом голландских, колонизаторов, основавших в 1652 г. на Юге Африки Капскую колонию. В 1806 г., после захвата ее Англией, основали свои республики: Оранжевое свободное государство (1854 г.) и Трансвааль (1856 г.).

После англо-бурской войны 1899—1902 гг. оба государства были превращены в провинции Южно-Африканского Союза.—
Прим. ред.

корреспондентом, попавшим в Блумфонтейн. Верхом прорывался он через территории, занятые бурами, чтобы добраться до телеграфа.

Был Петерсон и в Китае во время Боксерского восстания⁴⁵, и на Филиппинах во время войны с Америкой; когда началась первая мировая война, он снова ушел на фронт в Европу. Во Франции поэт был санитаром, в Египте дослужился до майорского чина.

«Матильда» появилась на свет в буше. Петерсон, находясь в гостях у семьи Макферсонов, услышал грустную историю скитальца, который украл четырех овец. Преследуемый полицейскими, он бросился в озеро и утонул, чтобы не попасть живым в их руки. Здесь поэт впервые познакомился с лексикой скитальцев буша. До поздней ночи сидел он на веранде и писал стихи...

Голод и гнев

Под Южным Крестом жили люди, унаследовавшие самые пестрые традиции. Они сложились из примитивной демократии старателей, в их основе — голод и гнев ирландских политических заключенных и безработных крестьян, отчаяние эмигрантов из резервации лондонской бедноты, достойная бедность шотландских священников и народных учителей. Этих людей создала страна, такая, какой они застали ее — суровый, жестокий мир, покорить который могли люди, еще более жестокие и сильные, чем он.

Средний австралиец не признает мистики, его трудно втянуть в политические споры. Сэр Роберт Мензис, правда, был выбран премьером, но в народе его пазывали «Боб-сырье», потому что соотечественники не могли ему простить, что в самый канун войны с Японией он разрешил экспортировать из Австралии в эту империю железную руду, металлолом и другое стратегическое сырье. А когда в начале нашего столетия скончался Томас Бэнт, премьер-министр штата Виктория, в шивных Мельбурна воспомина-

⁴⁵ Боксерское восстание (правильнее И хэ ту а н ь с к о е восстание) — антиимпериалистическое восстание в Китае в 1899—1901 гг., инициатором которого явилось общество «И хэ цюань» («Кулак во имя справедливости и согласия»). В связи с тем что в названии входит слово «кулак», иностранцы назвали его боксерским. — *Прим. ред.*

ли о нем с умилением: «Как хотите, но это был человек... Конечно, говорят, что он не отличался честностью, когда можно было ухватить порядочный куш; говорят, был не дурак выпить и бабник был отчаянный, но в остальном — парень чистый как слеза...»

Премьер-министр штата Новый Южный Уэльс сэр Джон Робертсон, который немного шепелявил, захотел купить говорящего попугая. В зоомагазине был большой выбор, но шотландская совесть государственного мужа была ввергнута в смятение высокими ценами, поэтому выбор занял много времени.

— Школько штоит эта птичка?

— Двадцать фунтов.

— Это слишком дорого. А та?

— Эту я отдам за восемнадцать.

— А ражговаривает она хорошо?

— Еще бы! Если бы она говорила, как вы, господин премьер, я бы давно свернул ей шею...

Настоящие патриоты

В 1796 году в Сиднее был открыт первый в мире австралийский театр. Все роли исполняли каторжники. В прологе выступил карманник Джордж Бэррингтон. Он поклонился зрителям и обратился к ним с речью в стихах:

«Мы явились из дальних краев,
Из-за синих морей мы пришли.
Не играли оркестры для нас,
И не бил в нашу честь барабан.
Патриоты — название нам:
Мы расстались с отчизной своей,
Чтоб разлукой добро принести...»

Горькая ирония этих слов время от времени оставляет след в той красочной драме, которая называется историей Австралии. Трудно было искать у этих каторжников или даже их потомков элементов покорности по отношению к властям. Вместо этого под Южным Крестом рождалось чувство общности и солидарности в борьбе против насилия. Кандальники вскрывали друг другу вены, чтобы выпить крови товарища во время посвящения в «орден Братства». Присяга была рифмованная, из восьми строф, и она начиналась словами:

«Рукою об руку, навеки, навсегда,
В болезни, в здравии,
На суше и на море,
В раю и в аду...»

Эти слова не были пустой фразой. Верность обязывала. Сохранились дневники Джозефа Холта, генерала ирландских повстанцев, в 1798 году сосланного в Австралию. Он рассказывает, как в 1800 году его привели на процедуру бичевания девятнадцати ирландцев, которые якобы готовили бунт заключенных. Кнутом пытались заставить их признаться, где спрятаны пикки и другое оружие. «Следующий узник, которого били кнутом, — писал Холт, — был Падди Галвин, юноша лет двадцати. Его приговорили к тремстам ударам. Первую сотню юноша получил по спине — кнут сорвал все мясо с лопаток. Тогда лекарь приказал следующую сотню отвесить по ягодицам. Там мясо превратилось в такое месиво, что последняя сотня пришлась по икрам. За все время Галвин ни разу не застонал, не старался уклониться от ударов, хотя, впрочем, это было все равно невозможно. Его вновь спросили, где спрятаны пикки. Галвин ответил, что не знает, но если бы и знал, то все равно не сказал. Он произнес: «**Можете повесить меня, но вы никогда не услышите из моих уст такой музыки, от которой другим пришлось бы плясать на виселице...**»

Когда люди станут братьями

Так возникло типично австралийское определение «mate», нечто среднее между понятиями «друг» и «брат». «Я уверен, что социализм, истинный социализм, уничтожит тиранию и приведет к тому, что люди станут братьями», — писал в прошлом столетии Уильям Лейн.

Этот ирландец был необычайно интересной личностью. В Квинсленде благодаря его неиссякаемой энергии и организаторским способностям возникло профсоюзное движение; он первый начал издавать массовый рабочий журнал. Позднее Лейн увлекся идеями утопического социализма; с группой своих последователей он перебрался в Парагвай, где попытался основать колонию Новая Австралия на принципах утопического социализма. Эта попытка окончилась полным провалом.

В романе Уильяма Лейна «Рай человека труда» писатель выводит двух друзей — Билла и Джека. Они

вместе скитаются, кочуют, вместе работают, но тут Билл приходит к мысли, что это еще не «mateship», не настоящее «братство»... По его убеждению, у друзей-братьев должно быть все общее, например деньги. Они складывают все свои заработки в одну кассу, в случае надобности один из них может взять столько, сколько ему нужно, не давая никаких объяснений, и каждый может пользоваться всем, если с одним из них случится беда...

Что новенького в Англии?

Солидарность во время опасности была реакцией на насилие. Как заключенные, так и вольные поселенцы сталкивались в Австралии с неслыханным произволом властей. Один губернатор, известный своей честностью, писал, что в этой стране живут либо каторжники, либо те, кто должен ими быть.

Бывали случаи, когда поселенец, укравший часы, приговаривался к наказанию пятьюстами ударами кнутом, что практически означало верную смерть. Полковник Гейлс приказал как-то падать на шею женщины колодку, утыканную гвоздями, и так водить ее по улицам Хобарта. Губернатор Дэви дал распоряжение избить кнутом свободного поселенца. Когда бедняга начал кричать, что губернатор не имеет на это права, того, очевидно, лишь позабавила такая наивность.

— Я все-таки попробую... — только и сказал он.

В другой раз врач, государственный служащий, приказал бить кнутом ремесленника, позволившего себе невиданную дерзость — потребовать платы за работу. Свидетелям, показания которых не правились судье, освежали память, отмеривая в перерыве по сто ударов, прямо во дворе здания суда, после чего, вполне «убежденные» подобным аргументом, они говорили все, что нужно...

Мелкие и крупные жалобы разбирались тоже довольно своеобразно. Один поселенец встретил на улицах Хобарта спекулянта, который с помощью всяких махинаций отобрал у него зерно. Поселенец стал громко жаловаться прохожим на бесчестный обман. Поблизости случайно проходил военный комендант, к которому обманщик обратился с жалобой об оскорблении личности. Суд состоялся прямо на улице и продолжался ровно пять минут. Поселенец был приговорен к тремстам ударам,

и к приведению приговора в исполнение приступили немедленно. В течение часа двести ударов пали на спину бедняги. Вдруг разнеслась весть, что в порту появился корабль, прибывший из Англии. Палач наскоро отвесил приговоренному еще несколько ударов кнутом, которые должны были символизировать оставшуюся сотню, и побежал к набережной с криком:

— Что новенького в Англии?

Жертва экзекуции, благодаря счастливому случаю спасенная от смерти, осталась лежать на мостовой в луже собственной крови.

1 июня 1816 года «Хобарт-таун газетт» описывала публичную продажу одной женщины с аукциона ее мужем. Покупатель объяснял, что поскольку она ни молода, ни хороша собой, то стоит не более галлона рома и двадцати овец. «По заинтересованности участников аукциона можно было сделать вывод, что если на рынок поступало бы больше таких предложений, то торговля шла бы весьма оживленно», — писала газета.

Мешочек из шкуры кенгуру

Не окунулся ли я слишком глубоко в историю при моих попытках отыскать ключ к пониманию австралийских обычаев и образа жизни?

Я хочу напомнить, что последний каторжник умер совсем недавно — в 1938 году; он скончался в доме для престарелых в Перте, столице штата Западная Австралия. В Австралию этот человек прибыл в 1864 году не по собственной воле, а как «вынужденный иммигрант», то есть каторжник, привезенный в кандалах. Белое население Новой Каледонии — тоже потомки каторжников, и я сам мог убедиться, что о происхождении здесь не принято говорить. Точно так же и в Австралии до недавнего времени пытались затушевать очевидные факты. Опубликованная в 1929 году официальная история штата Западная Австралия ни одним словом не упоминает о каторжниках, которых завозили туда в массовом порядке.

В 1931 году при сносе старых зданий полиции в Тудинэ в упомянутом штате наткнулся на мешочек из шкуры кенгуру с пачкой писем. Установили, что они были адресованы одному из каторжников. Получил он их от своих родных из Йоркшира. Большинство членов историческо-

го общества, куда были переданы письма, высказалось... за их уничтожение. Началась бурная дискуссия. Особенно яростно защищали свои позиции сторонники тезиса о том, что эта страница истории Австралии должна быть забыта.

Каторжникам не полагалось надгробий; только много позднее, когда наконец отказались от такого рода мести умершим, стали ставить камни, на которых до сих пор можно прочесть надписи, сильно пострадавшие от времени и поросшие мхом: «Тот, кого преследовали несправедливые судьи, сосланный на чужбину...» Дожди целого столетия не могут смыть следов причиненного зла. Из своих могил одни мертвецы обвиняют других.

Удовлетворение Кишу

Неприязненное отношение к бывшим каторжникам в последнее время радикально изменилось. Извлекаются из забвения имена тех, кто не был сломлен каторгой, кто строил жизнь на великом материке.

Поклонники таланта Эгона Эрвина Киша, к числу которых принадлежит и ваш слуга, с удовольствием узнают об удивительных последствиях его пребывания в Австралии перед самым началом второй мировой войны. Его живой ум привлекла личность Фрэнсиса Говарда Гринвея, одного из тех людей, которые бродят по свету, соединяя в себе редкие таланты к творчеству с полной неспособностью найти им практическое применение. Он — каторжник — создал произведения искусства, которые, хотя и были изуродованы грубыми руками тюремщиков в соответствии с их низменными вкусами, сохранили печать величия. Губернатор помиловал Гринвея, но его пресмник решил, что держать этого художника и архитектора при себе в качестве свободного человека невыгодно, и уволил его. На этом кончаются официальные свидетельства о жизни Гринвея. Умер он в бедности и был похоронен в безымянной могиле.

Так вот, описывая собор св. Якова в Сиднее, где на мраморных досках увековечены имена выдающихся людей эпохи, Киш утверждал, что архитектором этого собора был не кто иной, как Гринвей, что именно он построил самые высокие здания в Сиднее. По словам Киша, еще сто лет назад Гринвей предложил смелый

проект моста для порта; он намеревался возвести его именно в том месте, которое сто лет спустя было признано наилучшим для этой цели. «Как не сказать о той несправедливости, которая была допущена по отношению к создателю великих ценностей, ведь среди бесчисленных мемориальных досок в соборе нет даже доски в его память».

Эрвин Киш был бы удовлетворен, если бы узнал, что его замечания не остались без последствий. Уже после отъезда журналиста был поставлен камень, который возвещал всем и вся: «Памяти Фрэнсиса Гринвея, мастеров и рабочих, построивших храм». Вместе с тем это единственный памятник, поставленный Австралией каторжникам.

Последний рейс «Отаго»

Люди, которые живут на Тасмании, называют огромную Австралию просто материком, а себя — тасманийцами. В отличие от австралийцев, то есть жителей этого материка. Остров представляет собой штат Австралийского Союза со столицей в Хобарте.

Определения типа «наибольший — наименьший» всегда порождают во мне неуверенность, но когда говорят, что Тасмания — самый гористый остров в мире, то невольно оглядываешься. И действительно, куда ни посмотришь — горы. Горные склоны сплошь покрыты лесами, бумага из их дерева могла бы, как говорят, удовлетворить потребности издательства на Флит-стрит в течение целого столетия. Однако истинную славу принесли Тасмании ее сады. Океанские корабли, которые заходят почти в центр города Хобарта, по всему миру развозят яблоки из садов Тасмании. Маленький остров засыпает мировые рынки плодами с его яблоневых деревьев. Тасмания поставляет также груши на крупнейшие рынки Европы.

Остров полон историей. Когда я прибыл сюда из Польши в поисках вчерашнего дня, то еще застал жалкий остров парусника «Отаго», ободранный сборщиками металлолома, которые никак не могут прокормить прожорливые доменные печи Японии. А в декабре 1964 года дело уничтожения завершили американцы, забрав оставшиеся пять тонн металла с остатков некогда гордого корабля.

Так закончилась поражением многолетняя кампания, которую вел Ежи Мальхарек из Хобарта, имеющая целью

сохранить если не весь корабль, то хотя бы отдельные его части. Это грустная история. Парусник «Отаго» когда-то курсировал между Австралией и островом Маврикия. В 1888 году его капитаном был поляк, Теодор Юзеф Конрад Коженевский, всего два года назад ставший подданным Его Королевского Величества. В мировую литературу он вошел как Джозеф Конрад.

На Тасмании, пятая часть которой все еще недостаточно исследована, раньше всех оказался польский путешественник Павел Стшелецкий. Сейчас дерево, в тени которого некогда стоял его лагерь, находится под охраной. Местным поселенцам оно служило почтовым ящиком: в большое дупло бросали почту и соответственно доставали корреспонденцию, принесенную почтальоном.

О раннем периоде истории Тасмании, которую называли сначала Вандименовой Землей, свидетельствуют толпы постройки. Старое название было отвергнуто, от него веяло ужасом. Островом Сокровищ называли Тасманию романтические певцы. История его омыта кровью и слезами. Стоит побывать на этом острове хотя бы ради того, чтобы увидеть свидетельства жестокостей одних людей по отношению к другим.

Суды и сады

Сохранился реестр приговоров, подписанных 15 марта 1830 года в Мейдсоне, в Великобритании. В этот день трубочник Джеймс Прайс, двадцати двух лет от роду, был обвинен в краже свинцовой трубы стоимостью шесть шиллингов и приговорен к ссылке в Австралию на четырнадцать лет. Поденщик Роджер Катлер приговорен к смерти за кражу пятнадцати фунтов говядины. Джон Прэнтис, пятнадцати лет, за кражу трех коробок пистонов осужден на семь лет ссылки в Австралию. Томас Рейстон, двадцати двух лет, — к смертной казни за кражу коня и воза. Джон Брайтон, двадцати лет, приговорен к смерти за кражу восьми бушелей муки. Джеймс Кэрэй, пятнадцати лет, — к смерти за кражу одного соверена и нескольких предметов. Тиренс Сэлби, рыбак, двадцати трех лет, сослан в Австралию пожизненно за кражу пары башмаков стоимостью пять шиллингов.

Британские суды того времени казнили даже детей. В 1748 году десятилетний Вильям Йорк был повешен, «да-

бы примерное наказание, которое постигло этого отрока, стало предостережением для других детей». В 1801 году такая же участь постигла тринадцатилетнего Эндрию Бриннинга за кражу со взломом — одной ложки; годом позже в Линее повесили семилетнюю девочку. В 1833 году приговорили к смертной казни девятилетнего мальчика, укравшего из разбитого окна вещь стоимостью в несколько пенсов. «Я обращаю внимание на безмерную опасность, которая может возникнуть, если люди узнают, что это столь ужасное преступление ребенка осталось безнаказанным», — заявил судья, вынесший приговор.

Другой британский суд приговорил к семи годам ссылки в Австралию девятилетнего мальчика по имени Джеймс Линч, укравшего коробочки с игрушками. Аргумент о том, что у ребенка никогда не было ни одной игрушки, не подействовал на суд. Джеймс Линч был привезен на тюремном корабле на Тасманию и заключен в знаменитую детскую тюрьму Пуэр Поинт. Кроме него там находились еще двое детей, мальчик и девочка, семи лет, уличенные в краже хлеба на два пенса.

Тюремный комбинат

Пуэр Поинт был всего лишь небольшой частью огромного тюремного комбината, который полтора века назад возник на полуострове Тасмана. Это была естественная тюрьма. Что бы сказал Абель Тасман, этот энергичный моряк, если бы узнал, какая страшная фирма взяла его имя!

Узкая полоска суши, соединяющая этот полуостров с Вандименовой Землей, весь год круглосуточно охранялась свирепыми псами, так что ни один человек не мог проскользнуть. Чтобы беглецу-каторжнику не пришло в голову спастись вплавь, в море вдоль перешейка постоянно бросали мясные отбросы и лили воловью кровь. Это должно было привлечь сюда акул. И действительно, за все время существования каторги ни одному беглецу не удалось выбраться отсюда. На всякий случай был сделан отлично действующий световой телеграф, по которому в течение нескольких минут можно было передать в Хобарт описание внешности преступника, чтобы не дать ему возможности отплыть на корабле, уходящем в Европу.

Сохранились подробные потрясающие показания каторжников (их было около двадцати человек), пытавшихся сбежать с острова. Они не могли выбраться с полуострова, не могли достать пищи и сами отдавались в руки преследователей, потому что смерть от руки палача была для них единственным выходом, чем-то вроде самоубийства за счет государства.

Приговоренных к смертной казни содержали в камерах смертников, под которые были использованы подземелья порохового склада в Порт-Артуре. Узников умерщвляли исключительно в Хобарте, столице острова, куда в 1803—1855 годах было выслано около ста двадцати тысяч мужчин, женщины и детей. Казнь была, пожалуй, единственной «услугой» узникам, в которой им отказывали в «тюремной столице» — Порт-Артуре.

Ссылные осушали болота, а потом, впрягшись в плуг, вспахивали землю Тасмании. Когда собирали урожай, они без отдыха вращали босыми ногами огромное колесо, приводившее в движение жернова. Оно было так устроено, что узники не могли остановиться ни на одно мгновение. Только стражник мог остановить колесо, в противном случае заключенный терял равновесие и падал с большой высоты.

Тогда его ждала больница, являющаяся всего лишь входной дверью на тот свет. Над зданием больницы возвышались два бюста; они якобы изображали самого губернатора с супругой. Во всяком случае, так казалось тем, кто смотрел на них снизу. Когда много лет спустя бюсты были сняты, выяснилось, что изображение достойной леди скульптор снабдил окладистой бородой...

Сумасшедший дом был тюрьмой для всех тех, кто, по всей вероятности, заболел психическим расстройством еще в родной Англии, но суды в те времена не занимались такими мелочами, как вменяемость обвиняемого. Клиентура росла и на месте: ее поставляли тюремные предприятия комбината.

Мрак и молчание

Проявлялась здесь забота и о нравственности преступников. Библия была в каждой камере, куда запирали на ночь заключенных, занятых тяжелыми работами днем. Однако ее никто не читал, потому что в камерах не было никакого освещения, а днем узники не смели туда входить.

Каторжник Мэзон разработал чертежи собора, вмещающего две тысячи верующих. Затем другие ссыльные возводили высокую колокольню, строили стены. Как пороховой склад представлял собой копию лондонского Тауэра, так и британские соборы должны были иметь своих двойников на далеком острове. Но это здание никогда не служило молящимся, никогда не пели в нем гимнов, не служили обедни. Во время его постройки было совершено два убийства и стены, обогранные кровью, уже никогда не смогли стать святыней...

Сейчас храм превратился в руины. Гид водит по ним экскурсии, прибывшие из Хобарта или с «материка». Они хорошо организованы. В определенный час машина ждет перед зданием гостиницы в Хобарте желающих совершить поездку по живописной местности.

Гид приветствует экскурсантов. Он рассказывает об истории Порт-Артура, пересыпая свое повествование шуточками, которые входят в стоимость экскурсии. Так и хочется спросить у чичероне, сколько стоила бы одна экскурсия без его «лирических» отступлений. Он рассказывает, что духи двух убитых каторжников появляются по ночам в руинах церкви, и предлагает молодым парам прийти сюда после наступления темноты... Смеется до слез над своими анекдотами, захлебывается смехом, когда показывает, как подвешивали заключенных для наказания кнутом и как они стискивали зубы, чтобы не кричать громко. Рассказывает, что узников били часто и сильно. «Некий Догерти, леди и джентльмены, сосланный за бунт против короля, сорок два года не был на свободе ни одной минуты, зато получил в общей сложности три тысячи ударов кнутом! В нем жил строптивый дух. Ничто не могло сломить Догерти. Он был уже глубоким стариком, а все еще бунтовал против тюремной одежды, одна половина которой была коричневой, а другая — желтой». Рассказывая о моде, внедренной тюремной администрацией, гид заливался смехом, к своему собственному удовлетворению.

Живые локомотивы

Неподалеку от Пуэр Пойнта губернатор Бут построил первую в Австралии железную дорогу протяженностью около двадцати километров. По ней курсировали вагоны, приводившиеся в движение узниками. В середине пути жи-

вые локомотивы, задохнувшись от бега, менялись, и вагоны с пассажирами и провиантом, а также строевым лесом тянула новая смена.

Но даже этим каторжникам завидовали другие, содержащиеся в специальном здании тюрьмы, называемом образцовым.

Оно было построено крестом, по трем сторонам которого тянулись длинные коридоры, где располагались камеры, главным образом одиночки. В четвертой — был часовня. Высокая стена делила внутренний двор на четыре отдельных дворика. В тюрьме строжайше запрещались какие-либо разговоры, обращаться можно было только к стражникам, да и то шепотом. Перед выходом на прогулку узнику надевали на лицо маску, и он проходил в ней по коридору. В воскресенье каждого заключенного приводили в часовню и запирали в клетку, откуда он мог смотреть только перед собой — на амвон и пастора. Всю неделю ждали узники воскресной обедни, потому что им разрешалось петь гимны. Громко зывали они к богу, ни один священник не имел такой усердной паствы! Целый час работали их голосовые связки, работали на совесть — ведь впереди были дни вынужденного безмолвия.

Но и ад не для всех был одинаков. Строптивых приковывали к стене в одиночках, их никогда не выводили на прогулку, вместо этого приносили в камеру кучу камней для дробления. В свою очередь, им завидовали узники, которые попадали в «немые» камеры.

Здесь можно было кричать и шуметь вволю. Все равно ни один звук не проходил сквозь двойные каменные стены. Это были самые совершенные темницы. Стражник, который раз в день приносил положенный фунт сухого хлеба и кувшин воды («воды никогда не жалели», — заливался смехом гид), проходил через четыре двери, ведущие в камеру. Они были сделаны так, что каждую следующую нельзя было открыть, не заперев предыдущую. Таким образом, ни один луч света не проникал в камеру.

Гид по очереди запирает в камере на короткое время участников экскурсии. Нам хорошо известно, что это ненадолго. Скоро мы выйдем на солнце и глубоко вдохнем чистый воздух, но тьмы каменной норы невозможно выдержать даже несколько минут.

Остров Мертвых

Услуги тюремного комбината завершались на Острове Мертвых, который можно разглядеть в центре небольшого залива сквозь развешанные для сушки сети рыбаков. Экскурсанты смотрят в ту сторону и тотчас направляются в ресторан, где их ждет обед. Ведь они с утра ничего не ели. Гид заверяет, что сейчас в Порт-Артуре можно вкусно пообедать, прежние времена, когда здесь получали только хлеб и воду, миновали! В бывшем сумасшедшем доме устроено нечто вроде дома культуры; пары кружатся в такт музыке там, где некогда металась в безумии люди, чья жизнь была полна горя и страданий. Садисты присматривали за безумными, угасавшими на этом далеком острове, где кандалы — единственное лекарство. Только «девятыхвостая кошка» — кнут палача — заменяла «общеукрепляющий курс лечения»...

Экскурсанты подкрепляются в ресторане. Никто не желает посетить Остров Мертвых. Там пахнуло кладбище каторжников. Даже смерть не делала людей равными. Надгробия полагались только офицерам, солдатам и поселенцам. Те, которых привезли сюда против их воли, в кандалах, лежат в безымянных могилах.

Узник Марк Джеффри — бунтовщик из Ирландии. Сколько с ним было забот, сколько раз с помощью кнута старались направить его по стезе добродетели — все напрасно! Последний комендант, доктор Джон Коувердэйл, в конце концов пошел навстречу просьбе строптивного каторжника и позволил ему поселиться на Острове Мертвых. Бегство было исключено: Джеффри не умел плавать. И вот он стал жить среди мертвецов. Завел домашнюю птицу, возделывал маленький огородик. Людей он видел только тогда, когда в его царство прибывала лодка с гробом — еще одним подданным царства мертвых. Это были короткие визиты. Живые сразу же отправлялись в обратный путь. Похороны были быстрыми, Джеффри всегда имел одну могилу наготове. Он выкопал еще одну в стороне, времени для этого было достаточно. Она предназначалась для него самого.

КАК СМОТРЕТЬ КАРТИНУ?

Когда я уезжал из Австралии, в моем багаже находилась картина, нарисованная на большом куске древесной коры. Ее автором был Вийюла из племени булламуму. Я спросил его, почему кенгуру валлаби, тотем его племени, нарисован дважды — один раз нормально, другой — вверх ногами, но не понял его объяснений. Поблизости же не было никого, кто бы хорошо знал язык этого племени.

Только позже я узнал, что эти картины никогда не вешались на стены, ведь кочевые племена не имеют домов, а следовательно, и стен. Когда собирался совет племени, все клало на землю и каждый мог хорошо видеть картину разных сторон, стоя как за спиной художника, так и напротив него. А создатель картины в это время рассказывал историю, поясняющую ее сюжет.

Я усматриваю в этом некоторую аналогию, возможно даже символическую, тому впечатлению, которое остается от изучения Австралии. Чтобы оно отвечало действительной жизни страны, надо рассматривать ее с разных сторон. Иначе картина получится смазанной, полной неясностей; мы не пойдем должным образом страны, расположенной в нижней части глобуса, люди которой, по представлениям древних, ходят вверх ногами, совсем так, как чернокожий художник нарисовал своих зверей.

* * *

Я проделал большой путь, и большой путь мне еще предстоял. Реактивный самолет оторвался от австралийской земли и оставил далеко за собой огни Сиднея. Я летел в Мапиду и Гонконг, оттуда в Токио, где покидал австралийский самолет, чтобы на американском стремительно преодолеть Тихий океан и через Аляску лететь в Калифорнию.

Подали суп из хвостов кенгуру; мигали огоньки на крыльях самолета; сквозь монотонный шум мотора время от времени можно было расслышать сообщения о том, где мы пролетаем... Названия городов и поселков воскрешали их в моей памяти. Они словно стояли передо мною в ярком свете солнца.

Там, внизу, мелькали огоньки Чарлвилла, откуда я когда-то вылетел на операцию с «летающим доктором». Тучи закрывали Таупсвилл, где однажды, когда я возвращался из Новой Гвинеи, самолет совершил вынужденную посадку. Потом луна осветила Коралловое море. Мы покинули материк, который был когда-то «Великим Серым Хаосом».

Наутро самолет уже шел на посадку в столице Филиппин. В первых лучах солнца я увидел точки островов, которые сложились в слово «конец» моей повести об Австралии.

Австралия поражает всякого, кто закомится с ее историей и современной жизнью, своей необычностью и даже парадоксальностью. Начать с того, что в существовании Австралии — этой таинственной Южной Земли — были уверены еще древние греки, но открыли ее европейцы позднее всех других обитаемых материков земного шара. Австралия — геологически древнейшая земля — все еще очень молодое государство, ибо о ее действительно независимом существовании стало возможным говорить серьезно лишь последние три десятилетия. До этого Австралия находилась в роли безгласного доминиона Британской империи, ватерьявшегося где-то «на краю света». Огромная по своим географическим размерам, Австралия и сейчас еще недостаточно изучена и в большей части своей очень мало заселена.

Страна, существовавшая до последнего времени в основном за счет производства сельскохозяйственных продуктов, имеет преимущественно городское население. Сложившееся представление об австралийцах как об опаленных солнцем жителях, которые проводят жизнь верхом на лошадях в бескрайних просторах степей, перегоняя бесчисленные стада овец и коров, неверно. Только в шести столицах австралийских штатов живет более шестидесяти процентов всего населения страны. В радиусе пятидесяти миль от Сиднея и Мельбурна (всего тридцать четыре сотых процента всей территории Австралии) сосредоточено более половины ее населения. В целом же городское население страны составляет более восьмидесяти процентов. В сельском хозяйстве, лесоводстве и рыболовстве занято менее четырехсот тысяч человек.

Богатейшая страна, в которой на тринадцать миллионов жителей приходится двести миллионов голов скота, страна, где ежегодно производятся миллионы тонн зерна и которая обладает неисчерпаемыми запасами ценнейше-

го минерального сырья, в то же время имеет большие внешние долги. Здесь все еще господствует иностранный капитал, царит инфляция, возникают постоянные социальные конфликты.

Бывшая колония Англии, государство, которое не имело собственной аристократии и основу которого составили люди труда, пострадавшие от произвола британского капитала, в течение десятилетий владело зависимыми территориями и в конце концов превратилось в крупнейшую колониальную державу в Тихоокеанском бассейне, удерживавшую свои владения почти до середины 70-х годов XX века. Немало особенностей и в формировании и развитии ее государственности.

Австралийский Союз, то есть федерация шести штатов, существует с начала нашего столетия. Население страны, во всяком случае до второй мировой войны, было почти однородным: оно состояло из выходцев с Британских островов. Да и после войны его не так уж сильно разбавили эмигранты из стран Южной и Центральной Европы и «перемещенные лица». И сейчас здесь численно господствуют британцы. Отдаленность Австралии от Европы, откуда происходит практически все население страны (не считая аборигенов, которых к нашим дням уцелело всего сорок тысяч человек), должна, казалось бы, сближать людей, заставить австралийскую федерацию прочно сementироваться. Однако сепаратистские тенденции здесь еще живы. Австралиец чувствует себя прежде всего гражданином своего штата, а потом уже гражданином Союза. Настойчивое желание жителей того или иного штата считать именно свой наиболее австралийским и по природным условиям, и по складу характера его граждан распространено повсеместно. В этом вас будут убеждать и в южном штате Виктория, и в северном — Квинсленде, и в восточном — Новом Южном Уэльсе и в Западной Австралии. Сепаратистские тенденции дают о себе знать в политической и экономической жизни страны.

В последнее время, после прихода к власти лейбористской партии, победившей на всеобщих выборах в 1972 г., в Австралии происходят события, которые усиливают интерес международной общественности к жизни пятого континента.

Лейбористское правительство Г. Уитлема провело ряд мероприятий, направленных на укрепление международ-

ного и внутреннего положения Австралии. Австралийские войска были выведены из Вьетнама. Установлены дипломатические отношения с Демократической Республикой Вьетнам, Китайской Народной Республикой, Германской Демократической Республикой, Корейской Народно-Демократической Республикой, Республикой Южный Вьетнам. До этого Австралия имела дипломатические отношения только со следующими социалистическими странами: СССР, Румынией, Югославией и Монгольской Народной Республикой. Новое правительство отменило ограничения в торговле с социалистическими странами. Оно заявило о своем намерении ввести контроль за деятельностью иностранного капитала в стране. Предоставило с 1 декабря 1973 года права самоуправления Папуа Новой Гвинее. 16 сентября 1975 года Папуа Новая Гвинея стала независимым государством.

Консервативная коалиция либеральной и аграрной партий, перейдя в оппозицию после двадцатитрехлетнего пребывания у власти, всячески препятствовала лейбористскому правительству в проведении новых мер в области внутренней и внешней политики. Большинство в сенате коалиция старалась провалить законопроекты, передававшиеся правительством на рассмотрение парламента.

Выступая 2 декабря 1973 г. по поводу годовщины пребывания лейбористов у власти, Г. Уитлем заявил, что «правительство сдержит обязательства и выполнит провозглашенную программу». Десять дней спустя в речи перед парламентской группой лейбористской партии премьер-министр сказал, что в целях преодоления сопротивления оппозиции, имеющей большинство в сенате федерального парламента, он не отказывается от идеи роспуска парламента и проведения новых всеобщих выборов в мае 1974 г.

Оппозиционные партии не вняли призывам лейбористского правительства и продолжали бойкот действий последнего. 10 апреля 1974 г., после того как правительству не удалось добиться одобрения сенатом законопроекта об ассигнованиях, Г. Уитлем заявил о роспуске парламента и назначении на 18 мая 1974 г. новых всеобщих выборов.

Открывая предвыборную кампанию, Г. Уитлем в своем выступлении 29 апреля 1974 г. в Блэктауне, западном пригороде Сиднея, охарактеризовал дальнейшие планы лейбористской партии в случае сохранения ею власти. Основное внимание он уделит внутренним проблемам, обещая

продолжение начатых программ в области социального обеспечения. Г. Уитлем заявил, что лейбористы будут продолжать расширять национальный контроль над природными ресурсами страны в отличие от либеральной и аграрной партий, которые, по его словам, «продолжают оставаться апологетами иностранной собственности. Их возврат к власти,— продолжал Г. Уитлем,— вновь широко распахнет ворота иностранным компаниям. В результате их политики сейчас 68% наших энергетических ресурсов контролируются иностранцами. Если же лейбористское правительство вернется к власти, оно ограничит рост иностранных капиталовложений, и в частности расширит нынешние системы контроля, создаст единую процедуру контроля над передачей собственности иностранным компаниям и новыми прямыми иностранными капиталовложениями».

Касаясь международных отношений, Г. Уитлем заявил: «За границей Австралия никогда не пользовалась таким престижем, как сейчас. Мы похоронили старую вражду. Мы пользуемся новым уважением у старых друзей и союзников. Никогда в истории безопасность Австралии не была столь надежной».

На следующий день в Сиднее выступил лидер оппозиции Б. Снедден. Он начал с различных нападок на лейбористское правительство, заявив, что «эксперимент лейбористов провалился». Говоря о внутреннем положении страны, Б. Снедден указал на инфляцию как «величайший провал лейбористов». Чтобы преодолеть инфляцию, заявил он, «австралийцы должны нанести поражение лейбористам». Только правительство либерально-аграрной коалиции, продолжал Б. Снедден, способно управлять страной. Но, перейдя к конкретным предложениям, он не высказал ничего конструктивного, повторяя старые лозунги австралийских консерваторов. Результаты выборов оказались не в пользу либерально-аграрной коалиции. Лейбористская партия получила большинство в палате представителей — шестьдесят шесть мест из ста двадцати семи, оппозиционные партии — шестьдесят одно.

В сенате лейбористы и либерально-аграрная коалиция сохранили одинаковое число мест—по двадцать девять. Два места получили независимые, бывшие члены либеральной партии, на устойчивую поддержку которых лейбористы рассчитывать никак не могли.

Таким образом, выборы хоть и сохранили большинство в палате представителей за лейбористами, не изменили, в сущности, напряженной ситуации. Правда, факт одновременного роспуска обеих палат парламента дал премьер-министру по конституции право созвать совместное заседание обеих палат для рассмотрения важнейших правительственных законопроектов. На совместном же заседании правительству при имевшемся у него большинстве в пять мест в палате представителей обеспечивалось общее большинство в три места.

10 июня 1974 г. парламентская фракция лейбористской партии провела выборы своего руководства в правительстве и парламенте. Лидером партии и премьер-министром был избран Г. Уитлем.

Лейбористское правительство сохранилось у власти.

10 июня 1974 г. открылась первая сессия вновь избранного парламента. Лейбористское правительство сразу же внесло на его рассмотрение шесть законопроектов, двукратное отклонение которых заранее привело к роспуску парламента и новым всеобщим выборам.

Сенат опять, в третий раз, отклонил эти законопроекты. Для того чтобы добиться их принятия, лейбористское правительство, основываясь на статье 57 конституции страны, потребовало совместного заседания обеих палат парламента.

Представители либеральной и аграрной партий обратились в Верховный суд, настаивая на выполнении последним решения о запрещении проведения совместного заседания обеих палат. Верховный суд отклонил ходатайство либерально-аграрной оппозиции и состоявшееся 6 августа 1974 г. совместное заседание палат, большинством голосов приняло предложенные правительством законопроекты.

Тем не менее это не привело к ослаблению напряженности в политической и экономической жизни страны, а конституция допускает подобный созыв двух палат для рассмотрения законопроектов лишь один раз.

Инфляция и безработица продолжали увеличиваться. В феврале 1975 г. уровень инфляции составил почти 20%, число безработных достигло 312 тыс. человек, или 5,2% всей рабочей силы страны. Это самое большое число за последние 40 лет. Впервые за долгие годы платежный баланс страны стал пассивным. Если в 1972/73 финансовом году Австралия имела активное сальдо платежного балан-

са 625 млн. долл., то в 1973/74 финансовом году — пассив 678 млн.

В марте 1975 г. безработица несколько снизилась — до 270,8 тыс. человек, или 4,5% всей рабочей силы страны. Однако экономическое положение продолжает оставаться сложным.

От лейбористского правительства требуется большая решительность и целеустремленность, чтобы преодолеть опасные кризисные явления в австралийской экономике.

Как справится лейбористское правительство с этими проблемами, покажет время.

Предлагаемая читателю книга известного польского журналиста Л. Воляновского (русский перевод сделан с сокращениями) явилась результатом поездки автора в Австралию в 60-х годах. Автор дает яркую картину современной австралийской жизни. Немало страниц посвящает он истории страны. Книга написана динамично, увлекательно и достоверно. Чтение ее создает «эффект присутствия», рождает ощущение непосредственного знакомства со страной. Читатель надолго запомнит колоритные картины жизни австралийцев, их труд и отдых, страсти и увлечения, заботы и надежды. Далекый континент станет нам ближе и поштынее.

К. В. Малаховский

СОДЕРЖАНИЕ

В АВСТРАЛИЮ Я ЕДУ, НЕ ПЛАЧЬТЕ ОБО МНЕ!	3
УДИВИТЕЛЬНЕЙШИЕ ВЫДУМКИ	20
БЛЕЮЩИЙ КАПИТАЛ	61
НЕВЫНОСИМАЯ ЖАЖДА, ИЛИ КУПИТЕ ТУЧУ!	82
СТРАНА ТАМ, ВНИЗУ	99
ЗА ТЫСЯЧУ МИЛЬ ОТ ВУЛЛУМУЛУ	124
ПЕРО КЕНГУРУ	149
ПАН И «ВИЛЛИ-ВИЛЛИ» .	177
ЭЛЕГИЯ НА ЖИЗНЬ КИТА	190
ЮЖНЫЙ КРЕСТ	216
КАК СМОТРЕТЬ КАРТИНУ?	253
ПОСЛЕСЛОВИЕ	255

Люциан Воляновский
ПОЧТА
В НИКОГДА-НИКОГДА

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. З. Шварц*
Младший редактор *Л. В. Исаева*
Художник *А. В. Озеревская*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Л. И. Письман*

Сдано в набор 19/II 1975 г.
Подписано к печати 16/X 1975 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. машиномелованная.
Печ. л. 8,25. Усл. п. л. 13,86. Уч.-изд. л. 13,73.
Тираж 30 000 экз.

Изд. № 3623. Зак. № 458. Цена 82 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

4-я типография издательства «Наука»
г. Новосибирск, Станиславского, 25.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

ВЫШЛИ:

Австралия и Океания. (История, география, культура). 216 стр. с вкладкой.

Кабо В. Р.

Тасманийцы и тасманийская проблема. 200 стр.

Малаховский К. В.

Остров, открытый Магелланом. 128 стр.